

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)



РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 30, № 1, 2022 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 118

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 30, No. 1, 2022 (January – March)

Continuous issue 118

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), крупнейшем агрегаторе научных ресурсов ведущих издательств мира EBSCO, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии

5.5.4. Международные отношения



Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *EBSCO*, the largest aggregator of scientific resources of the world's leading publishing houses, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph. D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and National Economy Management

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political Institutions, Processes and Technology

International Relations



All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, и. о. ректора Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионалогии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.i.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)



Жигунова Галина Владимировна – заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – профессор Тюменского государственного университета, главный редактор журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Нур-Султан, Казахстан)

Симанавичене Жанета – профессор Института общих и социальных компетенций Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – профессор факультета управления Российского государственного социального университета, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)



EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – **Editor-in-Chief**, Acting Rector of National Research Mordovia State University, Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – **Deputy Editor-in-Chief**, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – **Executive Editor**, Member of European Association of Science Editors (EASE), Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghriyan, Libya)

Natalya L. Antonova – Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Professor, Faculty of Management, Russian State Social University, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)



Sergey A. Kizima – Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Full Professor, University of Tyumen, Editor-in-Chief, “Siberian Socium” Journal, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Nur Sultan, Republic of Kazakhstan)

Žaneta Simanavičienė – Professor, Institute of General and Social Competences, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, vzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)



СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

О. В. Бахлова, А. Н. Слугина. Межрегиональное сотрудничество и интеграция в рамках Союзного государства Беларуси и России: специфика сопряжения и информационного сопровождения	10
---	----

М. Ю. Бареев, О. Н. Курмышкина. Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме	31
---	----

Экономика и управление народным хозяйством

А. А. Гравчикова. Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации	55
---	----

А. Ю. Александрова, В. Е. Домбровская. Адаптивное моделирование туризма: опыт, проблемы и перспективы применения на региональном уровне	76
---	----

Экономическая социология и демография

О. А. Урбан, Н. В. Демчук. Социальные практики ресурсообеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона	103
---	-----

В. В. Козловский, Е. В. Недосека, С. В. Тишков. Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации	129
--	-----

Л. Н. Липатова. Особенности демографического развития сельских территорий России в условиях пандемии	155
--	-----

Социальная структура, социальные институты и процессы

О. Б. Томилин, И. М. Фадеева, О. О. Томилин. Состояние организационной культуры промышленных кластеров регион	178
---	-----

В. И. Филоненко, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель. Город и «городское»: тождество и различие	204
--	-----

Г. А. Куршева, И. В. Лаптева, А. В. Чернов, Е. Н. Бикейкин. Медийность мероприятий в области культуры и общественный резонанс (на материале Республики Мордовия)	226
--	-----

Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)	244
--	-----

Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)	246
---	-----



CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

O. V. Bakhlova, A. N. Slugina. Interregional Cooperation and Integration within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Specifics of Integration and Information Support	10
---	----

M. Yu. Bareev, O. N. Kurmyshkina. External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society	31
--	----

Economics and Management of National Economy

A. A. Gravchikova. Influence of the Population Religious Diversity on the Socio-Economic Indicators of the Russian Federation Regions	55
--	----

A. Yu. Aleksandrova, V. E. Dombrovskaya. Adaptive Tourism Modeling: Experience, Problems and Prospects of Application at the Regional Level	76
--	----

Economic Sociology and Demography

O. A. Urban, N. V. Demchuk. Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region	103
---	-----

V. V. Kozlovskiy, E. V. Nedoseka, S. V. Tishkov. Environmental Practices of Waste Management in the Small Towns of the European Part in the Arctic Zone of the Russian Federation	129
--	-----

L. N. Lipatova. Features of the Demographic Development of Rural Areas in Russia in a Pandemic	155
---	-----

Social Structure, Social Institutions and Processes

O. B. Tomilin, I. M. Fadeeva, O. O. Tomilin. The State of the Organizational Culture of Industrial Clusters in the Region	178
--	-----

V. I. Filonenko, L. A. Shtompel, O. M. Shtompel. City and “Urban”: Identity and Difference ...	204
---	-----

G. A. Kursheva, I. V. Lapteva, A. V. Chernov, E. N. Bikeykin. Media Coverage of the Activities in the Field of Culture and Public Resonance (on the Material of the Republic of Mordovia)	226
--	-----

Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)	244
--	-----

Information for Authors and Readers of the Journal (in English)	246
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 323.2

DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.010-030

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Межрегиональное сотрудничество и интеграция в рамках Союзного государства Беларуси и России: специфика сопряжения и информационного сопровождения



О. В. Бахлова*



А. Н. Слугина

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация),*

**olga.bahlova@mail.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения синергетического эффекта в рамках Союзного государства Беларуси и России, создания его положительного образа как интеграционного объединения во внутреннем и внешнем измерениях. Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить специфику сотрудничества регионов России и Белоруссии в контексте интеграционных приоритетов обеих стран.

Материалы и методы. Исследование базировалось на традиционном изучении документов, контент-анализе, сравнительном и многоуровневом анализе официальных документов России и Белоруссии, публикаций в средствах массовой информации, данных экспертного опроса, статистических материалов о динамике межрегиональных связей в Союзном государстве. В совокупности они позволили конкретизировать признаки многоплановых коммуникаций в рассматриваемой области, обозначить возможные пути совершенствования интеграционной политики стран – участниц Союзного государства в условиях обострившихся вызовов и угроз.

© Бахлова О. В., Слугина А. Н., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Результаты исследования. Показаны особенности подходов Российской Федерации и Республики Беларусь к трактовке сопряжения межрегионального сотрудничества и интеграции в формате Союзного государства. Охарактеризованы позиции приграничных регионов. Проанализированы содержание и направленность публикаций средств массовой информации разного уровня, выделены определенные уязвимости. Обнаружена недостаточная степень взаимосвязи стратегических ориентиров интеграционного и межрегионального взаимодействия. Отсутствие манифестации конфликтных побуждений нивелируется дистанцированием от предметного освещения и обсуждения актуальных вопросов, в том числе региональными и местными сообществами.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование свидетельствует о нерешенности задач информационного сопровождения Союзного государства, организации «спроса на интеграцию», подготовки кадров для «интеграционного маркетинга» на уровне регионов двух стран и расширения каналов их коммуникаций. Сделанные по его итогам рекомендации предназначены для представителей органов государственной власти и местного самоуправления и ориентированы на улучшение сложившейся ситуации посредством более эффективного использования имеющихся преимуществ и механизмов и формирования новых, отвечающих потребностям интегрирующихся государств и их регионов.

Ключевые слова: интеграция, межрегиональное сотрудничество, политическое решение, политическая элита, приграничное сотрудничество, регион, российско-белорусские отношения, Союзное государство Беларуси и России

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерения».

Для цитирования: Бахлова О. В., Слугина А. Н. Межрегиональное сотрудничество и интеграция в рамках Союзного государства Беларуси и России: специфика сопряжения и информационного сопровождения // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 10–30. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.010-030>

Original article

Interregional Cooperation and Integration within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Specifics of Integration and Information Support

O. V. Bakhlova*, A. N. Slugina

National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),

**olga.bahlova@mail.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the need to ensure a synergetic effect within the framework of the Union State of Belarus and Russia, to create its positive image as an integration association in internal and external dimensions. The purpose of the study is to identify the specifics of cooperation between the regions of Russia and Belarus in the context of integration priorities of both countries.

Materials and Methods. The research was based on the traditional study of documents, content analysis, comparative and multilevel analysis. The most important materials are official documents of Russia and Belarus, publications in the media, expert survey data, statistical information on the dynamics of interregional relations in the Union State. All of them together made it possible to concretize the signs of multifaceted communications in the field under consideration, to identify possible ways to improve the integration policy of the member states of the Union State in the face of escalated challenges and threats.

Results. The peculiarities of the approaches of the Russian Federation and the Republic of Belarus to the interpretation of interregional cooperation and integration in the format of the Union State are shown. The positions of the border regions are characterized. The content and orientation of media publications of different levels are analyzed, certain vulnerabilities are highlighted. Insufficient degree of interrelation of strategic orientations of integration and interregional interaction is found. The lack of manifestation of conflicting motives is offset by distancing from substantive coverage and discussion of topical issues, including by regional and local communities.

Discussion and Conclusion. The performed research shows that the tasks of information support of the Union State, organization of “demand for integration”, training of personnel for “integration marketing” at the level of the regions of the two countries and expansion of their communication channels are unsolved. The recommendations made as a result are intended for representatives of state authorities and local self-government bodies and are aimed at improving the current situation through more effective use of existing advantages and mechanisms and the formation of new ones that meet the needs of integrating states and their regions.

Keywords: integration, interregional cooperation, political decisions, political elites, cross-border cooperation, region, Russian-Belarusian relations, Union State of Belarus and Russia

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31086 “Challenges and Opportunities for the Union State of Belarus and Russia: Internal and External Dimensions”.

For citation: Bakhlova O.V., Slugina A.N. Interregional Cooperation and Integration within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Specifics of Integration and Information Support. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):10-30. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.010-030>

Введение. Активизация регионов и развитие интеграционных процессов – пересекающиеся тенденции. Идеалом в этом ракурсе нередко считается Европейский союз, несмотря на кризисные проявления. В нем утверждается концепт «Европы регионов» [1], предпринимаются шаги по увеличению объема акторности регионов. Функционирует Комитет регионов, сформировались концепция «еврорегионов», наднациональная региональная политика [2], региональные компоненты внешней деятельности. В контексте интересов России выделим Восточное партнерство, охватывающее 6 стран Содружества Независимых Государств (СНГ), включая Республику Беларусь¹.

¹ 28 июня 2021 г. Белоруссия приостановила участие в Восточном партнерстве. См.: Заявление пресс-службы Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e0c39160d2580d78.html (дата обращения: 27.08.2021).



С одной стороны, России и ее партнерам по интеграционным объединениям – Союзному государству Беларуси и России (СГБР), Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – важно учитывать накопленный Евросоюзом опыт, с другой – реагировать на вызовы его пространственной экспансии. Продвижение внешних игроков обостряет риски утраты Россией роли лидера интеграционных процессов в регионе СНГ. Кроме того, зарубежные страны СНГ могут тактически использовать программы Европейского союза. Конкуренцию российским инициативам составляет и проект «Один пояс, один путь», хотя официальная трактовка подразумевает комплементарность усилий России и Китая. Сказанное обуславливает актуальность совершенствования практики взаимодействия регионов стран – участниц интеграционных форматов в геополитическом поле притяжения России, а также сопряжения форм сотрудничества государств как субъектов интеграции.

Подобным «модельным» форматом выступает СГБР. Этому благоприятствуют географическое соседство России и Белоруссии, близость внешнеполитических позиций, обширность взаимного товарооборота, сходство исторических судеб, социокультурных параметров. Есть и ограничители двусторонней интеграции. Происходит ослабление «спроса на интеграцию». Так, результаты опроса ВЦИОМ (сентябрь 2020 г.) свидетельствуют о незначительном количестве сторонников Союзного государства².

Союзное строительство не в последнюю очередь стимулировалось внутриполитической мотивацией, а воля лидеров обеих стран помогала разрешать сложные ситуации. Однако углубление политической интеграции России и Белоруссии порождает спекуляции насчет «оккупации». Взаимодействие регионов во многом лишено конъюнктурной окраски и может способствовать снятию взаимных опасений, утверждению атмосферы доверия и солидарности. Но порой они не располагают достаточными ресурсами и инструментами. Межрегиональные и трансграничные связи российских и белорусских регионов встроены в различные структуры, в том числе неподконтрольные России, что ухудшает перспективы плодотворного диалога.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить специфику сотрудничества регионов России и Белоруссии в контексте интеграционных приоритетов обеих стран. Задачи исследования: определить соотношение официальных установок в ракурсе интеграционного взаимодействия и международной деятельности регионов России и Белоруссии; отразить степень вовлеченности региональных и местных элит России и Белоруссии в рассматриваемые процессы; показать уязвимости информационного сопровождения межрегионального сотрудничества и интеграции России

² Белоруссия, Россия, Союзное государство [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/belorusiya-rossiya-coyuznoe-gosudarstvo> (дата обращения: 05.06.2021).



и Белоруссии. Под регионами понимаются: применительно к России – часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации, т. е. в целом 85 субъектов Федерации³; к Белоруссии – административно-территориальные единицы, составляющие ее территорию, т. е. г. Минск (территория столицы) и 6 областей (территория областей)⁴. Первостепенное внимание уделено приграничным регионам.

Обзор литературы. В анализируемом проблемном поле обозначим две основные группы исследований. К первой отнесем работы, посвященные общей теме российско-белорусских отношений. Представленные здесь позиции разноплановы, колеблются от позитивно-оптимистических до негативно-скептических. В позитивном смысле авторы рассуждают о решении насущных вопросов [3; 4], одновременно подмечая просчеты. Констатируются противоречивость стратегических замыслов и тактических действий, отсутствие согласованных позиций политических элит [5]. Расхожее мнение об асимметричном развитии Союзного государства [6].

В негативном ключе встречаются утверждения о мифологизации СГБР, уязвимости перед внешними и внутренними вызовами и угрозами [7], интерпретации идеи интеграции как политического инструмента [8]. Востребованный сюжет – опасения Минска по поводу якобы посягательств Москвы на суверенитет Белоруссии либо «патрон-клиентских отношений» [9]. Однако даже зарубежные исследователи признают объективные интересы России, полагая, что Беларусь «представляет ценность для Кремля как целое» для противодействия расширению влияния Запада⁵.

В иностранных работах прослеживаются корреляции с дихотомией «Россия – Запад»⁶, белорусских и некоторых других – обеспечением независимости («государственной эмансипацией», «(ре)построением идентичности», «укреплением границ») Белоруссии, «интеграцией интеграций» [10–12].

Вторая группа объединяет исследования, ориентированные на изучение межрегиональных и трансграничных связей России и Белоруссии.

³ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 янв. 2017 г. № 13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/2a040075ce3b84b6c09233bd856e49a3a42e90b0/ (дата обращения: 05.06.2021).

⁴ Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-З (ред. от 31 дек. 2014 г.). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1870 (дата обращения: 05.06.2021).

⁵ Словиковски М. Исторический опыт строительства российско-белорусского федеративного государства // Центральная и Восточная Европа. Между Евросоюзом и Евразийским экономическим союзом: перспективы соперничества и сотрудничества / под науч. ред. Т. Стемпневски, З. А. Станкевича, А. Шабачока. Люблин – Москва : Ин-т Центр. Европы в Люблине ; Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2019. С. 181–199.

⁶ Wierzbicki A. Belarus and the EU – No Common Way in Sight // Ambiguities of Europe's Eastern Neighbourhood: Perspectives from Germany and Poland / ed. W. Hilz, Sh. Minasyan, M. Raś. Wiesbaden : Springer, 2020. Pp. 77–91.



Предлагается различать сотрудничество между Беларуссией и регионами России в рамках Советов делового сотрудничества и прямое сотрудничество между российскими и белорусскими регионами [13, с. 131]. Востребована приграничная тематика.

Очевидна диверсификация интереса: от частных аспектов, конкретных сфер [14; 15] до масштабных, коррелируемых с двусторонними отношениями, интеграционных процессов [16; 17]. (Меж)региональное сотрудничество трактуется как результативное направление белорусско-российского взаимодействия [18, с. 28], регионы – как «геополитические акторы в пространстве Союзного государства»⁷. Преобладает умеренная точка зрения относительно акторности регионов; скорее, они воспринимаются потенциальными акторами.

Примечательно внимание к проблемам, перспективам и сценариям взаимодействия регионов. В. А. Сапрыка указывает на высокую степень декларативности процессов межрегионального и приграничного взаимодействия, опасность его деградации и доминирования европейских фондов [19, с. 407–408]. Н. Ф. Огнева выявляет доминирование политических интересов при выборе направлений развития регионов [20, с. 89–90].

Таким образом, достижениями исследовательского сообщества можно считать проработку практических вопросов взаимодействия российских и белорусских регионов, упорядочение категориального аппарата, актуализацию акторности регионов России и Беларуссии в рамках СГБР и интеграции в целом, институционального измерения межрегионального сотрудничества. Появляются работы, иллюстрирующие общественные настроения по поводу связанности систем приграничных регионов [21]. Однако в научной литературе недостаточно отражены предпочтения региональных и локальных сообществ, особенности информационного сопровождения межрегионального сотрудничества и двусторонней интеграции.

Материалы и методы. Исследование опиралось на установки неофедералистской (К. Фридрих, А. Этциони и др.), неофункционалистской (Л. Линдберг, Ф. Шмиттер и др.) теорий региональной интеграции, позиционного подхода (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и др.) в элитологии – о роли элит в интеграционном процессе, изменении соотношения «большой» и «малой» политики, необходимости трансформации переговоров внутри создаваемого сообщества путем придания приоритетного статуса вопросам, представляющим взаимный интерес.

Использовались методы традиционного и формализованного (частотный контент-анализ) изучения документов, сравнения, многоуровневого анализа. Контент-анализ предполагал исследование содержания сообщений СМИ в период с 1 апреля 2019 г. по 31 марта 2020 г.

Исследованы союзные («Союзное вече») и национальные СМИ («Российская газета», «СБ. Беларусь Сегодня»); 20 СМИ Смоленской, Брянской,

⁷ Когут В. Г. Республика Беларусь в евразийском пространстве: современный геополитический дискурс. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 85.



Псковской областей Российской Федерации, Витебской, Могилевской, Гомельской областей Республики Беларусь; 32 районных СМИ Российской Федерации и Республики Беларусь. При выборе региональных и местных СМИ учитывался фактор приграничного положения.

Для поиска текстов использовались ключи: интеграционное / межрегиональное / приграничное / трансграничное сотрудничество / взаимодействие; переменные: представители политических элит России и Белоруссии, принятые ими политические решения в плоскости межрегионального сотрудничества. Поиск производился по русскоязычным вариантам.

Так как необходимым критериям смогли соответствовать отдельные СМИ, для соблюдения исследовательского баланса в выборочную совокупность включены по одной региональной газете от России и Белоруссии («Витебские вести» и «Смоленская газета») и по одной районной («Гарадоцкі веснік» Городокского района Витебской области и «Маяк» Новозыбковского района Брянской области), подвергшиеся более детальному анализу.

Благодаря традиционному и формализованному изучению документов установлены некоторые параметры, проясняющие особенности сопряжения межрегионального сотрудничества и интеграции России и Белоруссии.

В исследовании применялись результаты проведенного нами формализованного заочного экспертного опроса специалистов России и Белоруссии, в том числе из приграничных регионов (Псковского государственного университета, Витебского государственного университета имени П. М. Машерова и др.). Опрос способствовал выявлению специфики восприятия экспертным сообществом ключевых проблем участия политических элит России и Белоруссии в системе межрегионального и трансграничного взаимодействия.

Путем сопоставления российского и белорусского подходов, восприятия СМИ анализируемой проблематики сформулированы эмпирические обобщения, которые могут стать основой разработки и внедрения интеграционных и внутригосударственных политических решений.

Привлекались официальные документы России и Белоруссии общегосударственного и регионального уровней, закрепляющие цели, задачи и направления интеграционного, трансграничного, межрегионального взаимодействия, информационные ресурсы, демонстрирующие содержание и итоги развития внешних связей регионов России и Белоруссии.

Результаты исследования. Анализ содержания официальных документов России и Белоруссии позволил определить установки, коррелируемые с общегосударственными приоритетами в области внешней и интеграционной политики и ориентирами межрегионального сотрудничества.

В законодательстве Республики Беларусь содержится понятие «трансграничное сотрудничество», относимое к сферам внешней политики⁸. Предметно

⁸ Основные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Законом Республики Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-3 (ред. от 4 июня 2015 г.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> (дата обращения: 05.06.2021).



связи регионов России и Белоруссии оно не подразумевает. Отметим положительную динамику дискурса власти. В более ранних документах Республики Беларусь в русле «модернизации внешнеэкономических отношений» ни Россия, ни СГБР напрямую не назывались⁹. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. главным вектором выступает углубление двусторонней интеграции с Российской Федерацией в рамках Союзного государства. Предполагаются соблюдение национальных интересов Беларуси и диверсификация внешних рынков¹⁰.

Изучение белорусских документов регионального уровня дает неоднозначные результаты. В них далеко не всегда фигурируют Россия, партнеры из Российской Федерации, СГБР. Так, в программе Могилевской области намечалось развитие экономического интеграции в рамках ЕАЭС; приоритет в области иностранных капиталовложений – «развитие взаимовыгодного сотрудничества с КНР»¹¹. Более детализирована программа Гомельской области. Ее фокусы – ЕАЭС, международное и межрегиональное инвестиционное сотрудничество с Китаем. Россия присутствует среди основных торговых партнеров области, но упоминается и в разделе, где описываются ключевые риски. Развивается тема кластерной модели взаимодействия субъектов туристической индустрии («Екатерининский шлях» (Гомель, Гомельский район, Республика Беларусь – Санкт-Петербург, Российская Федерация)¹². Союзное государство в разрезе культурного сотрудничества упоминается в программе г. Минска¹³.

Российские документы демонстрируют похожую картину. В Концепции внешней политики Российской Федерации заявлено о намерении расширять стратегическое взаимодействие с Белоруссией в рамках Союзного государства¹⁴. В документах стратегического планирования международным связям субъектов Федерации и механизмам трансграничного уровня не уделено должного внимания, за исключением приграничного сотрудничества.

⁹ Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsiya-na-sajt.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁰ Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Республики Беларусь 29 июля 2021 г. № 292. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 27.08.2021).

¹¹ Программа социально-экономического развития Могилевской области на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. решением Могилевского областного Совета депутатов 22 июня 2017 г. № 28-2. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/D917m0085072_1505163600.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

¹² Программа социально-экономического развития Гомельской области на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. решением Гомельского областного Совета депутатов 16 июня 2017 г. № 201. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=D917g0084867&p1=1> (дата обращения: 05.06.2021).

¹³ Программа социально-экономического развития города Минска на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. решением Минского городского Совета депутатов от 28 февр. 2017 г. № 275. URL: https://minsk.gov.by/ru/normdoc/4199/programma_2016_2020.shtml (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Российской Федерации 30 нояб. 2016 г. № 640. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 05.06.2021).

Положительно оценим принятие Концепции¹⁵, положения которой увязаны со Стратегией пространственного развития Российской Федерации¹⁶. Однако приграничные с Белоруссией российские регионы – приграничные геостратегические территории России – в Стратегии фактически разделены на две категории. Данная градация не добавляет легитимности формату СГБР.

В документах стратегического планирования на уровне субъектов Российской Федерации фактор российско-белорусской интеграции учитывается прежде всего приграничными регионами. Однако, например, Смоленская область, для которой Республика Беларусь – важнейший торгово-экономический партнер, рассматривает ее рынок как внешний контур наряду с Литвой и Латвией. С другой стороны, область намерена использовать близость республики для превращения в опорный центр приграничного туризма россиян в Белоруссию¹⁷. В разрабатываемых сценариях развития региона интеграционная составляющая мало прослеживается. Предпочтительным выглядит подход Брянской области. Она придает особое значение потенциалу «по отработке механизмов интеграции и взаимодействия стран СНГ», обеспечению международных связей России, развитию приграничного сотрудничества с Белоруссией. Область намерена увеличить собственные возможности путем разработки проектов по созданию конурбации «Клинцы – Новозыбков – Гомель», активизации сотрудничества с Гомельской, Минской и Могилевской областями¹⁸. Наименьшее внимание соответствующим механизмам уделено в Стратегии Псковской области. Приграничное положение отнесено к возможностям региона. Предполагается развитие приграничного сотрудничества, но Белоруссия, ее регионы как партнеры не артикулированы. Предпочтение отдается странам Балтии, хотя в среднесрочной перспективе прогнозируется возрастание важности Белоруссии и Казахстана¹⁹.

Проблемные моменты в исследуемом ракурсе обнаружены также благодаря контент-анализу текстов, опубликованных в СМИ в течение указанного периода (табл. 1, 2).

¹⁵ Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 окт. 2020 г. № 2577. URL: <http://static.government.ru/media/files/MnASiQeMZvg94DljToaVcdAyXzgFpGAC.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-п (ред. от 31 авг. 2019 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=332771&fld=134&dst=100008,0&md=0.5392464446538636#0572551461031678> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁷ Стратегия социально-экономического развития Смоленской области до 2030 года [Электронный ресурс] : утв. постановлением Администрации Смоленской области от 29 дек. 2018 г. № 981 (ред. от 19 мая 2020 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/553122332> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁸ Стратегия социально-экономического развития Брянской области на период до 2030 года [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Правительства Брянской области от 26 авг. 2019 г. № 398-п. URL: <http://old.bryanskobl.ru/region/law/view.php?id=19049&type=26> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁹ Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2035 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Администрации Псковской области от 10 дек. 2020 г. № 670-п. URL: https://economics.pskov.ru/sites/default/files/strategiya_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_pskovskoy_oblasti_do_2035_goda.pdf (дата обращения: 05.06.2021).



Таблица 1. Частота упоминания средствами массовой информации форм сотрудничества России и Белоруссии
Table 1. The frequency of media references of cooperation forms between Russia and Belarus

Форма сотрудничества / Form of cooperation	Измеряемые величины / Values to be measured	Газеты Смоленской области (Россия) / The newspapers of Smolensk region (Russia)	Районная газета Брянской области (Россия) / The regional newspaper of Bryansk region (Russia)	Газеты Витебской области (Белоруссия) / The newspapers of Vitebsk region (Belarus)	Районная газета Витебской области (Белоруссия) / The regional newspaper of Vitebsk region (Belarus)	Итого / Total
1	2	3	4	5	6	7
Интеграционное / Integrative	Частота упоминания / The frequency of reference	0	1	23	12	352
	Процент от газет / The percent of the newspaper		100,00	85,19	70,59	x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers		0,28	6,53	3,41	78,57
Трансграничное / Transboundary	Частота упоминания / The frequency of reference	1	0	2	0	34
	Процент от газет / The percent of the newspaper	25,00		7,41		x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers	2,94		5,88		7,59



Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7
Приграничное / Boundary	Частота упо- минания / The frequency of reference	0	0	0	1	24
	Процент от газеты / The percent of the newspaper				5,88	x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers				4,17	5,36
Межрегиональ- ное / Interregional	Частота упо- минания / The frequency of reference	3	0	2	4	38
	Процент от газеты / The percent of the newspaper	75,00		7,41	23,53	x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers	7,89		5,26	10,53	8,48
Всего / Total	Частота упо- минания / The frequency of reference	4	1	27	17	448



Т а б л и ц а 2. Частота освещаемых в средствах массовой информации политических решений по вопросам разного уровня

Т а b l e 2. The frequency of political decisions covered in the media on issues of different levels

Уровень региона / Level of a region	Измеряемые величины / Values to be measured	«Российская газета» / Rossiyskaya Gazeta	«Созвучие» / Souzvoye Veche	«СБ. Беларусь сегодня» / SB. Belarus segodnja	Газеты Смоленской области (Россия) / The newspapers of Smolensk region (Russia)	Районная газета Брянской области (Россия) / The regional newspaper of Bryansk region (Russia)	Газеты Витебской области (Белоруссия) / The newspapers of Vitebsk region (Belarus)	Районная газета Витебской области (Белоруссия) / The regional newspaper of Vitebsk region (Belarus)	Итого / Total
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Национальный / Supranational	Количество решений / The number of decisions	30	11	44	0	0	0	1	86
	Процент от газет / The percent of the newspaper	42,80	55,0	38,26				11,11	x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers	34,88	12,79	51,16				1,16	36,75

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Количество решений / The number of decisions	20	9	66	5	2	12	8	122
Государственные / National	Процент от газет / The percent of the newspaper	28,57	45,0	57,39	83,33	100	100	88,89	x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers	16,39	7,38	54,10	4,10	1,64	9,84	6,56	52,14
	Количество решений / The number of decisions	9	0	0	0	0	0	0	9
Региональные / Regional	Процент от газет / The percent of the newspaper	12,86							x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers	100							3,85



Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Местный / Local	Количество решений / The number of decisions	11	0	5	1	0	0	0	17
	Процент от газет / The percent of the newspaper	15,71		4,35	16,67				x
	Процент от всех газет / The percent of all newspapers	64,71		29,41	5,88				7,26
Всего / Total	Количество решений / The number of decisions	70	20	115	6	2	12	9	234



Прокомментируем выявленные константы. Во-первых, отсутствие большого интереса СМИ приграничных регионов России (исключение – Смоленская область) к российско-белорусскому сотрудничеству. СМИ Витебской и Гомельской областей Республики Беларусь более на него ориентированы. Нередки дублирование материалов, формальность подачи. Позитивно выделяются «Смоленская газета», «Витебские вести», «Маяк», «Гарадоцкі веснік», «Новозыбковская газета».

Во-вторых, фрагментарность в освещении данной проблематики в национальных СМИ. В названный период в российских СМИ упоминались приграничные регионы Белоруссии, в белорусских – отдельные области Российской Федерации. Артикулирована тема культуры.

В-третьих, невыраженность интереса в союзных СМИ к развитию сотрудничества России и Белоруссии регионального и местного уровней. Принимаемые здесь решения находятся на периферии новостной повестки²⁰.

В-четвертых, подача региональными и местными СМИ взаимодействия России и Белоруссии в парадигме функционирования не единого субъекта – СГБР, а самостоятельных участников – суверенных государств. Общая интеграционная канва мало прослеживается.

В-пятых, концентрация на общесоциальном адресате. Также в материалах СМИ фигурируют социально-групповые (представители бизнеса) и индивидуальные (редко и только в решениях организационного характера) адресаты. Материалы региональных СМИ предназначены внутренним социально-групповым адресатам в разрезе интересов региона и регионального сообщества / местного населения, а местных СМИ – федеральным / общегосударственным. В Белоруссии ситуация схожа.

В-шестых, недостаточная представленность в региональных и местных СМИ Российской Федерации коммуникативных и иерархических решений в области межрегионального сотрудничества, хотя его развитие невозможно без согласования с федеральными органами власти. Районы фокусируются на совместной паритетной работе макроорганизационного характера, где они не являются участниками, и игнорируют решения микроорганизационного характера, непосредственно их затрагивающие.

В-седьмых, расхождение по целям. СМИ Российской Федерации акцентируют экономические цели, область торговли и строительства, Республики Беларусь – культурные цели, сферы исторической памяти, туризма. Большинство опрошенных экспертов считают, что главный фактор для центральных политических элит Республики Беларусь – расширение рынка сбыта, экономическая мотивация. Однако результаты контент-анализа дают иную картину.

В-восьмых, артикулируемое СМИ ключевое действие политических элит России и Белоруссии – объединение усилий. Они не концентрируются на

²⁰ Пробел восполняет рубрика «Сотрудничество регионов» на информационно-аналитическом портале Союзного государства (<https://soyuz.by/sotrudnichestvo-regionov>).



конфликтных сюжетах, хотя ощутимы разночтения в инструментarii достижения совместных целей. Для России это проекты, программы, дорожные карты, рабочие группы, технологии, культурные связи; для Белоруссии – обучение, просвещение, курирование предприятий, обмен опытом, инфраструктурные проекты. Акцентирован практический компонент.

Обсуждение и заключение. Популяризация преимуществ межрегионального сотрудничества и двусторонней интеграции пока невысока. Межрегиональные связи СГБР не наделяются СМИ привилегированным статусом во внутреннем и внешнем измерениях. Часто они позиционируются в системе широких коммуникаций с зарубежными партнерами. Не всегда четко определяются смысл и содержание освещаемых событий. Допускаются расхождения в терминологии, что служит дополнительным источником непонимания и тормозом отношений.

Обнаруживается «отстраненность» региональных и местных элит России и Белоруссии от формирования насущной повестки и предложений по решению имеющихся проблем, использованию потенциала наработанных связей для развития территорий. Их позиции в данной области не представлены в исследованных материалах должным образом. Это утверждение согласуется с преобладающим мнением экспертов России и Белоруссии, отмечающих недостаточную активность региональных и местных элит в выдвижении инициатив в плоскости межрегионального сотрудничества России и Белоруссии.

Среди факторов, препятствующих совершенствованию системы межрегионального взаимодействия России и Белоруссии, эксперты выделяют ситуативность реагирования на актуальные вызовы, отсутствие стратегии, учитывающей особенности региона, недостаточный уровень развития местного (само)управления.

Существенная уязвимость – неосознанность взаимосвязи ориентиров и динамики межрегионального сотрудничества и двусторонней интеграции. Большинство опрошенных экспертов считают, что СГБР положительно влияет на состояние межрегионального взаимодействия, признавая данный формат предпочтительным. Однако в официальных документах и публикациях СМИ регионального и местного уровней России и Белоруссии подобного сопряжения нет.

Препятствиями для межрегионального сотрудничества России и Белоруссии и союзного строительства выступают:

- слабая вовлеченность региональных и местных элит/сообществ;
- доминирование межгосударственного вектора политической коммуникации;
- неразвитость актуальных каналов коммуникаций политических элит и региональных/местных сообществ;
- неиспользование механизмов союзного уровня в межрегиональных связях;
- недостаточность информационно-аналитического сопровождения, фактическое отсутствие рекламы позитивного социального эффекта



и геополитического значения наращивания межрегиональных связей и углубления интеграции в СГБР.

Для улучшения сложившейся ситуации полагаем необходимыми:

- создание Ассоциации регионов Союзного государства, наделенной правами совещательного голоса и квазизаконодательной инициативы в выдвижении проектов решения актуальных вопросов;
- распространение института союзных программ на сферу межрегионального сотрудничества, разработку совместных программ развития для регионов России и Белоруссии;
- выделение целевых субсидий приграничным регионам Российской Федерации для повышения уровня и качества жизни населения в них, улучшения имиджевых характеристик данных регионов и Российской Федерации в целом в восприятии белорусов;
- создание региональных и местных сетевых партнерств экономического и общественно-политического плана;
- подготовку специалистов для регионов, владеющих компетенциями в области интеграционного маркетинга;
- обеспечение взаимных стажировок и командировок управленцев регионального и местного уровней;
- создание и продвижение сайта Форума регионов Белоруссии и России;
- финансовую и аналитическую поддержку региональных и местных СМИ, ведение постоянных рубрик, освещающих межрегиональные связи и интеграционные достижения в формате Союзного государства.

Рекомендации предназначены для органов государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации и Республики Беларусь, органов управления СГБР. Полученные результаты могут быть приняты во внимание при разработке и реализации решений в различных областях государственной и интеграционной политики. Дальнейшее направление исследований будет сосредоточено на углубленном анализе процесса информационного сопровождения СГБР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зонова Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 155–164. URL: <https://www.politstudies.ru/article/2644> (дата обращения: 05.06.2021).
2. Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 58–75. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4>
3. Астахова С. В. Белоруссия и Россия: 20 лет интеграции // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1 (46). С. 53–69. doi: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-1-53-69>



4. Боришполец К. П. Союзное государство России и Белоруссии: равные права граждан – решенные и проблемные вопросы // Международная аналитика. 2018. № 4 (26). С. 7–16. doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2018-0-4-7-16>
5. Куракина С. И., Баршова О. А. К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси: итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 137–159. doi: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-137-159>
6. Deyermund R. The State of the Union: Military Success, Economic and Political Failure in the Russia-Belarus Union // Europe Asia Studies. 2004. Vol. 56, issue 8. Pp. 1191–1205. doi: <https://doi.org/10.1080/1465342042000308910>
7. Marin A. The Union State of Belarus and Russia. Myths and Realities of Political-Military Integration. Vilnius : Vilnius Institute for Policy Analysis, 2020. 40 p. URL: <https://vilniusinstitute.lt/wp-content/uploads/2020/06/Anaïs-Marín-Union-State-of-Belarus-and-Russia.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).
8. Marples D. Is the Russia-Belarus Union Obsolete? // Problems of Post-Communism. 2008. Vol. 55, issue 1. Pp. 25–35. doi: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216550103>
9. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // Journal of Belarusian Studies. 2020. Vol. 9, issue 1. Pp. 3–26. doi: <https://doi.org/10.30965/20526512-12340002>
10. Кизима С. А. Стратегия Беларуси в контексте политики глобальных акторов // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 24–28. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/485> (дата обращения: 05.06.2021).
11. Astapenia R., Balkunets D. Belarus-Russia Relations after the Ukraine Conflict. Analytical Paper. 2016. Vol. 5. 23 p. URL: <https://belarusdigest.com/papers/belarus-russia-relations.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).
12. Posokhin I. Soft Belarusization: (Re)building of Identity or “Border Reinforcement” // Colloquia Humanistica. 2019. Vol. 8. Pp. 58–78. doi: <https://doi.org/10.11649/ch.2019.005>
13. Лалетина А. С. Межрегиональное сотрудничество Республики Беларусь и Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 131–134. URL: <https://www.urvak.ru/articles/probe-vypusk-1-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo-res/> (дата обращения: 05.06.2021).
14. Катровский А. П., Ридевский Г. В. Сельское хозяйство российско-белорусского приграничья: тенденции развития и трансформация отраслевой и территориальной структуры // Региональные исследования. 2017. № 4 (58). С. 105–115. URL: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2017_04\(58\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2017_04(58).pdf) (дата обращения: 05.06.2021).
15. Лаврова Е. В. Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы социально-экономического развития // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Экономика. 2016. № 4. С. 95–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35128776> (дата обращения: 05.06.2021).
16. Абрамов Р. А., Стрельченко С. Г., Халатенкова Е. Ю. Межрегиональное сотрудничество как фактор укрепления межгосударственных отношений в Союзном государстве // Регион: экономика и социология. 2017. № 1 (93). С. 253–270. doi: <https://doi.org/10.15372/REG20170112>
17. Литвинюк А. И. Трансграничное сотрудничество в условиях интеграционных процессов Республики Беларусь // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 61–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35727022> (дата обращения: 05.06.2021).



18. Когут В. Г., Нурушев Г. Н. Форумы регионов Беларуси и России – фундамент союзного строительства // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 27–34. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1304/1169> (дата обращения: 05.06.2021).
19. Сапрыка В. А. Сценарии развития приграничного и межрегионального взаимодействия регионов Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 6. С. 405–410. URL: <https://orel.dev.ranepa.ru/upload/iblock/dc5/SaprykaVA.pdf> (дата обращения: 05.06.2021).
20. Огнева Н. Ф. Направления развития трансграничного сотрудничества регионов России и Беларуси // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 86–91. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6df/Огнева_86-91.pdf (дата обращения: 05.06.2021).
21. Tyurikova A. I., Khazipova S. R., Suvorkov P. E. Mutual Relations of Pskov Region with Foreign Countries: Sociological Poll Results in the Region // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 16–28. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310010392-4>

Поступила 07.06.2021; одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 27.08.2021.

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор политических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Слугина Анастасия Николаевна, научный сотрудник Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), магистр регионоведения России, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8250-272X>, gorskaya_nastya@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. В. Бахлова – изучение концепции; проведение критического анализа материалов; критический анализ и доработка текста.

А. Н. Слугина – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; изучение концепции.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Zonova T.V. From the Europe of States to a Europe of Regions. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 1999; (5):155-164. Available at: <https://www.polit-studies.ru/article/2644> (accessed 05.06.2021). (In Russ.)



2. Kuznetsov A.V. Kuznetsova O.V. The Changing Role of Border Regions in the Regional Policies of the EU and Russia. *Baltiiskij region* = Baltic Region. 2019; 11(4):58-75. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-4>

3. Astakhova S.V. Belarus and Russia: 20 Years of Integration. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* = Russia and New States of Eurasia. 2020; (1):53-69. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-1-53-69>

4. Borishpolets K.P. The Union State of Russia and Belarus: Equal Rights for Citizens – The Solved and Demanding Questions. *Mezhdunarodnaya analitika* = Journal of International Analytics. 2018; (4):7-16. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2018-0-4-7-16>

5. Kurakina S.I., Barshova O.A. On the Occasion of the 20th Anniversary of the Union State of Russia and Belarus: Results, Problems and Prospects. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020; (47):137-159. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-137-159>

6. Deyermont R. The State of the Union: Military Success, Economic and Political Failure in the Russia-Belarus Union. *Europe Asia Studies*. 2004; 56(8):1191-1205. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/1465342042000308910>

7. Marin A. The Union State of Belarus and Russia. Myths and Realities of Political-Military Integration. Vilnius; 2020. Available at: <https://vilniusinstitute.lt/wp-content/uploads/2020/06/Anaïs-Marín-Union-State-of-Belarus-and-Russia.pdf> (accessed 05.06.2021). (In Eng.)

8. Marples D. Is the Russia-Belarus Union Obsolete? *Problems of Post-Communism*. 2008; 55(1):25-35. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216550103>

9. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship. *Journal of Belarusian Studies*. 2020; 9(1):3-26. (In Eng.) <https://doi.org/10.30965/20526512-12340002>

10. Kizima S.A. The Strategy of Belarus in the Context of Global Actors Policy. *Upravlencheskoe konsultirovanie* = Administrative Consulting. 2017; (1):24-28. Available at: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/485> (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Astapenia R., Balkunets D. Belarus-Russia Relations after the Ukraine Conflict. Analytical Paper. 2016; 5. Available at: <https://belarusdigest.com/papers/belarus-russia-relations.pdf> (accessed 05.06.2021). (In Eng.)

12. Posokhin I. Soft Belarusization: (Re)building of Identity or “Border Reinforcement”. *Colloquia Humanistica*. 2019; 8:58-78. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.11649/ch.2019.005>

13. Laletina A.S. Interregional Cooperation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Probely v rossijskom zakonodatelstve* = Gaps in Russian Legislation. 2018; (1):131-134. Available at: <https://www.urvak.ru/articles/probe-vypusk-1-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo-res/> (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Katrovskiy A.P., Ridevskiy G.V. Agriculture of the Russia-Belarus Border Areas: Development Trends and Transformation of Industrial and Territorial Structure. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2017; (4):105-115. Available at: [http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2017_04\(58\).pdf](http://media.geogr.msu.ru/RI/RI_2017_04(58).pdf) (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Lavrova E.V. Russian-Belarusian Borderland: The Problems and Prospects of Socio-Economic Development. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHIGS. Seriya: Ekonomika* = Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Series: Economy. 2016; (4):95-98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35128776> (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)



16. Abramov R.A., Strelchenko S.G., Khalatenkova E.Yu. Transregional Cooperation as a Factor to Strengthen Interstate Relations in the Union State. *Region: Ekonomika i Sociologiya* = Region: Economics and Sociology. 2017; (1):253-270. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15372/REG20170112>

17. Litviniuk A.I. Transboundary Cooperation in the Context of Integration Processes of the Republic of Belarus. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* = Humanitarian Problems of Military Affairs. 2018; (2):61-66. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35727022> (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Kogut V.G., Nuryshv G.N. Forums of the Regions of Belarus and Russia – the Foundation of the Union Construction. *Upravlencheskoe konsultirovanie* = Administrative Consulting. 2020; (1):27-34. Available at: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1304/1169> (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Sapryka V.A. Foresight of Development of Border and Interregional Cooperation Regions of the Union Government of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2016; 11(6):405-410. Available at: <https://orel.dev.ranepa.ru/upload/iblock/dc5/SaprykaVA.pdf> (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Ogneva N.F. Trends in Cross-Border Cooperation Between Russian and Belarusian Regions. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* = Vestnik IKBFU. Humanities and Social Sciences. 2017; (1):86-91. Available at: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6df/Огнева_86-91.pdf (accessed 05.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Tyurikova A.I., Khazipova S.R., Suvorov P.E. Mutual Relations of Pskov Region with Foreign Countries: Sociological Poll Results in the Region. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* = Pskov Journal of Regional Studies. 2020; (3):16-28. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310010392-4>

Submitted 07.06.2021; approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 27.08.2021.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Professor, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Political Science), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, olga.bahlova@mail.ru

Anastasiya N. Slugina, Researcher, Scientific and Educational Center “Political Analysis of Territorial Systems”, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Master of Regional Studies of Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8250-272X>, gorskaya_nastya@mail.ru

Contribution of the authors:

O. V. Bakhlova – studying of the concept; critical analysis of the materials; critical analysis and revision of the text of the article.

A. N. Slugina – collection, processing and analysis of information; writing the initial version of the text of the article; studying of the concept.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме

М. Ю. Бареев^{1*}О. Н. Курмышкина²

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация),
bareevmaksim@rambler.ru

² Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена неблагоприятной миграционной ситуацией в Республике Мордовия. Постоянный миграционный отток населения влияет как на состав человеческого ресурса региона, так и на его социальный капитал. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить взаимосвязь между социальным капиталом и миграционным поведением населения региона.

Материалы и методы. Статья базируется на социологическом исследовании «Гармонизация социальных отношений населения Республики Мордовия», проведенном в 2020 г. В анкетном опросе приняли участие 1 000 чел. В качестве квотных признаков выступили пол, возраст и место жительства респондентов. Изучен социальный капитал респондентов с активной миграционной стратегией, что позволило выявить его особенности и уникальные черты, а также провести оценки возможных сопутствующих при этом рисков для региона.

Результаты исследования. Проанализированы миграционные стратегии населения Республики Мордовия, где детерминантами возможной миграции выступают экономические факторы. Определены специфические и уникальные составляющие социального капитала потенциальных мигрантов, выявлена корреляционная взаимосвязь факторов и миграционных стратегий.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что активной миграционной стратегии придерживается наиболее экономически активная и молодая часть населения. Материалы статьи могут быть полезны региональным властям при решении

© Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

вопросов миграционной политики и регулировании миграционных потоков, а также ученым, исследующим социальный капитал потенциальных мигрантов регионов с низким уровнем социально-экономического развития.

Ключевые слова: социальный капитал, межрегиональная миграция, миграционная убыль, миграционные настроения, миграционные стратегии, молодежь, региональный социум, средний класс

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н. Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 31–54. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>

Original article

External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society

M. Yu. Bareev*, O. N. Kurmyshkina^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),

* bareevmaksim@rambler.ru

^b Scientific Center for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation)

Abstract

Introduction. The relevance of the research is due to the unfavorable migration situation in the Republic of Mordovia. The constant migration outflow of the population affects the composition of the region's human resource and its social capital. The article examines the social capital of respondents with an active migration strategy.

Materials and Methods. The article is based on the sociological study "Harmonization of social relations of the population of the Republic of Mordovia", in 2020. 1000 people were interviewed for the study. The quota criteria: gender, age, and place of residence of the respondents. The characteristics and unique features of the migrant's social capital are determined. The authors identified possible risks for the region associated with migration.

Results. Migration strategies of the population of the Republic of Mordovia are studied. The economic factors are shown as the determinants of possible migration. The specific and unique features of social capital of potential migrants have been identified. So, the article defines the reciprocal correlation between factors and migration strategies.

Discussion and Conclusion. According to the results of the study, the economically productive and young part of the population adheres to an active migration strategy. The materials of the article can be useful for regional authorities to solve migration policy issues and to regulate migration flows.

Keywords: social capital, interregional migration, migration loss, migration sentiment, migration strategies, youth, regional society, middle class

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Bareev M.Yu., Kurmyshkina O.N. External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):31-54. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>



Введение. Социальный капитал – важнейшая составляющая современного общества. Он оказывает влияние на экономику, политику и другие сферы общественной жизни. В условиях экономической нестабильности, существующей пандемии, проблемы потери и качества социального капитала особенно актуальны. Большое значение социальный капитал имеет для регионов, так как он во многом определяет их благосостояние, в том числе тех территорий, где отсутствует значимая ресурсная база (нефть, газ и пр.). Регионы как структурная составляющая общества способны накапливать и аккумулировать свой собственный уникальный социальный капитал. В то же время социальный капитал неотделим от индивида, так как именно на нем замкнуты те уникальные социальные сети и связи, которые и образуют социальный капитал. Однако последний способен не только накапливаться, но и изменяться под воздействием ряда факторов. В регионах может происходить обратный процесс – потеря социального капитала. На наш взгляд, в главной степени на это влияет миграция населения, которая приводит к разрушению социальных связей, разрывам социальных отношений между индивидами. В то же время причиной социальной мобильности населения является накопленный социальный капитал вне региона проживания.

По статистическим данным, находящимся в открытом доступе, миграционная ситуация в Республике Мордовия крайне неблагоприятная, характеризующаяся постоянной миграционной убылью населения¹. Вместе с процессом утечки человеческого ресурса в регионе происходит и потеря социального капитала. При этом в республике формируется собственный уникальный социальный капитал мезоуровня – исторически сложившиеся традиции, нормы и правила, формальные и неформальные сети. Все структурные составляющие такого социального капитала могут способствовать экономическому росту республики при условии грамотного использования, сохранения и преумножения.

Субъектом социального капитала выступает не отдельный индивид, а группы. Поэтому в данной статье мы хотим изучать социальный капитал потенциальных мигрантов. Нас интересует, каким человеческим и социальным капиталом обладает данная социальная группа, есть ли различия между мигрантами и «оседлым» населением. Цель статьи – согласно результатам проведенного исследования выявить зависимость социального капитала и миграционных установок населения на примере регионального социума, определить факторы (детерминанты) миграционного поведения различных групп населения.

Обзор литературы. На проблему изучения социального капитала ученые обратили внимание сравнительно недавно. Основоположники теории социального капитала рассматривали социальный капитал как некую

¹ Миграция населения Республики Мордовия за январь – октябрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 18.05.2021).

«совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» (членство в группе) [1, с. 66]. Объем социального капитала находится в прямо пропорциональной зависимости от размера социальных связей индивида, которые он может мобилизовать и от объема капитала (экономический, культурный, символический) самого актора [1, с. 66]. В анализе социальных систем социального капитала используются экономические принципы рационального поведения индивида. Социальный капитал состоит из отношений других людей, при разрыве которых люди могут нести определенные потери. К уменьшению социального капитала и потере его значимости ведет самодостаточность и независимость индивидов [2, с. 123].

Центральная идея концепции социального капитала Р. Патнэма состоит в ценности взаимосвязи сети и норм [3], социальный капитал изучается через призму гражданской активности населения (Италии, США), членство граждан в различного рода организациях. Согласно Р. Патнэму, существуют две формы социального капитала: «сплачивающий группу» (bonding – в группах с сильными социальными связями и отношениями взаимообмена) и «наводящий мосты» (bridging social capital – соединяет участников разных групп и расширяет сферу взаимного обмена) [3].

Изучая социальный капитал современного европейского мигранта, зарубежные исследователи заявляют о двойственности взаимного влияния накопленного капитала и миграции: к миграционным практикам склонны люди с более высоким человеческим капиталом [4; 5] и уровнем образования [6]. Однако обратное воздействие на мобильность оказывают социальные связи: чем они сильнее, тем ниже миграционные установки [6]. Согласно противоположной точке зрения, в странах Европы люди с большим социальным капиталом менее мобильны, что объясняется защитой занятости [7].

Молодежь при принятии решения о миграции в первую очередь учитывает семейные связи и ресурсы, причем они же являются и причиной возвратной миграции [8]. В качестве основного пункта назначения молодые мигранты выбирают крупные города, самый пик миграционной активности молодежи приходится на первый год после окончания вуза [9].

Миграция оказывает отрицательное воздействие на социальный капитал регионов с высоким миграционным оттоком, в которых ослабевают социальные связи, снижается уровень доверия населения и регистрируется уменьшение численности общественных ассоциаций [10].

Таким образом, зарубежные исследователи рассматривали социальный капитал как некий ресурс, которым может воспользоваться индивид через систему социальных взаимоотношений и связей, основанных прежде всего на доверии.



Отечественные исследователи обратили свое внимание на изучение социального капитала лишь в начале 2000-х гг. Одними из первых российских социологов, которые изучали социальный капитал как фактор неравенства, формирующийся на качестве социальных связей, были В. В. Радаев, Н. Е. Тихонова, Л. И. Дискин, П. Н. Шихирев, В. А. Ядов² [11; 12]. Значимая роль социального капитала на экономическое развитие регионов отмечена В. Д. Афанасьевым: отсутствие социального капитала – это основное препятствие на пути экономического развития [13, с. 105]. В регионах России наблюдается дефицит работ по изучению социального капитала. Все попытки его исследования носят эпизодический и фрагментарный характер, нет четкой концепции и методологии его изучения [13, с. 102].

М. К. Горшков полагает, что высокий уровень социально-экономических и иных видов неравенств, существующих в России, подрывает социальный капитал российского общества, формирует устойчивую «культуру неравенства», которая характеризуется повышенными показателями агрессивности и низкой сплоченности [14, с. 706].

В качестве методологического инструмента анализа социального неравенства социальный капитал изучает А. Н. Красилова, которая приходит к выводу о взаимозависимости социального капитала с традиционными показателями социального неравенства [12, с. 165]. Чем выше уровень социального капитала индивида, тем большими экономическими и социальными благами он обладает.

Ряд исследователей изучали влияние социального капитала различных групп на их экономическое положение и адаптацию в условиях экономического кризиса [15–18].

К проблеме сохранения человеческого капитала в России и влиянии на него миграции обратился Р. Х. Симонян. Изучая региональные особенности миграционного поведения молодежи в различных областях России, он выявляет следующие закономерности: «чем ниже возможность самореализации у молодежи и беднее рынок труда, тем сильнее ее стремление уехать в другие страны»; «чем ближе к границам Евросоюза, тем меньше установка на отъезд из страны»; «эмиграция из России... сопровождается вывозом капитала и утратой интеллектуального и делового ресурса страны» [19, с. 324].

Особенности региональной миграции отмечаются в работах А. В. Одинова, А. И. Шипицина, А. Ю. Марченко, Н. В. Мкртчяна, Ю. Ф. Флоринской и М. С. Туракаева [20–22]. Российские исследователи все чаще изучают влияние миграции на формирование и развитие человеческого капитала в регионах [23–25]. В фокусе их внимания находится проблема влияния социального

² Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, 2001. С. 310–319.

капитала мигрантов из ближнего зарубежья на процессы интеграции в российское общество [26–28]. При этом во всех исследованиях акцент делается на изучение тенденций сохранения или разрыва социальных связей с индивидами из страны-донора.

Одной из центральных работ, посвященных изучению взаимосвязи социального капитала и миграции, является публикация П. Жигаревой, где индикаторами социального капитала будущих мигрантов выступают уровень доверия в межличностных отношениях и институтам власти, а также распространенность социальных сетей индивидов [29]. Миграционные установки находятся в обратной зависимости от уровня доверия (как к власти, так и в межличностных отношениях), и в прямой зависимости от распространения социальных сетей.

Таким образом, под социальным капиталом потенциальных мигрантов понимается некий накопленный группой ресурс, позволяющий получить в будущем определенный социальный результат посредством реализации миграционных практик. Практическая реализация социального капитала происходит через систему социальных взаимоотношений и связей, основанных на доверии.

Материалы и методы. В статье использовались данные социологического исследования, проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» в 2020 г. в рамках мониторинга «Резервы гармонизации социальных отношений». В проекте применялся комплексный подход к изучению социальных отношений в Республике Мордовия, были выявлены оценки населением различных сфер общественной жизни, а также определен характер социальных настроений в обществе. Данные, полученные в ходе опроса, позволили оценить эффективность взаимодействия индивидов с различными социальными институтами, определить уровень распространенности миграционных настроений в обществе.

В качестве метода сбора социологической информации выступал очный анкетный опрос. Выборка была построена на основе официальной статистической информации, находящейся в открытом доступе. При формировании выборки использовался квотный принцип ее построения. Квотируемыми признаками выступали: место жительства (город, село), пол и возраст респондента (18–29 лет, 30–49 лет, от 50 лет и старше). Исследование проводилось во всех муниципальных образованиях Республики Мордовия. Объем выборочной совокупности составил 1 000 чел. Статистическая погрешность не превышала $\pm 4\%$ (3,7 %), что обеспечило высокий уровень репрезентативности и надежности результатов. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Результаты исследования. По статистическим данным, размещенным в открытых источниках, Республика Мордовия в третье десятилетие XXI в. вошла с отрицательным миграционным сальдо; миграционная убыль населения за десять месяцев (январь – октябрь) 2020 г. составила 2 954 чел.



Коэффициент относительного миграционного сальдо для Республики Мордовия составил -37,9 на 10 000 чел. населения. Миграционный отток населения в равном объеме наблюдается по всем видам миграции: как межрегиональной (1 444 чел.), так и международной (1 510 чел.). Международная миграция происходит в основном со странами СНГ, а межрегиональная – с близлежащими регионами (Московская, Нижегородская, Ульяновская, Самарская области)³. Миграционный прирост населения сложился только с г. Москвой (202 чел.), что, вероятно, связано с последствиями пандемии.

Проблема миграционной убыли населения для республики актуальна уже несколько десятилетий, анализ миграционной мобильности населения с начала 2000-х гг. показывает, что миграционный прирост наблюдался только в 2014–2017 гг. и был связан прежде всего с активной политикой МГУ им. Н. П. Огарева по привлечению иностранных студентов⁴. Однако в 2018 г. выпускники зарубежных государств стали возвращаться на родину и в республике была зафиксирована высокая миграционная убыль населения – 5 481 чел., в то время как средний показатель за 13 лет составлял 2 500 чел. Неблагоприятная миграционная ситуация в Республике Мордовия приводит к дефициту человеческих ресурсов и, как следствие, к дефициту социального капитала региона.

При изучении социального капитала будущих мигрантов использовался ряд составляющих социального ресурса индивидов, выделенных В. А. Ядовым⁵, а также формы социального капитала, определенные Дж. Коулманом [2]. Объектом исследования в работе выступает социальный капитал не индивида, а социальной группы населения, объединяющим признаком которой является желание мигрировать из республики. Структурными составляющими социального капитала будущих мигрантов выступают их человеческие ресурсы (пол, возраст, уровень образования, занятость, уровень материального положения, место жительства), система ценностей, оценка межличностных отношений и уровень доверия к власти.

Охарактеризуем миграционные намерения населения Республики Мордовия в 2020 г. Согласно данным проведенного опроса, на переезд нацелена почти пятая часть респондентов: в ближайший год – 5,5 % и в отдаленной перспективе – 13,4 %. Учитывая, что 7,8 % не смогли определиться со своими планами на будущее, можно предположить, что часть из них пополнит ряды потенциальных мигрантов. Именно эта группа респондентов, нацеленная на миграционную мобильность, находится в фокусе анализа данной статьи. Большинство опрошенных ориентированы на внешнюю миграцию (межрегиональную (52,2 %) и внутрирегиональную (25,0 %)) и в качестве будущего места своего пребывания выбирают столичные и другие крупные города России. Десятая часть респондентов, определившихся с переездом,

³ Миграция населения Республики Мордовия за январь – октябрь 2020 года.

⁴ Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2020. 427 с.

⁵ Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал...

желает эмигрировать за рубеж, для провинциального региона это достаточно высокая цифра.

Полученные результаты перекликаются с данными многочисленных российских исследований по изучению эмиграции, где в качестве основных причин миграции молодежи рассматриваются «лучшие условия жизни за рубежом» (материальные и нематериальные компоненты), наличие перспектив и возможностей для самореализации, нестабильная экономическая ситуация в России, отсутствие порядка и гарантий безопасности [19]. В данной работе нас в первую очередь интересовали внешняя и межрегиональная миграции, поскольку миграционная убыль населения в соседние регионы является проблемой республиканского масштаба. В регионе миграционный настрой респондентов в первую очередь определяют экономические факторы: отсутствие возможности служебного и карьерного роста (57,3 %), ухудшение материального положения (42,7) и нехватка работы (41,0 %). Важное значение имеют многочисленные примеры отъезда знакомых (26,5 %). Данную причину можно рассматривать как проявление факта наличия социальных связей у достаточно весомой доли респондентов, ориентированных на мобильность с мигрантами в месте возможной миграции.

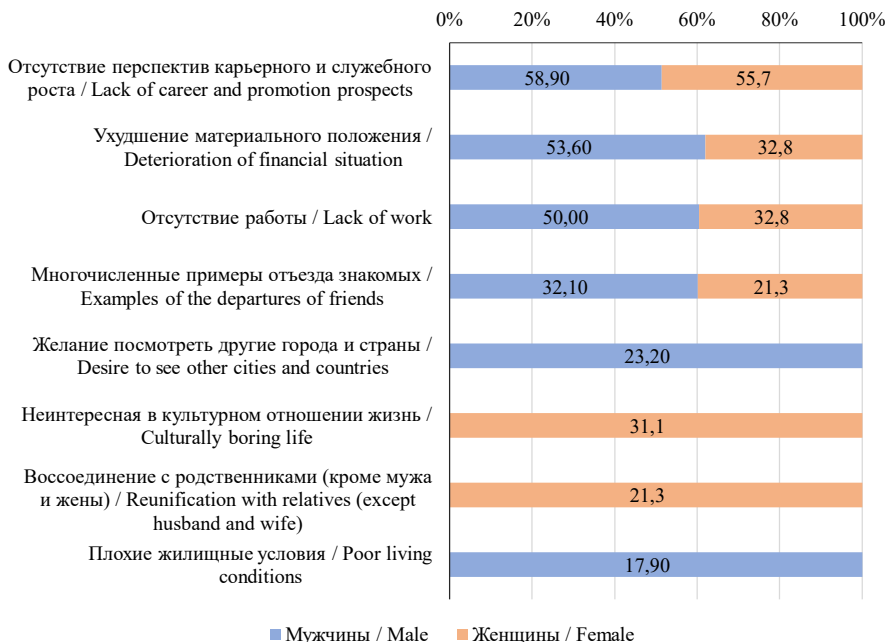
Вторую группу причин образуют социально-культурные детерминанты: неинтересная в культурном отношении жизнь (23,9 %) и желание посмотреть другие города и страны (19,6 %); также плохие жилищные условия потенциальных мигрантов для некоторых становятся определяющими при принятии решения о миграции (16,2 %).

Главенствующая роль в миграционных установках регионального социума принадлежит экономическим причинам. По мнению респондентов, в республике нет работы, достойного заработка и условий для самореализации. Мордовия, как и Забайкальский край, относится к миграционно непривлекательным регионам, где основными мотивами для миграции выступают сложность поиска работы и низкая оплата труда [21, с. 149]. Однако жители Мордовии, в отличие от жителей Забайкалья, в качестве причин миграции не отмечают высокую стоимость проживания и транспортную оторванность.

Далее определим, какой социальный капитал теряет республика. Первой составляющей социального капитала выступают человеческие ресурсы потенциальных мигрантов. На межрегиональную миграционную мобильность в большей степени ориентированы городские жители – 14,4 % опрошенных горожан хотели бы уехать из региона. Гендерных различий в миграционных намерениях респондентов выявлено не было, мужчины и женщины почти в равной степени хотят навсегда покинуть республику, однако они наблюдаются в причинах возможной миграции. Безусловно, миграционный настрой обусловлен экономическими факторами, где главенствующая роль отведена отсутствию в регионе перспектив служебного и карьерного роста, однако есть существенные различия в их значимости для гендера (рис. 1). Половина мужчин отмечают, что



причиной переезда может стать ухудшение материального положения и отсутствие работы (53,6 и 50,0 % соответственно). В женской группе эти причины тоже занимают лидирующие позиции, но их значимость существенно ниже – 32,8 %. Для женщин важна «культурная» составляющая жизни: их досуговые интересы не находят деятельностного выражения в регионе, нет условий для удовлетворения культурных потребностей.



Р и с. 1. Причины возможной миграции мужчин и женщин, %
 F i g. 1. Reasons for possible migration of men and women, %

Гендерный фактор проявляется и в видах миграции. Так, мужчины в своих миграционных намерениях смелее и амбициознее. 16,0 % из них настроены на выезд в зарубежные страны, в то время как среди женщин этот показатель составляет всего 6,7 %. Женщины в основном ориентированы на межрегиональную миграцию (61,1 против 43,6 %).

Как и следовало ожидать, самый высокий уровень миграционных настроений наблюдается у молодежи; чем старше респондент, тем ниже уровень миграционных намерений. Почти половина молодежи (45,4 %) желает переехать, абсолютное большинство из них уже определилось с видом миграции.

На внутрирегиональную миграцию ориентирована четверть молодого поколения (24,2 %). Здесь большую долю составляют выпускники сельских школ, которые планируют продолжить свое образование в республиканских учебных заведениях. Больше половины (54,9 %) молодых людей нацелены на миграцию в другие регионы России, а десятая часть (12,1 %) – в другие страны. Миграционные желания опрошенной молодежи обусловлены теми же экономическими причинами, что и всего населения, однако особо остро для нее стоит проблема продвижения по карьерной лестнице. По мнению большинства опрошенных (70,5 %), в регионе нет возможностей для служебного и карьерного роста. Другая важная причина – это отсутствие работы (47,5 %). Наличие желаемой работы и условий для саморазвития выступает детерминантом и индикатором миграционного поведения как региональной молодежи, так и всего общества республики. Для респондентов в возрасте от 30 до 49 лет такие причины, как «невозможность построить карьеру в регионе» (60,6 %) и «ухудшение материального положения» (57,6 %), имеют равный вес для принятия решения о миграции. Падение уровня жизни является определяющим и для опрошенных старше 50 лет (43,5 %), остальные причины не имеют настолько большой вес.

Уровень миграционных настроений выше у респондентов с неоконченным высшим образованием (13,3 %), а именно у студентов. Среди лиц с высшим образованием процент потенциальных мигрантов ниже (6,6 %), что объясняется высокой мобильностью выпускников в первый год после окончания обучения. В связи с этим можно предположить, что если изучать мигрантов за пределами республики, то окажется, что среди них больше лиц с высшим образованием. Однако полученные данные не противоречат общемировой и общероссийской тенденциям, согласно которым люди с высшим образованием мобильнее [6].

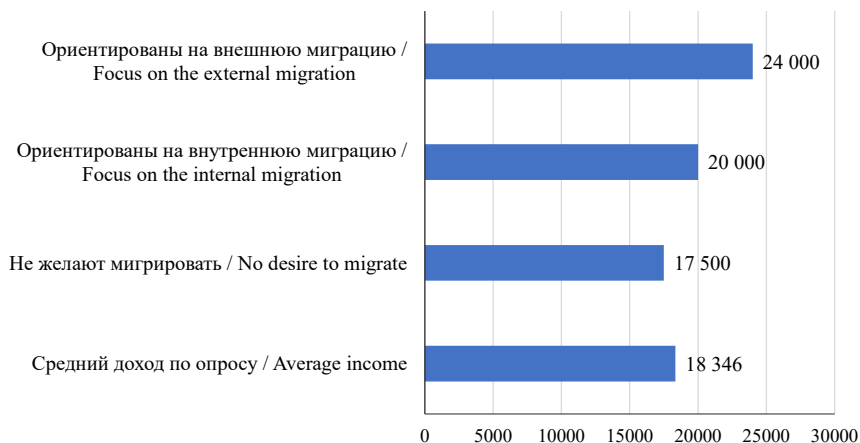
Как уже отмечалось, больше всего на миграцию ориентированы студенты и учащаяся молодежь (38,9 %), а также безработные (18,2 %). Таким образом, миграционные намерения населения зависят от возраста, пола и уровня образования и определяются прежде всего экономическими факторами. Из республики желают уехать больше трети студентов и четверти трудоспособного населения. Согласно исследованию С. В. Полутина и В. В. Козина, сменить место жительства намерены наиболее мобильные и квалифицированные группы молодежи [30, с. 197].

В отличие от других национальных республик в Мордовии не выявлены особенности миграционных намерений у населения по этнической и религиозной принадлежности. Так, например, основными компонентами социального капитала башкирского этноса являются этническая сплоченность [18, с. 62].

Согласно гипотезе нашего исследования, миграция детерминирована экономическими факторами, соответственно, потенциальные мигранты – это респонденты с низким уровнем дохода. Для определения уровня материального



положения использовались два метода: субъективная оценка респондентов и среднедушевой доход в месяц. Анализируя среднедушевой доход опрошенных, выявлена любопытная закономерность: чем выше среднедушевой доход, тем выше миграционные намерения населения (рис. 2). Самый высокий среднедушевой доход у потенциальных мигрантов, нацеленных на внешнюю миграцию, – 23 000 руб. (который соответствует медианной зарплате по Республике Мордовия); самый низкий – у респондентов, намеренных остаться в республике, – 17 500 руб. Субъективная оценка материального положения также выше у респондентов, нацеленных на мобильность.



Р и с. 2. Среднедушевой доход респондентов в зависимости от миграционной стратегии, руб.

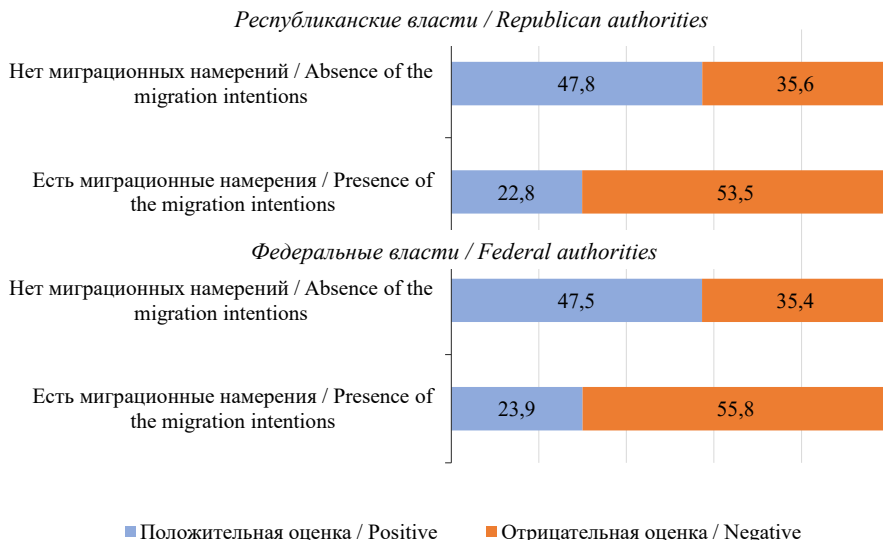
F i g. 2. Capital income of respondents depending on the migration strategy, rubles

Второй составляющей социального капитала являются социальные ценности, разделяемые всей группой потенциальных мигрантов. Для потенциальных мигрантов и лиц, не желающих уезжать, общезначимыми ценностями являются здоровье, семья и материальный достаток. Однако для первых особенно значимы свобода мыслей и демократия (25,6 %), а для вторых – спокойная размеренная жизнь (20,8 %).

Что же касается оценки межличностных отношений, то потенциальные мигранты в меньшей степени удовлетворены своими дружескими и семейными отношениями, соответственно и ниже уровень доверия к ним. Эти два показателя находятся в обратной зависимости: чем ниже уровень доверия в межличностных отношениях, тем выше миграционные намерения. Неудовлетворенность социальных отношений, неудовлетворенность их «качеством»

если не являются основной причиной миграции в республике, то, по крайней мере, оказывают существенное влияние на принятие решения о переезде.

При оценке деятельности органов власти выявлена следующая закономерность: чем выше уровень миграционных настроений, тем негативнее оценка деятельности власти. Это касается оценки деятельности как республиканских, так и федеральных ветвей власти (рис. 3).



Р и с. 3. Оценка деятельности власти в зависимости от миграционных намерений, %

F i g. 3. The dependence of the assessment of the activities of the authorities and the migration intentions, %

Таким образом, используя терминологию В. А. Ядова, мы можем констатировать, что потенциальные мигранты имеют определенную ресурсоемкость, и это позволяет рассматривать их как агентов социальных процессов. Люди с высокой социальной мобильностью относятся к первому идеальному контрастному типу – молодой, достаточно материально самостоятельный, обладающий обширными связями с «нужными людьми», проживающий в крупном городе, достаточно образованный и с высокой личностной самооценкой⁶. Поэтому их необходимо изучать ни как социальную общность субъектов солидарных действий, а как некую социально-ресурсную группу. Отличие этой группы от других состоит в том, что пока нет эмпирических данных, которые

⁶ Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал... С. 317.



подтвердили бы, что потенциальные мигранты идентифицируют себя как солидарная общность с определенными нормами и формами взаимодействия.

Второй этап анализа эмпирических данных заключался в проведении корреляционного анализа с определением факторов, оказывающих влияние на миграционные стратегии населения. Следует отметить, что переменные, используемые в рамках анализа, являются однонаправленными (от наименьшего значения признака к наибольшему), для установления степени значимости того или иного фактора использовался критерий корреляции Спирмена.

Результаты, полученные при помощи этой процедуры, подтверждают выводы, сделанные на основе таблиц сопряженности (двумерных распределений) (табл. 1). Анализ данных позволяет зафиксировать отсутствие связи между миграционными намерениями и половой принадлежностью, национальностью, уровнем образования. На принятие решения о миграции оказывает влияние место жительства, возраст и семейное положение респондента, причем здесь зависимость обратная. Чем моложе респондент, тем выше его желание мигрировать. К переезду больше готовы жители городской местности и респонденты, не состоящие в семейно-брачных отношениях. Уровень дохода – значимый фактор миграционной стратегии: чем выше доход, тем больше желание сменить место жительства. Вид возможной миграции коррелирует с местом жительства и образованием.

Таблица 1. Взаимосвязь факторов социального капитала с миграционными установками и видом миграции

Table 1. The relationship of social capital factors with migration attitudes and the type of migration

Факторы социального капитала / Factors of social capital		Миграционные стратегии (нет стратегии / есть стратегия) / Migration strategies (there is no strategy / there is a strategy)	Вид миграции (внутренняя/ внешняя) / Type of migration (internal / external)
1	2	3	4
<i>Социально-демографические факторы (ресурсы) / Socio-demographic factors (resources)</i>			
Пол / Gender	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,047	,098
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,130	,215
Возраст / Age	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,286**	-,019
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,796



Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4
Место жительства (город/село) / Residence (city/ village)	Коэффициент корреляции Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,085** ,006	-,174* ,027
Образование / Education	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,010 ,749	,237** ,003
Семейное положение / Marital status	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,199** ,000	-,0,78 ,324
Национальность / Nationality	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,042 ,154	,014 ,849
Доход / Income level	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,055* ,037	,051 ,452
Субъективная оценка дохода / Subjective assessment of income	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,050 ,087	,040 ,575
<i>Оценка деятельности власти / Assessment of the activities of the authorities</i>			
Оценка деятельности республиканских органов власти / Assessment of the activities of the government of the Republic of Mordovia	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,127** ,000	-,326** ,000
Оценка деятельности федеральных органов власти / Assessment of the activities of the government of the Russian Federation	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	-,139** ,000	-,288** ,001



Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
Оценка доверия властей к народу / Trust assessment of the authorities to the people	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,150**	-,157
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,058
<i>Оценка межличностных отношений / Assessment of interethnic relations</i>			
Удовлетворенность работой / Job satisfaction	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,132**	-,060
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,448
Удовлетворенность дружескими контактами / Satisfaction with friendly contacts	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,025	,069
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,421	,381
Удовлетворенность материально-финансовым положением / Satisfaction with the material and financial situation	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,034	-,064
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,279	,418
Удовлетворенность семейными отношениями / Satisfaction with family relationships	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,001	-,144
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,967	,068
Участие в политической жизни / Political participation	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,006	-,232**
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,844	,004

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.01 level (two-sided).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.05 level (two-sided).

Таким образом, социально-демографические критерии либо собственно человеческий капитал потенциальных мигрантов оказывают наибольшее влияние на принятие решения о миграции.

Миграционные намерения и оценка деятельности власти находятся в обратной зависимости, респонденты, настроенные на миграцию, менее позитивно оценивают деятельность как республиканских, так и федеральных

органов власти. Опрошенные с высоким потенциалом миграционной мобильности полагают, что власти к населению относятся с недоверием.

Наименьшее влияние на принятие решения о миграции оказывают межличностные отношения респондентов. Выявленная корреляция изучаемых переменных значима только при оценке удовлетворенности работой и отношениями с коллегами. Респонденты с активной миграционной стратегией чаще говорят о неустроенности отношений в профессиональной сфере.

Корреляционный анализ позволил выявить интересную зависимость: респонденты, не участвующие в общественно-политической жизни, имеют высокий уровень миграционной мобильности. Вовлеченность в общественную жизнь регионального социума создает тесные социальные связи, которые имеют обратное воздействие на возможную миграционную мобильность. Зависимости между удовлетворенностью семейными отношениями, дружескими контактами и миграционными установками не выявлены.

Система ценностей населения является неотъемлемой составляющей социального капитала. Поэтому мы представили для наглядности только те ценности, в которых есть существенные различия в изучаемых группах (табл. 2). Миграционные намерения выше у респондентов, для которых значимы любовь, образование, свобода мыслей и демократия, а также частная собственность, а для опрошенных, не желающих менять место жительства, — здоровье, семья и спокойная размеренная жизнь.

Таблица 2. Взаимосвязь факта выбора ценности с миграционными установками и видом миграции

Table 2. The relationship of values with migration attitudes and the type of migration

Выбор ценности / Value selection		Миграционные стратегии (нет стратегии / есть стратегия) / Migration strategies (there is no strategy / there is a strategy)	Вид миграции (внутренняя / внешняя) / Type of migration (internal / external)
1	2	3	4
Здоровье / Health	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,112**	,058
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,457
Любовь / Love	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,154**	,128
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,102



Окончание табл. 2 / End of table 21

1	2	3	4
Образование / Education	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,144**	,098
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,211
Свобода мыслей, демократия / Freedom of thoughts, democracy	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,185**	,137
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,082
Семья / Family	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,098**	-,108
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,002	,168
Спокойная размеренная жизнь / Quiet well-ordered life	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	-,049	-,161*
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,115	,041
Частная собственность / Private property	Коэффициент корреляции / Correlation coefficient	,131**	,020
	Значимость (2-сторонняя) / Sign. (2-sided)	,000	,797

Анализ данных позволил определить, что миграционные настроения и желания респондентов во многом определены экономическими факторами: отсутствие работы, условий для профессиональной самореализации и карьерного роста являются детерминантами миграционного поведения. Активной миграционной стратегии придерживается трудоспособная часть населения (преимущественно это студенты старших курсов вузов и экономически занятое население среднего возраста). Чем более образован человек, тем вероятнее, что он переедет в более благополучный регион. Процесс концентрации человеческого капитала усиливается межрегиональной миграцией [31].

На миграцию ориентирован в большей степени средний класс регионального социума (по субъективной оценке респондента), полученные данные подтверждают, что уровень миграционных настроений у респондентов с высоким доходом выше. Респондентов с высоким миграционным потенциалом чаще не устраивают отношения с коллегами, и они отрицательно оценивают деятельность властей.

Однако наиболее интересным, по данным социологического исследования, стал тот факт, что для респондентов с миграционными намерениями значимой ценностью является свобода мыслей и демократия. Также весьма

любопытно, что не наблюдается гендерных различий в миграционных намерениях населения. В то же время статистические данные свидетельствуют о маскулинном характере миграционных процессов, а это дает основания предполагать о наличии гендерных различий в миграционных практиках.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование показало, что сложившуюся миграционную ситуацию в Республике Мордовия нельзя назвать благополучной. Для региона характерен центростремительный характер миграции. Население в основном уезжает в ближайшие крупные регионы, а безусловным лидером выступает г. Москва и Московская область. Миграционный отток населения влияет не только на состав и структуру человеческого капитала, но и на социальный капитал региона. Социологическое исследование показало, что уровень миграционных настроений среди опрошенных достаточно высокий. Активной миграционной стратегии придерживается примерно пятая часть респондентов. В качестве причин возможной миграции выступают отсутствие работы, условий для карьерного и служебного роста, а также низкий уровень заработной платы.

На межрегиональную миграцию нацелены главным образом молодежь и респонденты среднего возраста. Миграционная стратегия респондентов напрямую зависит от уровня образования, уровня доходов, семейного положения и места жительства. В ходе анализа данных был выявлен ряд интересных закономерностей: активной миграционной стратегии в большей степени придерживаются респонденты с высоким уровнем дохода, потенциальные мигранты чаще не удовлетворены отношениями в профессиональной сфере, а также деятельностью органов власти.

Снижение уровня миграционных намерений населения возможно при условии создания новых рабочих мест, работающей системы социальных лифтов и повышении заработных плат в регионе. Поэтому формирование благоприятных условий для работы потенциальных мигрантов поможет не только снизить уровень миграционных настроений, но и привлечь население из других регионов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при принятии управленческих решений федеральными и региональными органами исполнительной власти по вопросам регулирования миграционных потоков как внутри региона, так и за его пределами. Кроме того, материалы статьи будут полезны представителям научного сообщества, интересующимся вопросами социального капитала потенциальных мигрантов регионов с низким уровнем социально-экономического развития.



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–75. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения: 18.05.2021).
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).
3. Oberle M. Robert D. Putnam: Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community, New York: Simon and Schuster 2000, 541 S. // Klassiker der Sozialwissenschaften / ed. by S. Salzborn. Springer VS, Wiesbaden, 2016. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-658-13213-2_95
4. Bernard A., Bell M. Educational Selectivity of Internal Migrants: A Global Assessment // Demographic Research. 2018. Vol. 39, no. 1. Pp. 835–854. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.29>
5. Garip F. Social Capital and Migration: How do Similar Resources lead to Divergent Outcomes? // Demography. 2008. Vol. 45, no. 3. Pp. 591–617. doi: <https://doi.org/10.1353/dem.0.0016>
6. Faggian A., McCann P., Sheppard S. Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students // Urban Studies. 2007. Vol. 44, no. 13. Pp. 2511–2528. doi: <https://doi.org/10.1080/00420980701667177>
7. David Q., Janiak A., Wasmer E. Local Social Capital and Geographical Mobility // Journal of Urban Economics. 2010. Vol. 68, no. 2. Pp. 191–204. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.04.003>
8. Zorlu A., Kooiman N. Spatial Trajectories in Early Life: Moving on or Returning Home? // Population, Space and Place. 2019. Vol. 25, no. 7. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2268>
9. University Graduate Migration in Finland / N. Kotavaara [et al.] // Geoforum. 2018. Vol. 96. Pp. 97–107. doi: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.010>
10. Spina N. Out-migration and Social Capital // Oxford Textbook of Migrant Psychiatry / ed. by D. Bhugra. Oxford University Press, 2021. doi: <https://doi.org/10.1093/med/9780198833741.003.0020>
11. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–33. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf (дата обращения: 18.05.2021).
12. Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2007. № 4. С. 160–180. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9565657> (дата обращения: 18.05.2021).
13. Афанасьев В. Д. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4. С. 88–108. doi: <https://doi.org/10.15838/esc/2015.4.40.6>
14. Горшков М. К. Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2016. № 4. С. 693–718. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/14805> (дата обращения: 18.05.2021).



15. Полищук Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2005. Вып. 1. С. 10–16. URL: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3461> (дата обращения: 18.05.2021).
16. Татарко А. Н. Влияние социального капитала на экономические представления русских и китайцев // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19706> (дата обращения: 18.05.2021).
17. Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–4. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.01>
18. Валиахметов Р. М., Кадыров С. Х., Ягафарова Д. Г. Экономический и социальный капитал башкирского народа // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2013. № 2. С. 51–63. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6056> (дата обращения: 18.05.2021).
19. Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313–326. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>
20. Одинцов А. В., Шипилин А. И., Марченко А. Ю. Центристская миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335–354. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>
21. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130–153. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>
22. Туракаев М. С. Образовательный уровень и культурный капитал как факторы миграции населения (на примере жителей Республики Башкортостан) // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 122–130. doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805>
23. Спиридонова Н. В., Судова Т. Л. Миграция человеческого капитала как фактор устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2019. № 3. 146–150. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6700> (дата обращения: 18.05.2021).
24. Снигирева Г. Д., Сенникова И. Л., Останина Е. С. Проблематика миграции человеческого капитала (на примере Кировской области) // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 1. URL: <http://www.a-factor.ru/archive/item/52-problematika-migratsii-chelovecheskogo-kapitala-na-primere-kirovskoj-oblasti> (дата обращения: 18.05.2021).
25. Ишмурадова Д. Ф. Миграционный фактор развития человеческого капитала // Урбанистика. 2019. № 4. С. 15–20. doi: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2019.4.31505>
26. Татарко А. Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 33–43. doi: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>
27. Цой Г. Социальный капитал и адаптация южнокорейских мигрантов в России // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Психология. 2018. Т. 11, № 1. С. 58–67. doi: <https://doi.org/10.14529/psy180105>



28. Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. 2020. Т. 21, № 1. С. 11–43. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf (дата обращения: 18.05.2021).

29. Жигарева П. Стратегии мобильности и сети доверия: анализ современных тенденций // Социология власти. 2015. № 4. С. 177–194. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425424/#425419> (дата обращения: 18.05.2021).

30. Полутин С. В., Козин В. В. Профессионально-трудовое определение молодежи региона // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 192–199. URL: <https://regionsar.ru/node/1493> (дата обращения: 18.05.2021).

31. Kauhanen M., Tervo H. Who Moves to Depressed Regions? An Analysis of Migration Streams in Finland in the 1990s // International Regional Science Review. 2002. Vol. 25, no. 2. Pp. 200–218. doi: <https://doi.org/10.1177/016001702762481249>

Поступила 05.04.2021; одобрена после рецензирования 07.06.2021; принята к публикации 19.06.2021.

Об авторах:

Бареев Максим Юрьевич, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Курмышкина Оксана Николаевна, старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, mad-oksana@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

М. Ю. Бареев – постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения; сбор материалов; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

О. Н. Курмышкина – сбор материалов и инициация исследования; определение методологии исследования; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Forms of Capital. *Ekonomicheskaja sociologija* = Economic Sociology. 2002; 3(5):60–75. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Coleman J. Capital Social and Human. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Contemporary World. 2001; (3):122–139. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf> (accessed 18.05.2021). (In Russ.)

3. Oberle M., Robert D. Putnam: Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000, 541 p. In: Salzborn S. (ed.) *Klassiker der Sozialwissenschaften*. Springer VS, Wiesbaden; 2016. (In Germ.) doi: https://doi.org/10.1007/978-3-658-13213-2_95
4. Bernard A., Bell M. Educational Selectivity of Internal Migrants: A Global Assessment. *Demographic Research*. 2018; 39(1):835-854. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.29>
5. Garip F. Social Capital and Migration: How do Similar Resources Lead to Different Results? *Demographics*. 2008; 45(3):591-617. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1353/dem.0.0016>
6. Faggian A., McCann P., Sheppard S. Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students. *Urbanism*. 2007; 44(13):2511-2528. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00420980701667177>
7. David Q., Janiak A., Wasmer E. Local Social Capital and Geographical Mobility. *Journal of Urban Economics*. 2010; 68(2):191-204. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.04.003>
8. Zorlu A., Koymann N. Spatial Trajectories in Early Life: Moving Forward or Returning Home? *Population, Space, and Place*. 2019; 25(7). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2268>
9. Kotavaara N., Kotavaara O., Rusanen J., Muilu T. University Graduate Migration in Finland. *Geoforum*. 2018; 96:97-107. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.010>
10. Spina N. Out-Migration and Social Capital. In: Bhugra D., ed. *Oxford Textbook of Migrant Psychiatry*. Oxford University Press; 2021. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/med/9780198833741.003.0020>
11. Radaev V.V. Term of Capital, Forms of Capitals and their Conversion. *Ekonomicheskaja sociologija* = Economic Sociology. 2002; 3(4):20-33. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Krasilova A.N. Social Capital as an Instrument of Analysis of Inequality in Russia's Society. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija* = Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2007; (4):160-180. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9565657> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Afanasev D.V. On the Question of Studying the Role of Social Capital under the Conditions of the Socio-Economic Crisis. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2015; (4):88-108. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/esc/2015.4.40.6>
14. Gorshkov M.K. Social Inequalities in Post-Reform Russia: A Sociological Diagnosis. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologija* = RUDN Journal of Sociology. 2016; (4):693-718. Available at: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/14805> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Polishchuk E.A. Social Capital and its Role in Economic Development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* = St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2005; (1):10-16. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/3461> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Tatarko A.N. Influence of the Social Capital on Economic Representation Russian and Chinese. *Psihologija v ekonomike i upravlenii* = Psychology in Economics and Mana-



gement. 2010; (2). Available at: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19706> (accessed: 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

17. Karavai A.V. Russian Workers: Social Capital and Capital Accumulation Settings. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2016; (3):1-4. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.01>

18. Valiahmetov R.M., Kadyrov S.H., Yagafarova D.G. Economic and Social Capital of the Bashkir People. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologija* = RUDN Journal of Sociology. 2013; (2):51-63. Available at: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6056> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Simonyan R.H. Migration Attitudes of Russian Youth: A Regional Dimension. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2017; (6):313-326. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>

20. Odintsov A.V., Shipitsin A.I., Marchenko A.Yu. Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2020; (3):335-354. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>

21. Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. Why Some People Leave Certain Regions in Favor of Others: Motives Behind Interregional Migration in Russia. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2020; (5):130-153. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>

22. Turakaev M.S. The Level of Education and Cultural Capital as Migration Factors (Based on People Living in the Republic of Bashkortostan). *Sociologicheskaja nauka i socialnaja praktika* = Sociological Science and Social Practice. 2019; (4):122-130. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805>

23. Spiridonova N.V., Sudova T.L. Migration of Human Capital as a Factor of Sustainable Development. *Problemy sovremennoj ekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2019; (3):146-150. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6700> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Snigireva G.D., Ostanina E.S., Sennikova I.L. The Migration of Human Capital (On the Example of Kirov Region). *A-faktor: nauchnye issledovanija i razrabotki (gumanitarnye nauki)* = A-factor: Research and Development (The Humanities). 2018; (1). Available at: <http://www.a-factor.ru/archive/item/52-problematika-migratsii-chelovecheskogo-kapitala-na-primere-kirovskoj-oblasti> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Ishmuratova D.F. Migration Factor in Development of Human Capital. *Urbanistika* = Urban Studies. 2019; (4):15-20. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2019.4.31505>

26. Tatarko A.N. Social Capital and Acculturation Strategies as Factors of Socio-Cultural Adaptation of Migrants from Central and Central Asia in the Moscow Region. *Kulturno-istoricheskaja psihologija* = Cultural-Historical Psychology. 2018; 14(2):33-43. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>

27. Choi K. Social Capital and Adaptation of South Korea Migrants in Russia. *Vestnik JuUrGU. Ser.: Psihologija* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology". 2018; 11(1): 58-67. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14529/psy180105>
28. Kamalov E.A., Ponarin E.D. Subjective Well-being of Migrants in Russia: Effects of Regional Characteristics and Migration Legislation. *Ekonomicheskaja sociologija* = Journal of Economic Sociology. 2020; 21(1):11-43. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2020/01/30/1569359014/ecsoc_t21_n1.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
29. Zhigareva P. Strategies of Mobility and Networks of Trust: Analysis of Contemporary Tendencies. *Sociologija vlasti* = Sociology of Power. 2015; (4):177-194. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425424/#425419> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Polutin S.V., Kozin V.V. Professional and Labor Determination of the Youth in a Region. *Regionologiya* = Regionology. 2016; (4):192-199. Available at: <https://regionsar.ru/node/1493> (accessed 18.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
31. Kauhanen M., Tervo H. Who Moves to Depressive Regions? Analysis of Migration Fows in Finland in the 1990s. *International Regional Scientific Review*. 2002; 25(2):200-218. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/016001702762481249>

Submitted 05.04.2021; approved after reviewing 07.06.2021; accepted for publication 19.06.2021.

About the authors:

Maxim Yu. Bareev, Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Oksana N. Kurmyshkina, Senior Researcher, Scientific Center for Social and Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3324-5066>, mad-oksana@yandex.ru

Contribution of the authors:

M. Yu. Bareev – statement of the scientific problem and identification of the ways of solving it; collection of materials; structuring and analysis of the results obtained; writing the text of the article.

O. N. Kurmyshkina – collection of materials and initiation of the study; choice of research methodology; structuring and analysis of the results obtained; writing the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 322(470+571)

DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации

**А. А. Гравчикова**

*Институт экономики и организации промышленного
производства Сибирского отделения Российской академии
наук (г. Новосибирск, Российская Федерация),
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
(г. Новосибирск, Российская Федерация),
alinkhrzh57@mail.ru*

Аннотация

Введение. В современном мире глобализация приводит к активному взаимодействию представителей различных культур, однако остается вопросом, каким образом это отражается на жизни общества. Цель статьи – оценить влияние религиозного разнообразия на уровень благосостояния населения регионов Российской Федерации.

Материалы и методы. В ходе анализа использовались данные Арены – Атласа религий и национальностей и Федерального агентства по делам национальностей. Религиозное разнообразие оценивалось с использованием двух показателей: индекса диверсификации Симпсона и индекса поляризации. В качестве показателя благосостояния выбран объем потребления на душу населения, с одной стороны, самостоятельно отражающий уровень жизни, с другой – являющийся элементом валового выпуска. Проверка существования связи между религиозной неоднородностью и показателем благосостояния осуществлялась при помощи регрессионного анализа, была произведена оценка панельных регрессий.

Результаты исследования. Подтверждено, что религиозное разнообразие влияет прямо пропорционально на коэффициент разводимости, который, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на уровень потребления в регионах Российской Федерации. Выявлена прямая отрицательная связь непосредственно между конфессиональной неоднородностью и объемом потребления. Доказано, что религиозное разнообразие отрицательно воздействует на экономические показатели посредством социальной сферы жизни общества.

Обсуждение и заключение. В рассматриваемый временной промежуток продолжалась тенденция постепенного сокращения религиозной неоднородности. Указанные процессы являются благоприятной основой для повышения показателей благосостояния общества, поскольку снижают негативное влияние религиозной неоднородности,

© Гравчикова А. А., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



в том числе и на уровень потребления. Используемые в ходе анализа данные и методы, а также полученные результаты могут послужить основой для проведения дальнейших исследований. Произведенные оценки и сформулированные на их основе выводы полезно учитывать при принятии решений в сфере социально-экономической политики государства, которая требует учета широкого перечня факторов, в число которых входит и культурный фон общества.

Ключевые слова: религиозная неоднородность, религиозная поляризация, экономическое развитие, потребление, институт семьи, регионы Российской Федерации

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-310-90010 «Этнокультурное разнообразие, экономическое развитие и проблемы управления в регионах России».

Для цитирования: Гравчикова А. А. Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 55–75. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075>

Influence of the Population Religious Diversity on the Socio-Economic Indicators of the Russian Federation Regions

A. A. Gravchikova

*Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation),
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation),
alinkhrzh57@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the modern world globalization leads to the active interaction of representatives of different cultures. However, there are questions of how this affects the life of society. The purpose of this article is to assess the religious diversity impact on the well-being level of the population of the Russian Federation regions.

Materials and Methods. For analysis the author has used data from the Atlas of Religions and Nationalities of Russia “Arena” and the Federal Agency for Ethnic Affairs. Religious diversity was assessed using two indicators: the Simpson Diversity Index and the Polarization Index. The paper considers the consumption level as an indicator of well-being. On the one hand, the consumption level reflects independently the standard of living; on the other hand, it is an element of gross output. The correlation between religious heterogeneity and the well-being indicator was checked by using regression analysis. Besides the panel regressions were also evaluated.

Results. The economic analysis confirms that religious diversity is directly proportional to the divorce rate, which has a negative impact on the consumption level in the Russian Federation regions. In addition, there are direct negative relationship between confessional heterogeneity and consumption. The results lead to the conclusion that religious diversity negatively affects economic indicators through the social sphere.

Discussion and Conclusion. The general conclusion is that during the period under consideration, there is trend of the gradual reduce of the religious diversity. These processes are a favorable basis for increasing the well-being indicators of society because they reduce



the negative impact of religious heterogeneity on the whole as well as on the consumption level. The data, the methods and the obtained results can be used as a basis for further research. The estimates and the conclusions could be taken into account in the socio-economic policy.

Keywords: religious heterogeneity, religious polarization, economic development, consumption, family institution, regions of the Russian Federation

The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The material was prepared as part of the RFBR project No. 19-310-90010 “Ethnocultural diversity, economic development and management problems in the regions of Russia”.

For citation: Gravchikova A.A. Influence of the Population Religious Diversity on the Socio-Economic Indicators of the Russian Federation Regions. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):55-75. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075>

Введение. Современные процессы глобализации стремительно усиливают взаимозависимость национальных экономик [1]. Тот факт, что быстрые перемещения по миру человеческих ресурсов и технологий способствуют сближению культур [1–4], является предпосылкой интереса со стороны научного сообщества к формирующемуся при этом культурному пространству. Однако однозначного мнения в отношении того, как последствия указанных явлений воздействуют на благосостояние, нет [5–7].

В настоящей работе проводится проверка возможного влияния религиозной неоднородности населения регионов Российской Федерации на уровень потребления на душу населения. При этом предполагается, что каналом воздействия является институт семьи. Проверяемые гипотезы можно сформулировать следующим образом:

1. Религиозное разнообразие оказывает отрицательное влияние на уровень потребления.
2. Религиозное разнообразие оказывает прямо пропорциональное влияние на уровень разводов.
3. Уровень разводов оказывает отрицательное влияние на уровень потребления.

Цель статьи – на основе предшествующих исследований, интегрируя представленные в них идеи и методы, провести анализ воздействия религиозной неоднородности регионов Российской Федерации на благосостояние, выраженное через уровень потребления на душу населения. Кроме этого, ориентируясь на рекомендации К. Озгена о том, что для будущих исследований важно сосредоточиться на точных механизмах, посредством которых разнообразие влияет на экономику [6], в данной работе выдвигается

предположение, что влияние религиозного разнообразия происходит через прочность института семьи.

Обзор литературы. Миграция и информационная глобализация имеют долгосрочные последствия для общества, поэтому экономисты и социологи все чаще обращают внимание на культуру и культурное разнообразие, которые подвержены их воздействию и которые рассматриваются при этом в качестве фактора, оказывающего влияние на благосостояние.

Исследования последних трех лет, направленные на изучение связи культуры и показателей экономического роста, основаны чаще всего на данных аналогичных друг другу Европейского¹ и Мирового² обзоров ценностей, используемых в зависимости от того, какой набор наблюдений рассматривается. С. Беугелсдийк, М. Я. Класинг, П. Милионис пришли к выводу, что отдельные виды ценностей, такие как доверие, имеют положительную связь с ВВП на душу населения в странах Европы [8]. Х. Пилипенко, Н. Литвиненко и Т. Барна также изучали ценности населения ряда стран Европы, рассматривая при этом ценностные ориентации с точки зрения их влияния на инновационные склонности человека, и в результате пришли к заключению, что инновационная деятельность напрямую зависит от социокультурных ценностей, определяющих человеческие предрасположенности, привычки и мотивации. В качестве объяснения результатов авторы отмечают двойственную природу инноваций, которая проявляется в симбиозе инновации и продукта творчества: инновационный импульс возникает из стремления человека получить экономическую выгоду, с одной стороны, и достичь оригинальности, обусловленной традициями определенной культуры, – с другой [9]. А. А. Ромеро и Дж. Эдвардс привели доказательство того, что предельное влияние прямых иностранных инвестиций на рост ВВП различается в зависимости от степени культурных ценностей в странах мира [10]. К. Кафка, П. Костис и П. Петракис в своем исследовании приходят к выводу, что институты и культура взаимосвязаны и дополняют друг друга с точки зрения их роли в экономическом развитии. Вывод основан на том, что рост ВВП на душу населения наблюдается только в случае одновременного благоприятного институционального и культурного фона [11]. Нарушение одного из составляющих ведет к более низкому уровню развития. Таким образом, один и тот же институциональный фон может по-разному влиять на экономическое развитие в зависимости от культурного фона. К. Пантелис в своей работе уточняет, на основе чего культурный фон может меняться, используя при этом схему соотношения ценностей, предложенную Ш. Шварцем [12]. В качестве фактора изменений рассматривается

¹ European Social Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 16.06.2021).

² World Values Survey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 16.06.2021).



уровень экономической неопределенности, который может перестраиваться под воздействием таких событий, как мировой финансовый кризис 2008 г. или недавняя пандемия COVID-19. Автор утверждает, что поведение, предпочтения и в целом культурный фон общества в условиях неопределенности меняются, что влияет на способ принятия решений и экономическое развитие [13].

Ко второй группе относится обширный перечень работ, рассматривающих в качестве фактора благосостояния уже не отдельные виды ценностей и культур, а их многообразие, что более характерно для современных неоднородных обществ. На основе данных о культурном составе авторы производят количественную оценку неоднородности, которая затем изучается на предмет существования ее связи с показателями благосостояния.

Как и в предыдущей группе исследований, в последние несколько лет часть авторов для расчета показателей культурной неоднородности стран мира и Европы используют данные Европейского и Мирового обзоров ценностей. Результаты анализа К. Лю, Ц. Ян и Х. Цзоу показывают, что культурная неоднородность ценностей жителей Китая отрицательно коррелирует с ВВП и прямо пропорционально – с социальным конфликтом [14]. Хорошее объяснение взаимосвязи полученных результатов предложено в работе Э. Л. Юн: существование этнического конфликта сопровождается альтернативными издержками, такими как потерянное время и ресурсы, которые вместо этого можно было бы инвестировать в экономическое развитие [15]. С. Беугелсдийк, М. Я. Класинг и П. Милионис, изучив страны Европы, также пришли к заключению, что между неоднородностью ценностей и региональным экономическим развитием, выраженным через ВВП на душу населения, связь отрицательная [8].

Еще одним популярным критерием неоднородности в работах последних лет является лингвистическая дистанция. Показатель представляет собой долю слов, похожих на два языка, расстояние между которым рассматривается³. Х. Дейл-Олсен и Х. Финсераас изучили данные норвежских фирм и выявили, что лингвистическая неоднородность отрицательно влияет на совокупную факторную производительность (соотношение общего объема производства и средневзвешенного значения затрат труда и капитала). Метрой разнообразия при этом выступало среднее языковое расстояние между двумя случайно выбранными сотрудниками на рабочем месте [16]. А. Шевалье в своем исследовании представил оценку влияния этнолингвистического

³ Данные о языковой близости между всеми попарными языковыми комбинациями, представленные программой автоматической оценки сходства (ASJP) для измерения языковой близости в наших данных. ASJP измеряет лексическое сходство языков на основе попарного сравнения словаря. Лексическое сходство – это пропорция слов, которые считаются фонологически похожими. Эта пропорция скорректирована на случайное сходство и нормализована до оценки близости от 0 до 1. Таким образом, оценка близости – это доля слов, похожих на два языка (<https://asjp.clld.org/>).

состава участников семинаров одного из университетов Лондона, входящего в число 30 лучших университетов мира (точное название университета в статье не приводится), на успеваемость. Автор произвел расчет индекса неоднородности с использованием информации о лингвистическом расстоянии всех иностранных языков до английского языка. По результатам оценки влияния показателя неоднородности на успеваемость был сделан вывод, что студенты иностранного происхождения получают выгоду от более высокого этнолингвистического разнообразия с точки зрения успеваемости, и, следовательно, стратегическое исключение сегрегации (разделения) в классах может улучшить успеваемость и интеграцию иностранных учащихся [17].

Несмотря на новые тенденции в области анализа культурной неоднородности, изначально интерес был проявлен к этническому и национальному разнообразию, а также к разнообразию по месту рождения. В работе Д. И. П. Оттавиано и Дж. Пери зафиксирована положительная связь уровня заработной и арендной платы с разнообразием населения по месту рождения в мегаполисах США. По мнению авторов, результаты согласуются с положительным влиянием разнообразия на производительность: более многокультурная городская среда делает граждан США более продуктивными [18]. С. Рупакиас и С. Димоу в ходе анализа местных рынков труда в Греции пришли к выводу, что индексы разнообразия и поляризации демонстрируют положительную связь с занятостью (соотношением занятости и численности населения) и ВВП на одного работника. Набор данных, на основе которых производился расчет показателей разнообразия, варьировался: структура общей численности населения и структура иммигрантов. Кроме индексов неоднородности и поляризации использовался альтернативный показатель – доля иммигрантов [19].

К. Ди Берардино, Д. Д'Индулло, Д. Фурия и А. Картоне изучали данные итальянских провинций и пришли к выводу, что увеличение неоднородности мест рождения и доли иммигрантов значительно способствует выпуску продукции на душу населения [20]. А. Нибур и Дж. К. Петерс для оценки влияния состава рабочей силы на начальную заработную плату в немецких компаниях также использовали в дополнение к индексам неоднородности показатель долей иностранных рабочих и обнаружили отрицательное влияние последнего на начальную заработную плату высококвалифицированных сотрудников. Результаты анализа с применением индексов неоднородности и поляризации свидетельствуют, что национальное разнообразие не оказывает воздействия на начальную заработную плату, при этом аналогичные показатели возрастной и гендерной неоднородности ее снижают [21]. Ф. Клаудио, Ф. Монтоббио и А. Вентурини утверждают, что иммигранты с высоким уровнем образования положительно влияют на инновации, выраженные через уровень цитирования патентов в отраслях промышленности Франции, Великобритании и Германии [22]. Аналогичные результаты



представили Д. Краун, А. Фэджиан и Дж. Коркоран, которые отмечают положительное воздействие визовой программы, измеряемой долей обладателей визы временного выпускника в общей численности населения Австралии на количество патентных заявок [23]. В качестве примера недавней отечественной работы можно привести исследование А. Н. Буфетовой и Е. А. Коломак, в котором авторы выявили положительное влияние индекса национальной неоднородности и отрицательное влияние индекса национальной поляризации на выпуск продукции, бюджетные расходы и уровень преступности в регионах Российской Федерации [24].

Кроме того, по сравнению с общим объемом исследований в данной области, достаточно редко встречается анализ религиозного состава населения. Например, О. Кодила-Тедика и Дж. Агбор пришли к выводу, что религиозное разнообразие ряда стран Африки к югу от Сахары оказывает отрицательное влияние на процесс развития через его воздействие на инвестиции, а поляризация – положительное [25]; напротив, Дж. Г. Монтальво и М. Рейнал-Кверол представили подтверждение того, что религиозная неоднородность в ряде стран мира имеет косвенную положительную связь с валовым выпуском на душу населения через снижение доли государственного потребления в ВВП, увеличение уровня инвестиций и снижение вероятности гражданских войн, а религиозная поляризация – наоборот [26].

Таким образом, несмотря на обширный перечень исследований по оценке влияния культурной неоднородности населения на благосостояние, однозначного мнения в отношении наличия этой связи, а также направления ее воздействия нет. Поскольку многократный и разносторонний анализ стран мира не привел к единообразию выводов, целесообразен переход к изучению культурной неоднородности на региональном уровне. В дальнейших работах о связи культурного разнообразия и экономического развития интересно обратить внимание на менее популярные среди существующих публикаций данные, характеризующие культурную структуру населения. Так, например, религия, которая, достаточно редко рассматривалась в качестве критерия неоднородности, по мнению Дж. Г. Монтальво и М. Рейнал-Кверол, больше, чем другие измерения, различает людей [7].

Материалы и методы. Для текущего анализа в качестве отличительной культурной особенности, являющейся и отражением исторического прошлого, и институтом норм и ценностей, выбрана религия; в качестве объекта исследования – регионы России. Для анализа использовались данные Арефы – Атласа религий и национальностей (некоммерческая Исследовательская Служба «Среда») и Федерального агентства по делам национальностей за 2012 и 2015 гг. Характеристики религиозного состава населения субъектов Российской Федерации на конец рассматриваемого периода (2015 г.) представлены в таблице 1.

Таблица 1. Характеристики религиозного состава населения регионов Российской Федерации, 2015 г.⁴**Table 1. The religious composition characteristics of the population of the Russian Federation regions, 2015**

Показатель / Indicator	Максимальное значение / Maximum value	Минимальное значение / Minimum value	Среднее значение / Average value	Стандартное отклонение / Standard deviation	Медиана / Median	Коэффициент вариации / The coefficient of variation
Православие / Orthodoxy	0,923	0,030	0,636	0,163	0,672	0,257
Ислам / Islam	0,894	0,000	0,062	0,144	0,017	2,303
Буддизм / Buddhism	0,582	0,000	0,020	0,091	0,002	4,498
Атеизм / Atheism	0,280	0,024	0,121	0,056	0,116	0,460
Своя вера / One's own belief	0,268	0,015	0,127	0,059	0,115	0,466
Язычество / Paganism	0,131	0,000	0,007	0,018	0,003	2,654
Прочие / Other	0,070	0,001	0,017	0,014	0,012	0,832
Старообрядчество / Old Belief	0,040	0,000	0,005	0,006	0,002	1,333
Католицизм / Catholicism	0,020	0,000	0,004	0,005	0,003	1,024

В соответствии с данными, представленными в таблице 1, можно утверждать, что наиболее распространенными являются группы «православных», «атеистов» и «своeverов» (верующие в Бога, но не исповедующие ни одну из существующих религий). Указанные конфессии присутствуют в большинстве регионов примерно в одинаковом соотношении, и сложившееся распределение исторически объяснимо.

Самые высокие значения максимума, минимума, среднего значения и медианы в совокупности с самым низким значением коэффициента вариации говорят о доминировании православия, которое до 1917 г. являлось государственной религией. Несмотря на гонения в послереволюционное время и пропаганду атеизма (который также укоренился и, как было отмечено, распространен на территории современной России), перепись 1937 г. продемонстрировала приверженность населения своей дореволюционной культуре [27]. В кратком обзоре исторических фактов В. Н. Трухина говорится о «значительном религиозном

⁴ Составлено автором на основе данных Федерального агентства по делам национальностей.



подъеме в годы войны», что также способствовало сохранению религиозных традиций среди населения «атеистической» страны⁵. После распада СССР большая часть населения стала постепенно возвращаться к православию. И, если не вернулась в полной мере, то на уровне подсознания большинство сегодня соотносит себя с данным конфессиональным направлением [28]. Таким образом, можно предположить, что, несмотря на отсутствие государственной религии в советское время, среди населения продолжали сохраняться и передаваться из поколения в поколение православные обычаи, являющиеся ядром русской культуры и идентичности России как государства.

Однако, несмотря на устойчивость религиозных традиций в российском обществе, резкие изменения отношения к религии на уровне государства оставили отпечаток в сознании населения. Историческое прошлое и современные процессы глобализации послужили предпосылкой формирования группы людей, допускающих существование Бога, но не относящих себя ни к одной из существующих религий – «своеверов». К результатам глобализации, помимо указанной группы, можно также отнести «католиков» и «прочих» (все религиозные ответвления, не относящиеся ни к одной из основных рассматриваемых конфессий), которые также изучались в ходе исследования как отдельные конфессии.

Помимо православия, высокие значения максимума долей приверженцев характерны для ислама и буддизма, однако, исходя из значений минимума, среднего и коэффициентов вариации, их доминирование является культурной особенностью отдельных субъектов страны. Представители указанных религий встречаются почти во всех регионах в небольшом количестве.

На основе данных о конфессиональном составе населения регионов были рассчитаны показатели неоднородности. Первый из них – это индекс диверсификации Симпсона:

$$IndxDiv = 1 - \sum_{i=1}^N e_i^2, \quad (1)$$

второй – поляризации:

$$IndxPol = 1 - \sum_{i=1}^N \left(\frac{0.5 - e_i}{0.5} \right)^2 e_i, \quad (2)$$

где e_i – доля населения i -й религиозной группы в общей численности населения, N – число таких групп. Индексы принимают значения от 0 до 1. Индекс Симпсона как показатель разнообразия стремится к 1 с ростом N . Индекс

⁵ Трухин В. Н. Религиозный подъем в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/truhin.htm> (дата обращения: 18.06.2021).

поляризации в противоположность индексу Симпсона стремится к 0 с ростом N , не являясь при этом ни противоположностью индекса Симпсона, ни повторением. Это происходит за счет того, что максимум достигается в том случае, когда в обществе присутствуют две группы одинакового размера (т. е. при $N = 2$, $e_i = e_j = 0,5$). Таким образом, показатели отражают степень неоднородности населения с разных точек зрения, учет каждой из которых полезен при проведении анализа.

В ходе основной части исследования, схема которого будет описана далее, кроме конфессионального состава населения использовались социально-экономические показатели регионов. Источником указанных сопутствующих данных послужил сайт Федеральной службы государственной статистики.

Основная идея данной работы состоит в проверке связи между благосостоянием общества и сформировавшейся в нем религиозной неоднородностью. В качестве показателя благосостояния был рассмотрен уровень потребления на душу населения, с одной стороны, самостоятельно отражающий финансовое положение, с другой – являющийся элементом валового выпуска. Базовой теоретической функцией анализа выбрана зависимость, основанная на макроэкономических теоретических моделях, в соответствии с которыми уровень потребления представляет собой функцию от доходов. Спецификацию, на основе которой производилась оценка, можно записать следующим образом:

$$\begin{aligned} C_{it}/L_{it} = & \beta_0 + \beta_1 \ln YD_{it}/L_{it} + \beta_2 IndxDiv_{it} + \beta_3 IndxPol_{it} + \\ & + \beta_4 IndxDiv_{it} \cdot IndxPol_{it} + \mu_i + \gamma_t + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (3)$$

где C_{it}/L_{it} – потребление на душу населения в текущих ценах; YD_{it}/L_{it} – валовой региональный продукт на душу населения в текущих ценах; $IndxDiv_{it}$ – индекс религиозной диверсификации Симпсона; $IndxPol_{it}$ – индекс религиозной поляризации; μ_i – региональный эффект; γ_t – временной эффект; ε_{it} – ошибка.

В качестве объяснения указанной выше зависимости была произведена проверка того, что воздействие религиозной неоднородности на уровень потребления населения не является прямым. Было сделано предположение, что конфессиональное разнообразие оказывает влияние на прочность института семьи, который, в свою очередь, способствует повышению благосостояния его участников, в том числе и уровня потребления. Для подтверждения этой гипотезы была произведена проверка взаимосвязи религиозной неоднородности и прочности института семьи (уровня разводов) при помощи спецификации:

$$\begin{aligned} Sep_{it} = & \beta_0 + \beta_1 \ln Wed_{it} + \beta_2 IndxDiv_{it} + \\ & + \beta_3 IndxPol_{it} + \beta_4 IndxDiv_{it} \cdot IndxPol_{it} + \mu_i + \gamma_t + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (4)$$



где Sep_{it} – общий коэффициент разводимости на 1 000 чел. населения; Wed_{it} – общий коэффициент брачности на 1 000 чел. населения; $IndxDiv_{it}$ – индекс религиозной диверсификации Симпсона; $IndxPol_{it}$ – индекс религиозной Поляризации; μ_i – региональный эффект; γ_t – временной эффект; ε_{it} – ошибка⁶.

Далее для подтверждения последнего предположения необходимо было произвести оценку воздействия уровня разводов на уровень потребления:

$$C_{it}/L_{it} = \beta_0 + \beta_1 \ln YD_{it}/L_{it} + \beta_2 \ln Sep_{it} + \mu_i + \gamma_t + \varepsilon_{it}, \quad (5)$$

где C_{it}/L_{it} – потребление на душу населения в текущих ценах; YD_{it}/L_{it} – валовой региональный продукт на душу населения в текущих ценах; Sep_{it} – общие коэффициенты разводимости на 1 000 чел. населения; μ_i – региональный эффект; γ_t – временной эффект; ε_{it} – ошибка.

Результаты исследования. Статистические характеристики индексов неоднородности Симпсона и поляризации, рассчитанных на основе приведенных в предыдущем разделе формул, и их изменение за рассматриваемый период времени представлены в таблицах 2 и 3.

Т а б л и ц а 2. Характеристики индексов религиозной неоднородности населения регионов Российской Федерации, 2012 и 2015 гг.⁷

T a b l e 2. Characteristics of the religious heterogeneity indices of the Russian Federation regions, 2012 and 2015

Индекс Симпсона / The Simpson index	2012	2015	$\Delta 2012-2015$
Минимальное значение / Minimum value	0,370	0,145	-0,225
Максимальное значение / Maximum value	0,816	0,784	-0,032
Среднее значение / Average value	0,697	0,498	-0,199
Медиана / Median	0,714	0,507	-0,208
Стандартное отклонение / Standard deviation	0,088	0,130	0,042
Коэффициент вариации / The coefficient of variation	0,127	0,261	0,135

⁶ Общие коэффициенты брачности и разводимости – отношение числа зарегистрированных в течение календарного года браков и разводов к среднегодовой численности населения. Исчисляются в промилле.

⁷ Таблицы 2 и 3 составлены автором на основе данных Атласа религий и национальностей России (Арена) (некоммерческая Исследовательская Служба «Среда») и Федерального агентства по делам национальностей.

Таблица 3. Характеристики индексов религиозной поляризации населения регионов Российской Федерации, 2012 и 2015 гг.**Table 3. Characteristics of the religious polarization indices of the Russian Federation**

Индекс поляризации / The polarization index	2012	2015	$\Delta 2012-2015$
Минимальное значение / Minimum value	0,560	0,274	-0,286
Максимальное значение / Maximum value	0,859	0,915	0,056
Среднее значение / Average value	0,709	0,693	-0,016
Медиана / Median	0,708	0,714	0,006
Стандартное отклонение / Standard deviation	0,059	0,115	0,056
Коэффициент вариации / The coefficient of variation	0,083	0,165	0,082

В целом по данным таблицы 2 можно сказать, что в 2012 г. показатели диверсификации в регионах страны были достаточно высокими. При этом к концу рассматриваемого периода (2015 г.) произошло видимое сокращение разнообразия. Обращая внимание на значения индекса поляризации, необходимо учитывать, во-первых, тот факт, что доминирующие конфессиональные группы в регионах могут достигать 60 % населения и выше, а во-вторых, необходимо брать во внимание небольшое количество рассматриваемых конфессиональных групп – 9. Таким образом, значение индекса поляризации, близкое к 1, могут достигать и сравнительно небольшие по размерам группы, не являющиеся доминирующими в регионе. В целом значения индексов говорят том, что в большинстве регионов присутствуют явно доминирующие группы православных или иных традиционных религий, две или три выделяющиеся конфессии и прочие мелкие религиозные ответвления.

Перед проведением более детального эконометрического анализа необходимо отметить, что за рассматриваемый период времени произошло снижение количества разводов – среднее значение коэффициента разводимости уменьшилось с 4,63 в 2012 г. до 4,24 в 2015 г. Подобная динамика на фоне сокращения религиозной неоднородности соотносится с предположением о возможной прямо пропорциональной связи данных показателей. При этом изменение уровня потребления населения однозначно охарактеризовать нельзя. В среднем увеличение потребления за рассматриваемый период составило примерно 30 % на фоне аналогичного роста цен и небольшого сокращения численности населения. Более конкретные выводы в отношении поставленных гипотез можно сделать после проведения эконометрического анализа.



Результаты оценки первой спецификации, на основе которой проверялась связь религиозного разнообразия и уровня потребления в обществе, представлены в таблице 4. В соответствии с последовательно проведенными тестами Вальда, Хаусма и Бройша – Пагана наиболее приемлемой оказалась модель с фиксированными эффектами, что является характерным для анализа региональных данных. Высокие значения коэффициента детерминации демонстрируют качество построенных зависимостей, результаты оценки которых говорят о существовании отрицательного воздействия индекса неоднородности Симпсона на уровень потребления. Мультипликатор, отражающий эффект совместного взаимодействия индексов разнообразия и поляризации, также оказался значим и вошел в модель с отрицательным коэффициентом. При этом влияние индекса поляризации как отдельного фактора не было зафиксировано в ходе оценки.

Как уже было сказано ранее, основной предполагаемой причиной выявленной связи может служить отрицательное влияние религиозной неоднородности на устойчивость института семьи, который, в свою очередь, с экономической точки зрения положительно влияет на уровень потребления.

Для проверки этого предположения была произведена оценка спецификаций (4) и (5). В таблице 5 приведено подтверждение прямо пропорциональной связи религиозной неоднородности и коэффициента разводимости. При этом рассматривались регрессии только с теми показателями неоднородности, которые оказались значимы в ходе оценки спецификации (3) – с индексом разнообразия Симпсона и мультипликатором. В таблице 6 представлены результаты, в соответствии с которыми можно говорить о существовании отрицательного влияния коэффициента разводимости уже в свою очередь на уровень потребления. Во всех представленных в таблицах 5 и 6 случаях также применяется модель панельных данных с фиксированными эффектами на основании ряда проведенных тестов, высокие значения коэффициентов детерминации позволяют говорить о правомерности полученных результатов.

Таким образом, на основе произведенных оценок ожидаемая связь была выявлена, поставленные гипотезы подтверждены. При этом необходимо отметить, что все предполагаемые в составе гипотез зависимости удалось установить только в случаях с индексом диверсификации Симпсона и мультипликатором (в составе которого индекс Симпсона, определяющий значимость мультипликатора). Общее заключение по результатам эконометрического анализа можно сформулировать следующим образом: религиозное разнообразие, оцениваемое при помощи индекса диверсификации Симпсона, влияет прямо пропорционально на коэффициент разводимости, который, в свою очередь оказывает отрицательное воздействие на уровень потребления населения регионов Российской Федерации.

Таблица 4. Регрессионные оценки (FE)
Table 4. Regressive estimates (FE)

Оценка уравнения / Evaluated equation number	Регрессия 1 (3)* / The regression 1 (3)		Регрессия 2 (3) / The regression 2 (3)		Регрессия 3 (3) / The regression 3 (3)		Регрессия 4 (3) / The regression 4 (3)	
	коэффициент / the coefficient	P-val	коэффициент / the coefficient	P-val	коэффициент / the coefficient	P-val	коэффициент / the coefficient	P-val
ВРП на душу населения / GRP per capita	0,657	0,000	0,813	0,000	0,657	0,000	0,735	0,000
Индекс Симпсона / The Simpson index	-0,245	0,002	–	–	-0,244	0,003	–	–
Индекс поляризации / The polarization index	–	–	-0,070	0,263	-0,001	0,984	–	–
Мультипликатор / Multiplier	–	–	–	–	–	–	-0,182	0,012
N	154		154		154		154	
R ²	0,9178		0,9076		0,9178		0,9136	

* Здесь, и далее в таблицах приводится ссылка на номер уравнения, результаты оценки которого представлены в таблице / Hereinafter, the reference is in the tables in brackets to the number of the equation, the results of the evaluation of which are presented in the table above.



Т а б л и ц а 5. Регрессионные оценки (FE)
T a b l e 5. Regressive estimates (FE)

Оценка уравнения / Evaluation of the equation	Регрессия 5 (4) / The regression 5 (4)		Регрессия 6 (4) / The regression 6 (4)	
	коэффициент / the coefficient	P-val	коэффициент / the coefficient	P-val
Коэффициент брачности / Marriage rate	0,454	0,000	0,564	0,000
Индекс Симпсона / The Simpson index	0,167	0,000	–	–
Мультипликатор / Multiplier	–	–	0,143	0,002
N	154		154	
R ²	0,6754		0,6581	

Т а б л и ц а 6. Регрессионные оценки (FE)
T a b l e 6. Regressive estimates (FE)

Оценка уравнения / Evaluation of the equation	Регрессия 7 (5) / The regression 7 (5)	
	коэффициент / the coefficient	P-val
ВРП на душу населения / GRP per capita	0,722	0,000
Коэффициент разводимости / Divorce rate	-0,350	0,008
N	154	
R ²	0,9145	

Обсуждение и заключение. По словам Дж. Хекмена, одним из главных открытий XX в. является то, что неоднородность и многообразие (экономических агентов и явлений) пронизывают экономическую жизнь, а следовательно, они должны непременно учитываться в эконометрических моделях [29]. В XXI в. актуальность вопроса стала расти ввиду увеличения миграционных потоков и информационной глобализации [1–4]. К настоящему моменту проведено достаточно много исследований по изучению воздействия культурной неоднородности населения на экономическое развитие и благосостояние обществ, однако однозначного мнения в отношении наличия этой связи и направления ее воздействия не установлено. Представленные на сегодняшний день работы отличаются критериями неоднородности, используемыми показателями благосостояния, объектами исследования и полученными результатами. Таким образом, сложившаяся к настоящему моменту неопределенность в этом вопросе является стимулом к продолжению изучения данной области и расширению перечня анализируемых показателей и данных.

В настоящем исследовании религиозная неоднородность учитывалась как фактор одного из показателей экономического благосостояния населения регионов Российской Федерации – уровня потребления на душу населения. Религиозная неоднородность оценивалась с использованием индексов диверсификации Симпсона и поляризации. При этом ожидалось, что связь не является прямой, а религиозное разнообразие отрицательно воздействует на прочность института семьи, в качестве количественной оценки которого использовался коэффициент разводимости.

В результате проведенного эконометрического анализа предполагаемые зависимости были выявлены, поставленные гипотезы подтверждены. Религиозное разнообразие влияет прямо пропорционально на коэффициент разводимости, который, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на уровень потребления в регионах Российской Федерации. Полученные результаты согласуются с выводами О. Кодила-Тедика и Дж. Агбор [25] об отрицательной связи неоднородности с показателями развития и отличаются от итогов анализа Дж. Г. Монтальво и М. А. Рейнал-Кверол [26].

При этом необходимо отметить, что за рассматриваемый промежуток времени произошло сокращение религиозной неоднородности в пользу традиционных для регионов Российской Федерации религий. Указанные процессы являются благоприятной основой для повышения показателей благосостояния общества, поскольку снижают негативное влияние религиозной неоднородности, в том числе и на уровень потребления.

Полученные результаты могут послужить основой для проведения дальнейших исследований. Произведенные оценки и сформулированные на их основе выводы полезно учитывать при принятии решений в сфере социально-экономической политики государства, которая требует учета перечня факторов, в число которых входит (должен входить) и культурный фон общества.



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Pieczywok A. Cultural Globalization and Human Security // *Zeszyty Naukowe SGSP*. 2020. Vol. 73, issue 1. Pp. 145–163. doi: <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.0778>
2. Малиновский П. В. Глобализация как цивилизационный процесс // *Россия и современный мир*. 2001. № 2 (31). С. 5–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-tsivilizatsionnyy-protsess/viewer> (дата обращения: 16.06.2021).
3. Berger P. L., Huntington S. P. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World*. Oxford University Press, 2002. 384 p. doi: <https://doi.org/10.1093/0195151461.001.0001>
4. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York : Simon & Schuster, 1996. 576 p. URL: https://www.academia.edu/4610592/Samuel_P_Huntington_The_Clash_of_Civilizations_and_the_Remaking_of_World_Order_1996 (дата обращения: 19.06.2021).
5. Lin C. Understanding Cultural Diversity and Diverse Identities // *Quality Education. The Springer Encyclopedia of the United Nations Sustainable Development Goals*. Springer, 2020. Pp. 929–938. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69902-8_37-1
6. Ozgen C. The Economics of Diversity: Innovation, Productivity and the Labour Market // *Journal of Economic Surveys*. 2021. Vol. 34, issue 4. Pp. 1168–1216. doi: <https://doi.org/10.1111/joes.12433>
7. Montalvo J., Reynal-Querol M. A. *Religion and Conflict: A Quantitative Approach* // *Advances in the Economics of Religion*. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. Pp. 249–263. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-98848-1_15
8. Beugelsdijk S., Klasing M. J., Milionis P. Value Diversity and Regional Economic Development // *Scandinavian Journal of Economics*. 2019. Vol. 121, issue 1. Pp. 153–181. doi: <https://doi.org/10.1111/sjoe.12253>
9. Pylypenko H., Lytvynenko N., Barna T. Socio-Cultural Context of Innovative Development // *Philosophy and Cosmology*. 2019. Vol. 23. Pp. 98–111. doi: <https://doi.org/10.29202/phil-cosm/23/9>
10. Romero A. A., Edwards J. A. Growth and Foreign Direct Investment Absorption Across Cultural Dimensions // *International Journal of Social Economics*. 2020. Vol. 47, issue 8. Pp. 1003–1022. doi: <https://doi.org/10.1108/IJSE-09-2019-0549>
11. Kafka K., Kostis P., Petrakis P. Why Coevolution of Culture and Institutions Matters for Economic Development and Growth? // *Perspectives on Economic Development – Public Policy, Culture, and Economic Development*. 2020. doi: <https://doi.org/10.5772/intechopen.90631>
12. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц [и др.] // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf (дата обращения: 18.07.2021).
13. Pantelis C. K. Uncertainty Shocks, Cultural Behaviors and Economic Development // *Journal of Business Accounting and Finance Perspectives*. 2021. Vol. 3, issue 1. doi: <https://doi.org/10.35995/jbafp3010002>
14. Liu K., Yang J., Zou H. Cultural Heterogeneity, Social Policy, and Economic Growth in China // *China Economic Review*. 2020. Vol. 62. doi: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101501>



15. Yong E. L. Understanding Cultural Diversity and Economic Prosperity in Europe: A Literature Review and Proposal of a Culture-Economy Framework // *Asian Journal of German and European Studies*. 2019. Vol. 4. doi: <https://doi.org/10.1186/s40856-019-0043-3>
16. Dale-Olsen H., Finseraas H. Linguistic Diversity and Workplace Productivity // *Labour Economics*. 2020. Vol. 64. doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101813>
17. Chevalier A., Isphording I. E., Lisauskaite E. Peer Diversity, College Performance and Educational Choices // *Labour Economics*. 2019. Vol. 64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101833>
18. Ottaviano G. I. P., Peri G. The Economic Value of Cultural Diversity: Evidence from US Cities // *Journal of Economic Geography*. 2006. Vol. 6, issue 1. Pp. 9–44. URL: <https://ideas.repec.org/a/oup/jecgeo/v6y2006i1p9-44.html> (дата обращения: 15.06.2021).
19. Roupakias S., Dimou S. Impact of Cultural Diversity on Local Labor Markets. Evidence from Greece's "Age of Mass Migration" // *Manchester School*. 2020. Vol. 88, issue 2. Pp. 282–304. doi: <https://doi.org/10.1111/manc.12301>
20. Immigration Diversity and Regional Economic Growth / C. Di Berardino [et al.] // *Economia Politica*. 2021. Vol. 38. Pp. 863–886. doi: <https://doi.org/10.1007/s40888-021-00226-8>
21. Niebuhr A., Peters J. C. Workforce Composition and Individual Wages – An Employer-Employee Data Analysis // *British Journal of Industrial Relations*. 2020. Vol. 58, issue 3. Pp. 719–742. doi: <https://doi.org/10.1111/bjir.12519>
22. Fassio C., Montobbio F., Venturini A. Skilled Migration and Innovation in European Industries // *Research Policy*. 2019. Vol. 48, issue 3. Pp. 706–718. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.11.002>
23. Crown D., Faggian A., Corcoran J. Foreign-Born Graduates and Innovation: Evidence from an Australian Skilled Visa Program // *Research Policy*. 2020. Vol. 49, issue 9. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.103945>
24. Буфетова А. Н., Коломак Е. А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // *Вопросы экономики*. 2021. № 1. С. 120–142. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
25. Kodila-Tedika O., Agbor J. Religious Diversity and Economic Development in Sub-Saharan Africa: So Far So Good // *Journal of African Development, African Finance and Economic Association (AFEA)*. 2014. Vol. 16, no. 1. Pp. 99–117. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.5325/jafrideve.16.1.0099> (дата обращения: 18.07.2021).
26. Montalvo J. G., Reynal-Querol M. A Theory of Religious Conflict and its Effect on Growth. Working Papers. 2000. URL: <http://www.ivie.es/downloads/docs/wpasec/wpa-sec-2000-04.pdf> (дата обращения: 19.07.2021).
27. Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // *Исторический вестник*. 2000. № 5 (1). URL: http://krotov.info/history/20/1930/1937_zher.htm (дата обращения: 19.06.2021).
28. Лункин Р. Н. Церковь и внешняя политика: от «русского мира» к глобализации // *Научные ведомости белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология*. 2018. Т. 45, № 1. С. 165–175. URL: http://nv.bsu.edu.ru/upload/iblock/331/Istoria_Politologia.pdf (дата обращения: 11.06.2021).



29. Heckman J. J. Micro Data, Heterogeneity, and the Evaluation of Public Policy: Nobel Lecture // *Journal of Political Economy*. 2001. Vol. 109, no. 4. Pp. 673–748. doi: <https://doi.org/10.1086/322086>

Поступила 28.06.2021; одобрена после рецензирования 19.08.2021; принята к публикации 02.09.2021.

Об авторе:

Гравчикова Алина Алексеевна, младший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17); ассистент кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2374-0098>, alinkhrzh57@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Pieczywok A. Cultural Globalization and Human Security. *Zeszyty Naukowe SGSP*. 2020; 73(1):145–163. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.0778>
2. Malinovsky P.V. Globalisation as a Civilization Shaping Process. *Rossiya i sovremennii mir* = Russia and the Contemporary World. 2001; (2):5–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-tsivilizatsionnyy-protsess/viewer> (accessed 16.06.2021). (In Russ.)
3. Berger P.L., Huntington S.P. Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. Oxford University Press; 2002. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/0195151461.001.0001>
4. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster; 1996. Available at: https://www.academia.edu/4610592/Samuel_P_Huntington_The_Clash_of_Civilizations_and_the_Remaking_of_World_Order_1996 (accessed 19.06.2021). (In Eng.)
5. Lin C. Understanding Cultural Diversity and Diverse Identities. In: Quality Education. Quality Education. The Springer Encyclopedia of the United Nations Sustainable Development Goals. Springer; 2020. p. 929–938. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69902-8_37-1
6. Ozgen C. The Economics of Diversity: Innovation, Productivity and the Labour Market. *Journal of Economic Surveys*. 2021; 34(4):1168–1216. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/joes.12433>
7. Montalvo J., Reynal-Querol M.A. Religion and Conflict: A Quantitative Approach. In: Carvalho J.P., Iyer S., Rubin J. (eds) *Advances in the Economics of Religion*. International Economic Association Series. Palgrave Macmillan, Cham; 2019. p. 249–263. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-98848-1_15

8. Beugelsdijk S., Klasing M.J., Milionis P. Value Diversity and Regional Economic Development. *Scandinavian Journal of Economics*. 2019; 121(1):153-181. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/sjoe.12253>
9. Pylypenko H., Lytvynenko N., Barna T. Socio-Cultural Context of Innovative Development. *Philosophy and Cosmology*. 2019; 23:98-111. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.29202/phil-cosm/23/9>
10. Romero A.A., Edwards J.A. Growth and Foreign Direct Investment Absorption Across Cultural Dimensions. *International Journal of Social Economics*. 2020; 47(8):1003-1022. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/IJSE-09-2019-0549>
11. Kafka K., Kostis P., Petrakis P. Why Coevolution of Culture and Institutions Matters for Economic Development and Growth? *Perspectives on Economic Development – Public Policy, Culture, and Economic Development*. 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5772/intechopen.90631>
12. Schwartz Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psihologiya. Jurnal Visshei shkoli ekonomiki* = Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2012; 9(2):43-70. Available at: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283379255/Schwartz_et_al_9-02pp43-70.pdf (accessed 18.07.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
13. Pantelis C.K. Uncertainty Shocks, Cultural Behaviors and Economic Development. *Journal of Business Accounting and Finance Perspectives*. 2021; 3(1):2-12. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.35995/jbafp3010002>
14. Liu K., Yang J., Zou H. Cultural Heterogeneity, Social Policy, and Economic Growth in China. *China Economic Review*. 2020; 62(C). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101501>
15. Yong E.L. Understanding Cultural Diversity and Economic Prosperity in Europe: A Literature Review and Proposal of a Culture–Economy Framework. *Asian Journal of German and European Studies*. 2019; 4:1-34. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1186/s40856-019-0043-3>
16. Dale-Olsen H., Finseraas H. Linguistic Diversity and Workplace Productivity. *Labour Economics*. 2020; 64. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101813>
17. Chevalier A., Isphording I.E., Lissauskaite E. Peer Diversity, College Performance and Educational Choices. *Labour Economics*. 2019; 64. doi: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101833>
18. Ottaviano G.I.P., Peri G. The Economic Value of Cultural Diversity: Evidence from US Cities. *Journal of Economic Geography*. 2006; 6(1):9-44. Available at: <https://ideas.repec.org/a/oup/jecgeo/v6y2006i1p9-44.html> (accessed 15.06.2021). (In Eng.)
19. Roupakias S., Dimou S. Impact of Cultural Diversity on Local Labor Markets. Evidence from Greece’s “age of Mass Migration”. *The Manchester School*. 2020; 88(2):282-304. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/manc.12301>
20. Di Berardino C., D’Ingiullo D., Furia D., Cartone A. Immigration Diversity and Regional Economic Growth. *Economia Politica*. 2021; 38:863-886. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s40888-021-00226-8>
21. Niebuhr A., Peters J. C. Workforce Composition and Individual Wages – An Employer–Employee Data Analysis. *British Journal of Industrial Relations*. 2020; 58(3):719-742. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/bjir.12519>



22. Fassio C., Montobbio F., Venturini A. Skilled Migration and Innovation in European Industries. *Research Policy*. 2019; 48(3):706-18. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2018.11.002>

23. Crown D., Faggian A., Corcoran J. Foreign-Born Graduates and Innovation: Evidence from an Australian Skilled Visa Program. *Research Policy*. 2020; 49(9). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.103945>

24. Bufetova A.N., Kolomak E.A. National Heterogeneity in the Russian Regions: Assessment, Change, Impact on Economic Development. *Voprosy ekonomiki* = Economic Issues. 2021; (1):120-142. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>

25. Kodila-Tedika O., Agbor J. Religious Diversity and Economic Development in Sub-Saharan Africa: So Far So Good. *Journal of African Development, African Finance and Economic Association (AFEA)*. 2014; 16(1):99-117. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.5325/jafrideve.16.1.0099> (accessed 18.07.2021). (In Eng.)

26. Montalvo J.G., Reynal-Querol M. A Theory of Religious Conflict and its Effect on Growth. *IVIE WP-EC*. 2000. Available at: <http://www.ivie.es/downloads/docs/wpasec/wpa-sec-2000-04.pdf> (accessed 19.07.2021). (In Eng.)

27. Zhiromskaya V.B. On the Religiosity of People in 1937 (Using the Census Data). *Istoricheskii vestnik* = Historical Bulletin. 2000; (5). Available at: http://krotov.info/history/20/1930/1937_zher.htm (accessed 19.06.2021). (In Russ.)

28. Lunkin R.N. The Church and the Foreign Policy: From “Russian World” to the Globalization. *Nauchnie vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* = Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2018; 45(1):165-175. Available at: http://nv.bsu.edu.ru/upload/iblock/331/Istoria_Politologia.pdf (accessed 11.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

29. Heckman J.J. Micro Data, Heterogeneity, and the Evaluation of Public Policy: Nobel Lecture. *Journal of Political Economy*. 2001; 109(4):673-748. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1086/322086>

Submitted 28.06.2021; approved after reviewing 19.08.2021; accepted for publication 02.09.2021.

About the author:

Alina A. Gravchikova, Junior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk 630090, Russian Federation); Assistant, Department of Mathematical Methods Application in Economics and Planning, Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk 630090, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2374-0098>, alinkhrzh57@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.



Адаптивное моделирование туризма: опыт, проблемы и перспективы применения на региональном уровне



А. Ю. Александрова^{1*} В. Е. Домбровская²

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация),*

** analexan@mail.ru*

² *Тверской государственный университет (г. Тверь, Российская Федерация)*

Аннотация

Введение. Кризис туристской отрасли, вызванный пандемией COVID-19, подчеркнул существующую региональную асимметрию в развитии российского туризма. При всем разнообразии туристско-рекреационных потенциалов в регионах основная причина столь существенных различий в эффективности работы сферы индустрии и гостеприимства кроется в управлении туристской деятельностью. Цель статьи – проанализировать прогностические возможности адаптивных моделей применительно к туристским исследованиям на региональном масштабном уровне на основе данных официальной статистики, что может иметь значение для практики регулирования туризма, особенно в период циклического кризиса.

Материалы и методы. Исследование строится на методе адаптивного моделирования, который хорошо зарекомендовал себя для получения краткосрочных прогнозов рядов малых выборок, развивающихся в условиях неопределенности. Объектами моделирования выступали ряды динамики показателей, характеризующих туристскую деятельность в Байкальском регионе. Моделирование проведено как на характерных для регионального туризма рядах с ярко выраженной сезонной компонентой, так и на временных рядах с годовыми показателями, где при декомпозиции выявляется только трендовая составляющая.

Результаты исследования. Адаптивные модели показали высокие прогностические возможности за исключением рядов, в которых резкое обрушение показателя, вызванное в данном случае введением ограничений на туристскую мобильность, происходит в течение одного последнего временного шага. Модель в этих условиях объективно не

© Александрова А. Ю., Домбровская В. Е., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



успевает адаптироваться. При наличии временной возможности к «обучению» прогноз даже резкого снижения исследуемых значений обладает подтвержденной высокой точностью.

Обсуждение и заключение. По итогам проведенного исследования подтверждается возможность применения адаптивного моделирования для прогнозирования рядов динамики показателей туристской деятельности на региональном уровне, претерпевающих резкие изменения в условиях неопределенности. Результаты работы могут быть полезны специалистам в области региональной политики, в частности работникам туристской администрации, бизнес-сообществу, научно-педагогическим кадрам в соответствующей области, и могут быть использованы при подготовке специалистов высшего и среднего профессионального образования в туризме.

Ключевые слова: прогнозирование, адаптивное моделирование, туристские потоки, региональная асимметрия, язык программирования R

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Александрова А. Ю., Домбровская В. Е. Адаптивное моделирование туризма: опыт, проблемы и перспективы применения на региональном уровне // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 76–102. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.076-102>

Original article

Adaptive Tourism Modeling: Experience, Problems and Prospects of Application at the Regional Level

A. Yu. Aleksandrova*, V. E. Dombrovskaya^b

^a Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation),
* analexan@mail.ru

^b Tver State University (Tver, Russian Federation)

Abstract

Introduction. The crisis of the tourist industry caused by the COVID-19 pandemic emphasized the existing regional asymmetry in the development of Russian tourism. Despite the diversity of tourist and recreational potentials in the regions, the main reason for such significant differences in the efficiency of the field of industry and hospitality lies in the tourist activity management. The most important tool for regional policies is forecasting. The purpose of the article is to consider the prognostic capabilities of adaptive models in relation to tourist studies at a regional large-scale level based on data from official statistics. **Materials and Methods.** The study is based on the adaptive modeling method, which has proven itself to obtain short-term forecasts of a number of small samples developing under uncertainty. As the objects of modeling were the series of the dynamics of indicators characterizing tourist activities in the Baikal region. Modeling was based on the series inherent in the regional tourism with a pronounced seasonal component and time series with annual indicators, where only the trend component is detected during decomposition.

Results. Adaptive models have shown high prognostic capabilities with the exception of series in which a sharp collapse of the indicator caused in this case by the introduction of restrictions on tourist mobility occurs during one last time step. The model under these conditions objectively does not have time to adapt. If there is a temporary possibility of to “learning”, the forecast even of a sharp decline in the tests under study has a confirmed high accuracy.

Discussion and Conclusion. According to the results of the study, it is confirmed by the possibility of using adaptive modeling to predict the series of dynamics of tourist activity indicators at the regional level, undergoing sharp changes in the conditions of uncertainty. The results of the work may be useful to specialists in the field of regional policies, in particular to employees of tourist administrations, a business community, as well as scientific and pedagogical personnel in the relevant area and can be used in the preparation of specialists of higher and secondary vocational education in tourism.

Keywords: forecasting, adaptive modeling, tourist flows, regional asymmetry, programming language R

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Aleksandrova A.Yu., Dombrovskaya V.E. Adaptive Tourism Modeling: Experience, Problems and Prospects of Application at the Regional Level. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):76-102. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.076-102>

Введение. Пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения мобильности оказали сильнейшее влияние на состояние туристского рынка. В России туризм был признан одной из самых пострадавших отраслей национальной экономики. Согласно исследованиям Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, спад объема входящих платежей в отрасли к концу августа 2020 г. достиг 54 %. По данным Росстата, въездной поток иностранных граждан в Россию сократился в январе – сентябре 2020 г. на 73,0 % и составил 5,1 млн иностранцев. Из них, по данным пограничной службы ФСБ России, лишь 0,33 % прибыло с целью туризма (12,9 тыс. чел.)¹. В 2021 г. падение объемов въездного турпотока продолжилось. В первом полугодии оно составило 80 % по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. и около 97 % по сравнению с допандемийным 2019 г.². Пострадал и внутренний туризм, несмотря на комплекс мер по его поддержке. По сведениям Ассоциации туроператоров (АТОР), турпоток летнего сезона 2021 г. не превышал 90 % от уровня 2019 г.³.

Кризис сопровождается не только количественными, но и качественными сдвигами. Меняется потребительский выбор туристов, появляются новые форматы поездок и характеристики туристского предложения. На этом фоне обострилась давняя проблема пространственно-временной неравномерности развития туризма, которая ведет к углублению региональных

¹ Динамика спроса на туристические услуги в России на фоне пандемии COVID-19. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики [Электронный ресурс]. 2020. № 68. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/BRE_68.pdf (дата обращения: 30.08.2021).

² Въездной турпоток в Россию – статистика со слов пассажиров? [Электронный ресурс] // RATA-news. URL: https://ratanews.ru/news/news_19082021_4.stm (дата обращения: 30.08.2021).

³ В АТОР подвели предварительные итоги летнего туристического сезона в 2021 году [Электронный ресурс] // Ассоциация Туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/56304.html> (дата обращения: 30.08.2021).



диспропорций в стране. С переориентацией туристских потоков россиян с зарубежных направлений на внутренние усилилась их концентрация в традиционных местах отдыха. Такие туристские дестинации, как город-курорт Сочи, в высокий сезон по всем признакам испытывают проблемы сверхтуризма, тогда как многие другие территории, также располагающие разнообразными туристскими аттракциями, остаются невостребованными⁴.

Набор подходов для оценки состояния туристской отрасли в регионах достаточно разнообразен и включает как критерии, имеющие числовое выражение, так и базирующиеся на обобщении профессиональных мнений экспертов по ряду интересующих вопросов. В данной работе была поставлена задача сравнить положение дел до и во время пандемии COVID-19, которая решалась в 2 этапа. На первом этапе проводились расчеты относительных величин, характеризующих туристскую деятельность в регионах за временной интервал 2016–2019 гг. На втором этапе они сопоставлялись с аналогичными показателями за 2020 г. Вся необходимая информация получена из официальных источников, а именно Единой межведомственной информационно-статистической системы, в которой на момент написания статьи данные за 2021 г. присутствуют фрагментарно и далеко не по всем используемым критериям. Проведенный анализ позволил условно выделить 2 группы: регионы, занимающие верхушку рейтинга («Лидеры»), и отстающие («Аутсайдеры») (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, нет возможности выделить единственный субъект, лидирующий по всем обозначенным критериям за рассматриваемый период времени. Более того, существенный разброс по некоторым показателям наблюдается даже внутри выделенных совокупностей. Так, например, доходы коллективных средств размещения (КСР) от предоставляемых услуг, взятые в расчете на 1 000 жителей, в Краснодарском крае более чем в 5 раз превышают одноименный показатель в Республике Татарстан. Еще более заметен разрыв между значениями по регионам, принадлежащим к различным группам. Так, число мест в КСР в расчете на единицу площади территории варьируется от 84 (г. Москва) до 0,001 (Чукотский автономный округ), демонстрируя 84-тысячное превышение. Разительно расхождение и в долевых участиях территорий в общероссийском показателе. К примеру, на долю Краснодарского края по числу мест в КСР приходится 18,32 %, что существенно выше аналогичного показателя в Республике Ингушетия (0,02 %). Доля г. Москвы в суммарной численности иностранных граждан Российской Федерации, размещенных в КСР (46,93 %), несопоставима с долями Чукотского автономного округа (0,004 %), Республики Калмыкия, Республики Ингушетия и Республики Тыва, занимающих по 0,01 %.

⁴ Ветитнев А. М., Чигарев Д. В. Некоторые подходы к оценке проблем овертуризма для принимающих туристских дестинаций (на примере города-курорта Сочи) // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2020. С. 13–18.

Таблица 1. Рейтинг ряда регионов по относительным величинам характеристик туристской деятельности и долевым участиям регионов в общероссийских показателях за 2016–2019 гг.
Table 1. Rating of a number of regions for relative values of the characteristics of tourist activities and the equity participation of the regions in all-Russian indicators for 2016–2019

Регион / Region	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в КСР* на 1 000 жителей / Number of residents placed in CAE*, per 1000 inhabitants	Численность иностранных граждан, размещенных в КСР на 1 000 жителей / Number of foreign residents placed in CAE*, per 1000 inhabitants	Число мест в КСР (на км ² территории региона) / Number of places in CAE (per sq. km of the territory of the region)	Доходы КСР от предоставляемых услуг на 1 000 жителей, руб. / CAE income from services provided per 1000 inhabitants, rubles	Доля показателя региона в общероссийском аналогичном показателе, % / The share of the region's indicator in the all-Russian similar indicator, %		
					Число мест в КСР / Number of places in CAE	Численность граждан Российской Федерации, размещенных в КСР / Number of residents placed in CAE	Численность иностранных граждан, размещенных в КСР / Number of foreign residents placed in CAE
1	2	3	4	5	6	7	8
г. Москва / Moscow	696	335	84	9 233	4,36	15,23	46,93
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	650	343	64	7 976	4,01	6,06	20,45
Республика Крым / Republic of Crimea	980	35	6	13 985	7,04	3,29	0,74
Краснодарский край / Krasnodar region	1 254	35	5	15 246	18,32	12,28	2,17



Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	524	26	0,86	2 980	2,61	3,57	1,13
«Аутсайдеры» / "Outsiders"							
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Okrug	362	8	0,001	3 050	0,03	0,03	0,004
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	14	2	0,1	154	0,02	0,01	0,01
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	132	4	0,02	264	0,07	0,06	0,01
Республика Чеченская / Republic of Chechen Republic	41	3	0,2	363	0,16	0,1	0,05
Республика Тыва / Tyva Republic	110	3	0,02	456	0,14	0,06	0,01

* КСР – коллективные средства размещения / CAE – Collective Accommodation Establishments.



Кризис отрасли 2020 г. неоднозначно сказался на положении дел на различных территориях Российской Федерации. Некоторые регионы выиграли за счет усиления роли внутреннего туризма. Так, число размещенных в КСР соотечественников в Республике Ингушетия увеличилось по сравнению с 2019 г. на 58 %, в Чеченской Республике – на 20, в Республике Северная Осетия – Алания – на 5 %. Республика Крым отметила рост дохода от КСР на 5 %. Однако общая тенденция состояния туризма по территориям не была столь оптимистичной. Ряд показателей заметно снизился, что было вызвано вынужденным введением ограничений. Москва, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург по сравнению с 2019 г. зафиксировали снижение численности граждан Российской Федерации, размещенных в КСР (-40, -36, -28 % соответственно). Ряд регионов заметно потерял в доходах от КСР: в Москве падение составило 69 %, в Санкт-Петербурге – 53 %.

Причины существующей региональной асимметрии в развитии туризма носят комплексный характер. Конечно, территории различаются туристско-рекреационным потенциалом, имеют разные туристско-географические положения, транспортную и экономическую доступность и т. д., но все же главная причина кроется в управлении туристской деятельностью.

Кризис с новой силой поставил вопрос о результативности и эффективности государственного регулирования туризма как катализатора регионального развития, источника новых рабочих мест и экономического роста. Важнейшим инструментом региональной политики в сфере туризма является прогнозирование. На практике накоплен определенный опыт разработки национальных и региональных прогнозов развития туризма. Как правило, они основываются на простых экстраполяционных моделях. Между тем науке известны более сложные системы уравнений, описывающие широкий спектр экономических связей. Они могут быть успешно применены в прогнозных расчетах туризма. Например, туристская администрация Великобритании при стратегическом планировании и определении среднесрочных сценариев развития туризма в стране использует макроэкономические модели компании Oxford Economics – мирового лидера в сфере прогнозирования и количественного анализа⁵.

Цель статьи – разработать и оценить эффективность адаптивной модели развития туризма на основе официальной статистики, иллюстрирующей динамику развития туристской отрасли, с учетом современных прогностических подходов для принятия качественных стратегических управленческих решений и оптимизации территориальной организации туризма в регионе. Результаты могут иметь значение не только для исследования туризма, но и для практики регулирования туризма, особенно в период циклического кризиса.

⁵ Александрова А. Ю., Аигина Е. В. Стратегии развития туризма в странах и регионах мира. М.: КНОРУС, 2021. 301 с.



Обзор литературы. Моделирование в туризме – достаточно известный подход как в научных исследованиях, так и в практической деятельности. В национальном стандарте Р 50681-2010 «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг» дается определение модели туристской услуги как набора требований, предъявляемых к туристской услуге и согласованных с туристом / заказчиком туристского продукта и учитывающих возможности туроператора и соисполнителей услуг⁶. Однако особого внимания заслуживает математическое моделирование, в частности компьютерные (электронные) модели. Они позволяют не только досконально изучить объект и связанные с ними процессы, но и получить вероятностные прогнозы развития, без которых невозможно планирование и принятие управленческих решений.

Одним из первых способов, позволяющих не только описать современную ситуацию, но и относительно точно ее «предсказать», был метод экспертных оценок. Экспертные методы моделирования хорошо зарекомендовали себя в туризме, где часто трудно формализовать процессы и применить количественные подходы для анализа. Несмотря на значительный элемент субъективизма при применении, они остаются весьма востребованными и нередко встречаются в современных научных исследованиях туризма [1].

Подключение математического аппарата значительно расширило прогностические возможности в туризме. Выстраивание хронологии появления тех или иных методов довольно затруднительно, так как многие из них создавались параллельно. Однако корреляционный и регрессионный анализы, получившие развитие с конца XIX – начала XX в., по праву можно поставить в этом списке в число первых. В туризме регрессионный анализ активно применялся в прошлом, но и сегодня не утратил значения⁷. Хотя опыт показал, что в некоторых случаях прогнозы, полученные с его помощью, оказываются неточными, уступая моделям экспоненциального сглаживания и авторегрессий [2]. Это не говорит о низком качестве регрессионных моделей, а скорее наводит на мысль, что эффективное прогнозирование должно иметь в распоряжении комплекс инструментов, результативность работы которых зависит от множества условий, в том числе характеристик рассматриваемых показателей⁸. Некоторые работы современных российских ученых посвящены рассмотрению и сравнению моделей и методов прогнозирования в туризме, среди которых выделяются два типа: эконометрические, основанные на динамических рядах показателей, и модели межотраслевого баланса [3].

⁶ ГОСТ Р 50681-2010. Туристские услуги. Проектирование туристских услуг [Электронный ресурс] : национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 31 окт. 2017 г. № 1561-ст : введен впервые : дата введения 2011-07-01. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200083215> (дата обращения: 30.08.2021).

⁷ Edwards A. International Tourism Forecasts to 1995. London, 1985. 157 p.

⁸ Светульников И. С., Светульников С. Г. Методы социально-экономического прогнозирования : в 2 т. / М. : Юрайт, 2019. Т. 2. 447 с.

Среди современных подходов к моделированию и прогнозированию следует выделить методы вычислительного интеллекта (СИ), применяемые для решения сложных реальных проблем, для которых традиционное или математическое моделирование по некоторым причинам неприменимо [4]. Набор данных методов достаточно разнообразен и часто строится на эвристических алгоритмах. В частности, в работе испанских исследователей раскрываются наиболее часто используемые в изучении системы туризма и гостеприимства методы и методологии СИ [5]. Особое развитие получило моделирование на основе искусственных нейронных сетей (ИНС). Благодаря возможности собирать и систематизировать широкий перечень информации о характеристиках и запросах клиентов, данные компьютерные модели находят применение в турфирмах при принятии решений с использованием алгоритмов персонализации [6]. Важное значение искусственные нейронные сети приобретают при работе с трудно формализуемыми показателями (настроением туриста, изменением отношения к турпродукту, сменой предпочтений и т. д.) [7]. В работах зарубежных авторов моделирование с помощью нейронных систем довольно часто комбинируется с известными эконометрическими способами анализа. Например, в статье китайских ученых получению прогноза туристских прибытий, для которого применяются искусственные нейронные сети, предшествует рассмотрение имеющихся на сегодняшний день приемов декомпозиции рядов с окончательным выбором в пользу алгоритма множественной эмпирической модовой декомпозиции с адаптивным шумом (CEEMDAN) [8].

Совершенствуются и способы получения данных для исследований. Весьма серьезное внимание уделяется информации из интернета. В ряде работ встречается типология этих данных и рассматривается их применение для моделирования в туризме [9; 10]. Очень интересным является исследование информационной ценности и полезности для прогнозирования туристских потоков статистики Google Trends. Расчеты, осуществленные для нескольких регионов Германии, подтвердили состоятельность использования этого ресурса [11]. Отмечается также эволюция интернета и, как следствие, предложения по поиску материалов для оценки туристского интереса. Например, результаты нетнографического исследования могут выявить скрытые особенности культур, опыта, желаний и ожиданий реальных и потенциальных путешественников.

Особое значение в процессе моделирования в туризме приобретает полноценный охват как всех категорий туристов, существенная часть которых не отражается в официальной статистике ЕМИСС (например, самостоятельный палаточный туризм, однодневный туризм, отдых с размещением в местных домохозяйствах и пр.), так и дифференцированный подход к рассмотрению территорий с точки зрения интенсивности туристского освоения. Наибольшую ценность такие работы приобретают применительно к дестинациям,



включающим объекты, относящиеся к категории всемирного и национально-природного наследия [12].

Отдавая должное современным компьютерным моделям, мы приходим к выводу, что построение прогнозов на основе временных рядов в туризме все же наиболее востребовано. Это связано с тем, что большинство официальной информации представлено именно в виде рядов временной и пространственной динамики. Такое отражение позволяет оценить направление развития процесса и своевременно зафиксировать «точки смены тренда» – явления, наблюдаемого в туризме довольно часто [13]. Также следует отметить, что многочисленные приложения анализа временных рядов представляют собой бурно развивающуюся область науки, что дает возможность подбора оптимального метода для каждого конкретного случая и формулировки задачи. Наибольшую актуальность в настоящий момент приобрели работы, посвященные моделированию в «беспрецедентно неопределенной ситуации», причиной которой стала эпидемия COVID-19. Как правило, на последнем этапе прогнозирования используются гибридные модели, но в основе анализа лежат известные и распространенные методы: сезонная «наивная» (Snaïve) модель, модель SARIMA, модель экспоненциального сглаживания (ETS), а также сезонная декомпозиция и разложение тренда с использованием модели STL [14–16].

Анализ литературных источников показал, что проблематика туристского прогнозирования не только остается по-прежнему актуальной в мире, но за последнее время исследовательский интерес к ней значительно возрос. Отмечается расширение палитры научных точек зрения, причем современные более сложные прогностические модели туристских систем не вытесняют более ранние, а используются наряду с ними, что лишний раз опровергает прямолинейный поступательный характер развития, в частности научной мысли. Проведенный аналитический обзор позволил сделать вывод об активной фазе научного поиска и стремлении специалистов выработать такую его стратегию, которая бы соответствовала наступающей эпохе новой «нормальности», беспорядка и хаоса. На фоне попыток осмыслить неоднозначность поведения самоорганизующихся и лишь частично управляемых туристских систем широкие перспективы открываются перед самонастраиваемыми прогностическими моделями.

Материалы и методы. Информационная база исследований туризма комплектуется из официальных государственных статистических сведений, предоставляемых Федеральной службой государственной статистики (Росстат), которая является координатором Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Туристская деятельность иллюстрируется большим набором групп критериев и показателей:

– «Гостиницы, рестораны (общественное питание)», где в том числе фиксируются доходы КСР от предоставляемых услуг, площадь номерного фонда в КСР и т. п.;



- «Туризм» – число турфирм, число принятых иностранных туристов и пр.;
- «Информация о турфирмах» – виды туроператоров, число туроператоров и др.

К специфике указанной системы данных необходимо отнести тот факт, что фирмы могут быть отнесены к туристским при условии соответствующей принадлежности основного кода деятельности ОКВЭД. Если основной код будет иным, информация о деятельности данной компании в базу не попадает. К тому же полная ответственность за достоверность предоставляемой от регионов и компаний информации возлагается на респондентов.

Имеющаяся на ЕМИСС информация в преобладающем большинстве представлена в виде одномерных интервальных временных рядов. Показатели могут быть даны как в обобщенном виде (в целом по Российской Федерации, по федеральным округам), так и по отдельным регионам. Для полноценного и точного анализа необходимо учитывать любые изменения административно-территориального устройства, а также особенности методик сбора данных, отображаемых в паспортах статистического показателя.

Апробация предлагаемой прогностической модели проводилась на примере двух регионов – Иркутской области и Республики Бурятия. Массовое туристское освоение Байкала началось во времена СССР, когда он становится популярным местом отдыха советских граждан. Сегодня туры на Байкал – один из немногих отечественных турпродуктов, конкурентоспособных на глобальном рынке путешествий. По данным Росстата, до начала пандемии каждый третий турист на Байкале был иностранным, в основном из Китая, Германии, США и Японии.

Байкальский регион имеет хорошие перспективы дальнейшего туристского освоения, причем не только территорий, непосредственно прилегающих к озеру. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. для Иркутской области и Республики Бурятия туризм определен в качестве перспективной экономической специализации⁹. В Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 г. Байкальский регион отнесен к приоритетным территориям развития туризма¹⁰. Для более полного задействования всего туристско-рекреационного потенциала региона в Национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» в 2030 г. запланирован комплексный инвестиционный проект туристско-рекреационного

⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye_strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 30.08.2021).

¹⁰ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сент. 2019 г. № 2129-р. URL: <https://tourism.gov.ru/upload/iblock/298/Стратегия%20развития%20туризма%20на%20период%20до%202035%20года.pdf> (дата обращения: 30.08.2021).



кластера «Ворота Байкала» (Браунфилд, Иркутская область) с пропускной способностью 300 тыс. чел. в год. Обсуждается также проект застройки территории бывшего Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. На 1 тыс. га планируется возвести пятизвездочный санаторно-курортный комплекс, комплекс гостиниц различных ценовых сегментов, конгресс-центр, дайвинг-центр, лечебно-реабилитационный комплекс, морской порт, хели-порт, логистический комплекс¹¹. В 2021 г. впервые в истории российского туризма туроператор TUI зимой запустил чартеры на Байкал, которые повысили доступность региона для массового туриста¹².

Наличие богатого и разнообразного туристско-рекреационного потенциала в Байкальском регионе и перспективы его дальнейшего активного и масштабного освоения обусловили выбор этой территории для апробации адаптивной модели. У авторов была возможность в составе междисциплинарного научного коллектива провести полевые исследования, в ходе которых были диагностированы признаки сверхтуризма на Байкале [17]. Планируемое развитие туристской инфраструктуры и наращивание туристских потоков в регион выдвигает на первый план вопросы охраны хрупкой уникальной экосистемы озера. В этих условиях возрастает актуальность научного прогнозирования туристской деятельности в Иркутской области и Республике Бурятия, к которому предъявляются повышенные требования.

Для решения поставленных задач в данной работе применялся метод адаптивного моделирования, имеющего ряд несомненных достоинств:

- используется для решения широкого круга задач;
- не требует большого объема информации, может быть применен на отдельных временных рядах;
- отличается ясностью и простотой математической формулировки;
- хорошо зарекомендовал себя для получения краткосрочных прогнозов рядов с небольшим объемом данных;
- способен к прогнозированию в условиях неопределенности; пригоден для работы с рядами, меняющими свою структуру во времени¹³.

В основу адаптивных моделей заложена идея постоянного пересмотра прогнозных значений по мере поступления фактических данных. Суть заключается в том, что найденные с помощью аналитического выравнивания

¹¹ Инвестиционный проект по созданию туристско-рекреационного кластера «Ворота Байкала» в Иркутской области, 2020 г. [Электронный ресурс] : утв. Первым заместителем Председателя Правительства Иркутской области Р. Л. Ситниковым 3 сент. 2020 г. URL: https://www.investinregions.ru/upload/iblock/7b4/Master_plan-TRK-Vorota-Baykala_31.08.2020_ITOG.PDF (дата обращения: 30.08.2021).

¹² Чартерные программы на зимний Байкал из Москвы и Екатеринбурга стартуют в начале февраля [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/74968/> (дата обращения: 30.08.2021).

¹³ Давнис В. В., Тинякова В. И. Адаптивные модели: анализ и прогноз в экономических системах. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006. 380 с.; Лукашин Ю. П. Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов : учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2003. 416 с.

параметры в дальнейшем проходят корректировку, учитывающую изменяющуюся ситуацию на рынке. В результате адаптивные методы прогнозирования могут дать более точные результаты по сравнению с прогнозами на основе других эконометрических моделей, поскольку в большей степени учитывают новейшие изменения в динамике рассматриваемого показателя¹⁴.

Расчетные работы и построение графиков выполнялись в свободной среде разработки программного обеспечения с открытым исходным кодом для языка программирования R (version 4.1.1). Выбор данной среды обусловлен широкими возможностями использования встроенных статистических и графических инструментов, включая линейные модели, модели нелинейной регрессии, статистические тесты, анализ временных рядов, классификацию, кластеризацию и т. д. Язык программирования R позволяет исследователю создавать собственные авторские модули, а также использовать готовые R-пакеты, которые имеют широкое применение в статистическом анализе данных, в том числе для визуализации и прогнозирования различных процессов.

Результаты исследования. Получение прогноза определенного процесса предполагает выбор из множества методов и моделей, чему способствует обязательный этап предварительного анализа ряда и его описание, т. е. идентификация. В данной работе в качестве объектов прогнозирования выступают дискретные временные ряды показателей: «Число принятых иностранных туристов», «Число отправленных в туры российских туристов» (2004–2020 гг., значения показателя за год), «Численность размещенных лиц в КСР» (2011–2021 (I квартал) гг., поквартальные значения). Информация по Иркутской области и Республике Бурятия получена с официального сайта Росстата. Данные для оценки туристского потока посредством размещения в КСР, как известно, не лишены погрешностей (недоучет неначующих посетителей (экскурсантов), туристов, размещающихся не в коллективных средствах размещения и пр.). Однако работа с единой базой ЕМИСС обеспечивает сопоставимость статистических сведений по регионам страны и возможность применения результатов исследования на практике в деятельности туристских администраций.

Необходимо отметить, что при подсчете числа туристов, размещенных в КСР, Росстатом использовались две методики, отличающиеся в части типов предприятий, предоставляющих статистическую информацию. Начиная с 2016 г., перечень КСР пополнился за счет субъектов малого предпринимательства. Эта корректировка существенно сказалась на значениях показателей, что привело к необходимости разделения исследуемых рядов. Для более полной характеристики рядов данных были построены гистограммы распределения, получены описательные статистики и проведены проверки ряда гипотез. Результаты первичных исследований приведены в таблице 2.

¹⁴ Атчаде М. Н. Адаптивные методы прогнозирования: реализация в Excel и программе R : учеб. пособие. СПб. : СПбГЭУ, 2018. 101 с.



Таблица 2. Характеристики временных рядов исследуемых показателей по Иркутской области и Республике Бурятия
Table 2. Characteristics of time series of studied indicators for selected regions: the Irkutsk region and the Republic of Buryatia

Название ряда / Time series name	Описательные статистики / Descriptive statistics					Наличие аномалий, «выбросов» (присутствуют / не присутствуют) Anomalies, outliers (yes, no)	Проверка гипотез / Hypothesis testing	
	Длина ряда, число уровней / Length of the time series	Среднее значение ряда, чел. / Average meaning, person	Медиана, чел. / Median, person	Стандартное отклонение, чел. / Standard deviation, person	Размах колебаний, чел. / Range, person		Гипотеза о нормальности распределения (критерий Шапиро-Уилка) не отвергается / Hypothesis of normality distribution (Shapiro-Wilk test (not rejected / rejected)	Гипотеза о стационарности (критерии Дики – Фуллера и KPSS) не отвергается / Hypothesis of stationarity (Dickey-Fuller test, KPSS test (not rejected / rejected)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число принятых иностранных туристов (Иркутская область, 2004–2020 гг.) / Number of accepted foreign tourists (Irkutsk region, 2004–2020)	17	14 225	9 787	11 431	45 466	присутствуют / yes	отвергается / rejected	отвергается / rejected
Число принятых иностранных туристов (Республика Бурятия, 2004–2020 гг.) / Number of accepted foreign tourists (Irkutsk region, 2004–2020)	17	6 660	5 623	4 539	15 232	присутствуют / yes	отвергается / rejected	отвергается / rejected
Число отправленных в туры российских туристов (Иркутская область, 2004–2020 гг.) / Number of Russian tourists sent to the tours (Irkutsk region, 2004–2020)	17	84 466	71 199	42 302	131 877	не присутствуют / no	не отвергается / not rejected	отвергается / rejected



Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число отправленных в туры российских туристов (Республика Бурятия, 2004–2020 гг.) / Number of Russian tourists sent to the tours (Republic of Buryatia, 2004–2020)	17	25 650	27 684	8 818	32 342	не присутствуют / no	не отвергается / not rejected	отвергается / rejected
Численность размещенных лиц в КСР (Иркутская область, 2011–2015 гг.) / The number of placed persons in CAE (Irkutsk region, 2011–2015)	20	86 406	86 825	11 319	47 802	не присутствуют / no	не отвергается / not rejected	отвергается / rejected
Численность размещенных лиц в КСР (Иркутская область, I квартал 2016 г. – I квартал 2021 г.) / The number of placed persons in CAE (Irkutsk region, Q1 2016 – Q1 2021)	21	193 539	199 846	73 163	287 882	не присутствуют / no	не отвергается / not rejected	отвергается / rejected
Численность размещенных лиц в КСР (Республика Бурятия, 2011–2015 гг.) / The number of placed persons in CAE (Republic of Buryatia, 2011–2015)	20	27 594	22 337	12 740	38 610	присутствуют / yes	отвергается / rejected	не отвергается / not rejected
Численность размещенных лиц в КСР (Республика Бурятия, I квартал 2016 г. – I квартал 2021 г.) / The number of placed persons in CAE (Republic of Buryatia, Q1 2016 – Q1 2021)	21	77 992	6 3049	48 090	195 883	не присутствуют / no	не отвергается / not rejected	отвергается / rejected



Содержащаяся в таблице 2 информация позволяет утверждать, что все ряды являются малыми выборками, обладают очень разным набором характеристик, что затрудняет применение универсального классического подхода к моделированию и прогнозированию. Абсолютное большинство рассматриваемых рядов значений – нестационарные, что подводит к выбору методов адаптации. В рядах с лагом в 1 год сезонность не прослеживается. Ряды, построенные по показателю размещения в КСР, имеют временной лаг в I квартал и при декомпозиции демонстрируют наличие тренда и сезонную компоненту.

Известно, что моделированию лучше поддаются временные ряды, относящиеся к большим выборкам ($n > 30$). Однако объединить два ряда одного и того же показателя в рамках одного региона не представляется возможным. Расширение списка КСР, участвующих в сборе данных, привело к существенному росту количественных значений. Сопоставление дисперсий с помощью t -критерия Стьюдента, а также сравнение медиан на соответствие гипотезе $H_0: P\{X > Y\} = P\{X < Y\}$ с применением теста Манна – Уитни дали идентичные выводы: различия в периодах исследований 2011–2015 гг. и I квартала 2016 г. – I квартала 2021 г. статистически значимы. Таким образом, для построения прогноза могут быть рассмотрены только наблюдения, начинающиеся с I квартала 2016 г. (по обоим выбранным территориям).

По итогам проведенной идентификации можно сделать вывод, что в качестве объектов моделирования и прогнозирования выступают нестационарные ряды малых выборок, в которых можно выделить 4 ряда с наличием общей тенденции развития, но без выявленной сезонности (по показателям «Принятые иностранные туристы» и «Отправленные в туры соотечественники») и 2 ряда с присутствием тренда и выявленной сезонной компонентой («Численность размещенных в КСР»).

Простейший случай самокорректирующейся модели – экспоненциальное сглаживание при прогнозировании рядов с выраженной тенденцией развития может привести к смещенным прогнозным оценкам. Для решения этой проблемы предлагается применять многопараметрические адаптивные модели. При исследованиях рядов с периодически повторяющимися изменениями, которые наблюдаются каждый сезон (довольно распространенное явление в туризме), важным моментом является определение типа сезонности – аддитивной либо мультипликативной. В случае с большими выборками диагностика данного типа осуществляется визуально достаточно легко, но на «коротких» рядах выбор не столь однозначен и может вызвать затруднения. Принципу аддитивности и мультипликативности может подчиняться все описание временного ряда: если выделенные в ходе декомпозиции компоненты суммируются, имеет место аддитивная модель. В случае с произведением компонент прослеживается мультипликативность.

В данной работе для оптимизации подбора моделей используется функция `ets()`, входящая в пакет «forecast». Удобство этой функции заключается

в возможности пользователя указать конкретные параметры, отвечающие за тип остатков, вид тренда и вид сезонности, а также дать команду их автоматического подбора. Варианты могут включать: «N» – отсутствие компоненты, «A» – аддитивный вид, «M» – мультипликативный вид, «Z» – автоматический выбор. Моделирование сопровождается вычислением в том числе информационного критерия Акаике (AIC), который применяется для выборок с $n > 40$, и скорректированного критерия Акаике (AICs), применяемого при $n < 40$. На основании AICs происходит выбор наилучшей из предлагаемых моделей (чем ниже AIC или AICs, тем лучше модель по сравнению с остальными).

Еще одним обязательным методом установления качества является анализ так называемых остатков, получаемых за счет разности исходных (фактических) и полученных в результате математической обработки (теоретических) значений ряда. Условием принятия модели является отсутствие автокорреляции, случайность остатков, которые с заданным уровнем вероятности представляют собой «белый шум». Одним из вариантов проверки соответствия этому требованию выступает Q-тест Льюинга – Бокса (инструмент `check-residuals()` в том же пакете «`forecast`»). В данной статье модели с минимальными критериями AICs затем проверялись по критерию Льюинга – Бокса, после чего и осуществлялся окончательный выбор. Результаты использования данного подхода представлены в таблице 3.

Необходимо заметить, что в случае установления параметра модели в виде «Z», система самостоятельно предлагает оптимальный с точки зрения алгоритма пакета вариант, который не гарантирует в дальнейшем точный прогноз, так как обстановка на рынке непредсказуема, что ярко показала ситуация с пандемией 2020 г.

В целях получения качественного прогноза исходный ряд разбивается на две выборки: обучающую и проверочную (контрольную). Процентное соотношение количества значений в одной и другой может варьироваться, но обучающий фрагмент, как правило, значительно больше, чтобы обеспечить минимизацию ошибок 1-го и 2-го рода. Ошибки прогноза выявляются на проверочном фрагменте. Предлагаемый подход хорошо зарекомендовал себя в аналогичном исследовании на большой выборке, однако необходимо еще раз напомнить, что данные, используемые для исследования в этой статье, представляют собой малые выборки, т. е. ряды с небольшим количеством значений [18]. Второе уточнение заключается в том, что адаптивное прогнозирование лучше всего себя зарекомендовало для краткосрочных периодов упреждения.

Как уже было сказано выше, адаптивное прогнозирование строится на применении самонастраивающихся рекуррентных моделей, благодаря которым последующие значения могут быть вычислены на основании предыдущих с учетом их информационной ценности. Преимущество этих моделей заключается в способности считаться с высокой степенью изменчивости в условиях быстро сменяющихся характеристик бизнес-процессов.



Т а б л и ц а 3. Расчетные значения информационного критерия Акаике (AICc), p-value Q-теста Льюнга – Бокса

Т а b l e 3. Estimated values of the corrected Akaike Information Criterion (AICc), p-value of Ljung–Box Q-test

Название ряда / Time series name	Варианты вида модели / Type of model						Выбор модели по AICc и критерию Льюнга – Бокса / The choice of model by AICc and Ljung-Box Q-test
	MAN	AAN	MMN	MAA	AAA	MAM	MMM
1	2	3	4	5	6	7	8
Число принятых иностранных туристов (Иркутская область, 2004–2020 гг.) / Number of accepted foreign tourists (Irkutsk region, 2004–2020)	AICc = 322,1 p-value = 0.48	AICc = 328,8 p-value = 0.37	AICc = 319,8 p-value = 0.36				9
Число принятых иностранных туристов (Республика Бурятия, 2004–2020 гг.) / Number of accepted foreign tourists (Irkutsk region, 2004–2020)	AICc = 291,6 p-value = 0.22	AICc = 291,2 p-value = 0.6	AICc = 290,6 p-value = 0.26				MMN
Число отправленных в туры российских туристов (Иркутская область, 2004–2020 гг.) / Number of Russian tourists sent to the tours (Irkutsk region, 2004–2020)	AICc = 381,4 p-value = 0.13	AICc = 387,8 p-value = 0.25	AICc = 388,1 p-value = 0.08				MAN

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число отправленных в туры российских туристов (Республика Бурятия, 2004–2020 гг.) / Number of Russian tourists sent to the tours (Republic of Buryatia, 2004–2020)	$AIC_c = 359,9$ $p\text{-value} = 0,03$	$AIC_c = 362,6$ $p\text{-value} = 0,53$	$AIC_c = 363,1$ $p\text{-value} = 0,03$					AAN
Численность размещенных лиц в КСР (Иркутская область) / Number of persons placed in CAE (Irkutsk region)				$AIC_c = 560,9$ $p\text{-value} = 0,08$	$AIC_c = 553,7$ $p\text{-value} = 0,01$	$AIC_c = 559,7$ $p\text{-value} = 0,07$	$AIC_c = 559,5$ $p\text{-value} = 0,07$	MMM
Численность размещенных лиц в КСР (Республика Бурятия) / Number of persons placed in CAE (Republic of Buryatia)				$AIC_c = 532,7$ $p\text{-value} = 0,01$	$AIC_c = 534,0$ $p\text{-value} = 0,02$	$AIC_c = 521,6$ $p\text{-value} = 0,06$	$AIC_c = 521,3$ $p\text{-value} = 0,28$	MMM

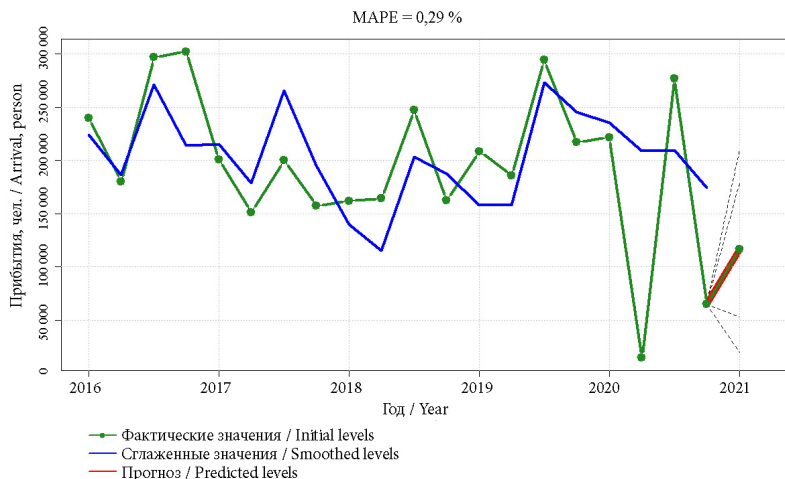
Примечание / Note. H_0 : данные являются случайными, представляют собой «белый шум»; не отвергается при $p\text{-value} > 0,5$ для набора адаптивных моделей (получены авторами) / H_0 : data are independently distributed and are the “white noise”; not rejected with $p\text{-value} > 0,5$ for a set of adaptive models (received by the authors).



В самом общем виде суть работы можно описать следующим образом: в начальной точке ряда определяется исходное состояние модели с помощью текущих значений параметров и по ним осуществляется прогнозирование на один шаг вперед. После этого измеряется расхождение прогнозного и фактического значений, т. е. ошибка, которая и ложится в основу корректировки параметров для полноценного согласования с динамикой ряда. Затем процедура, носящая название «обучение модели», повторяется для следующего момента времени и т. д.¹⁵. В литературе часто отмечается низкая универсальность такого рода моделей, поскольку приспособление происходит к каждому рассматриваемому ряду. В научных исследованиях туризма эта особенность является скорее достоинством, нежели недостатком, так как задача прогнозирования в данном случае состоит в учете и оценке уникальных региональных особенностей, чему и способствует высокая гибкость адаптивных методик. Инструментами корректировки и «обучения» модели выступают числовые параметры α и β для рядов без наличия сезонности и α , β и γ для рядов с выраженной сезонной компонентой ($0 < \alpha, \beta, \gamma < 1$). При работе в языке программирования R предоставляется возможность либо автоматического, либо ручного подбора этих параметров. Опытным путем доказано, что величины, полученные системой, далеко не всегда являются оптимальными. Качество подбора доказывается с помощью расчета ошибки прогноза проверочного фрагмента. Способов выявления прогностических ошибок существует достаточно много: графический анализ (например, отображение фактических, расчетных и прогнозных уровней ряда либо построение гистограммы остатков модели и т. д.), расчет коэффициентов для оценки качества модели. К их числу можно отнести коэффициент детерминации R^2 , среднюю абсолютную ошибку MAE, среднюю абсолютную масштабированную ошибку MASE и т. д. В данной работе для оценки получаемых прогнозов использовалась средняя абсолютная процентная ошибка MAPE (средняя ошибка аппроксимации). Если величина ошибки оказывается меньше 10 %, то интерпретация оценки точности может быть зафиксирована как «высокая». Минимизация этой ошибки достигается методом подбора оптимальной комбинации параметров адаптации. На рисунках 1–4 представлены результаты моделирования, проиллюстрированные «сглаженными значениями» в сравнении с фактическим исходными рядами, а также результаты полученных прогнозов. Расхождение реального и прогнозного значений на тестовых фрагментах оценены с помощью показателя MAPE.

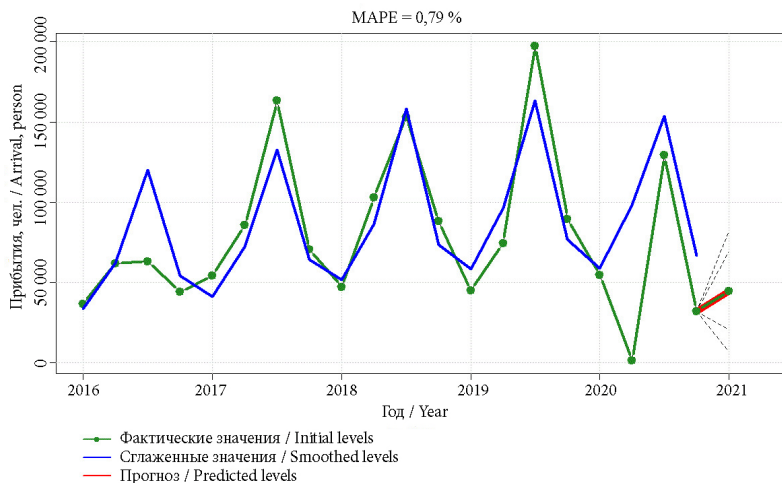
Как видно на рисунке 1, модель, построенная на поквартальных значениях, показывает высокую точность прогноза на I квартал 2021 г. При сравнении спрогнозированного уровня с реальной величиной, уже известной на настоящий момент времени, ошибка аппроксимации (MAPE) составляет всего 0,29 %. Таким образом, можно утверждать, что несмотря на резкие колебания показателя, наблюдавшиеся в течение 2020 г., модель успевает «обучиться» за 4 квартала. Аналогичную картину можно наблюдать и на рисунке 2.

¹⁵ Назаров М. Г. Курс социально-экономической статистики : учеб. М. : Омега-Л, 2010. 1013 с.



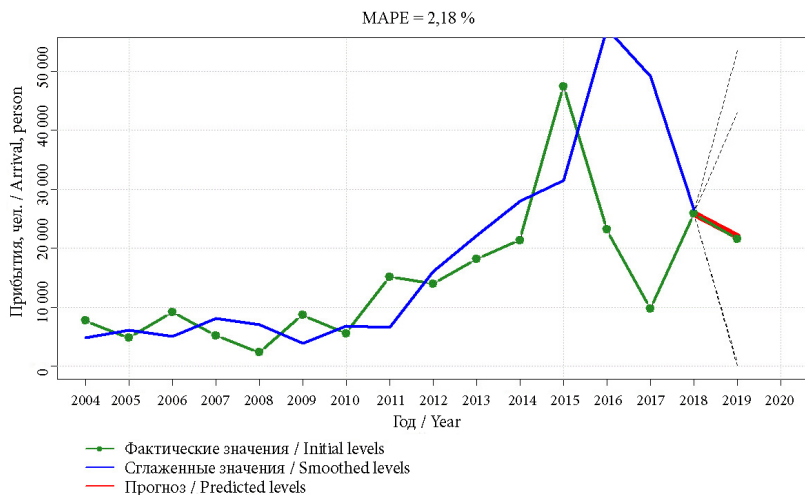
Р и с. 1. График исходных, сглаженных и прогнозируемых уровней временного ряда численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения (Иркутская область)

F i g. 1. Line graph of the initial, smoothed and predicted levels of the time series of the number of placed persons in collective accommodation establishments (Irkutsk region)



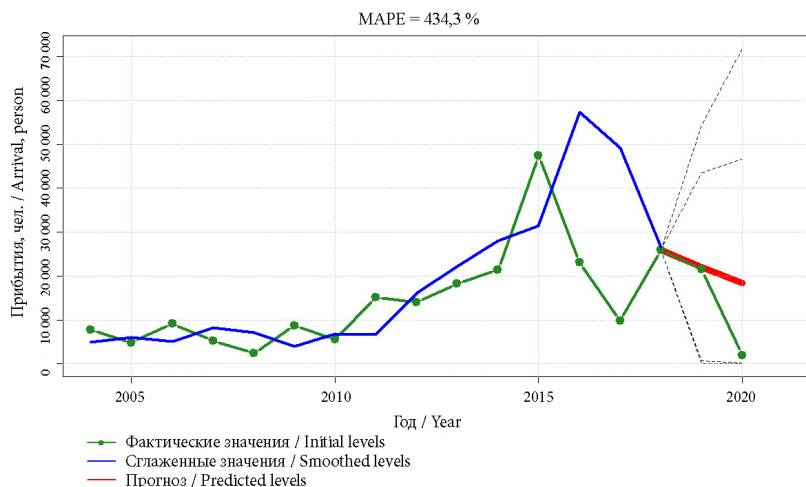
Р и с. 2. График исходных, сглаженных и прогнозируемых уровней временного ряда численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения (Республика Бурятия)

F i g. 2. Line graph of the initial, smoothed and predicted levels of the time series of the number of placed persons in collective accommodation establishments (Republic of Buryatia)



Р и с. 3. График исходных, сглаженных и прогнозируемых уровней временного ряда числа принятых иностранных туристов (Иркутская область, 2004–2019 гг.)

F i g. 3. Line graph of the initial, smoothed and predicted levels of the time series of the number of adopted foreign tourists (Irkutsk Region, 2004–2019)



Р и с. 4. График исходных, сглаженных и прогнозируемых уровней временного ряда числа принятых иностранных туристов (Иркутская область, 2004–2020 гг.)

F i g. 4. Line graph of the initial, smoothed and predicted levels of the time series of the number of adopted foreign tourists (Irkutsk Region, 2004–2020)

Несколько иная ситуация прослеживается при моделировании рядов без сезонной компоненты. Здесь изменения показателей происходят в течение последнего временного отрезка: уровень 2020 г. по объективной причине резко отличается от предыдущих. Рассмотрим итоги прогнозирования на примере динамики показателя числа принятых иностранных туристов в Иркутской области. Если прогноз на 2019 г., построенный за счет «обучения» модели в период с 2004 по 2018 г., обладает ошибкой в 2,18 % (рис. 3), то при добавлении уровня 2020 г., когда картина выглядит как «обрушение» ряда, средняя ошибка аппроксимации становится равной 434,4 % (рис. 4).

Модели, описывающие поведение всех принятых к рассмотрению рядов динамики с годовыми показателями, формируют выводы, идентичные рисункам 3 и 4: резкое колебание ряда, проявляющееся в течение одного последнего временного шага, не может быть спрогнозировано заранее.

Обсуждение и заключение. Набор показателей, характеризующих туристскую деятельность как на федеральном, так и на региональном уровнях, достаточно обширен и преимущественно представлен рядами динамики. Массивы данных находятся в свободном доступе (сайты ЕМИСС, Ростуризм и т. д.), однако существует недоступная для общего использования информация, которая иногда идет вразрез с официальными сведениями. Так, ярким примером может служить расхождение между официальными данными 2018 г., которые отражают количество иностранных путешественников, размещенных в КСР Республики Бурятия – 60 тыс. чел., и данными погранслужбы, согласно которым через МАПП «Кяхта» в 2018 г. перешло более 400 тыс. иностранных туристов [17]. Эти моменты нельзя не учитывать при построении прогнозов, так как математическая модель не в состоянии оценить полноценность и истинность предлагаемых к исследованию рядов, ответственность в подборе исходных данных целиком и полностью ложится на специалиста.

Исходные временные ряды показателей туристской деятельности могут быть различной длины, претерпевать изменение методик измерения, демонстрировать резкие колебания в зависимости от внешних условий, а при декомпозиции могут содержать либо не содержать сезонную и трендовую компоненты. Таким образом, модели, используемые для получения прогнозов, должны уметь обрабатывать все эти варианты. Адаптивное моделирование обладает богатым набором методов, способных успешно описывать и прогнозировать поведение рядов с различными характеристиками, что и было показано в данной работе. Исключение составляют ряды, в которых наблюдается резкое «обрушение» показателя, проявляющееся в пределах одного последнего шага по времени.

Настоящее исследование предполагается проводить в несколько этапов. В статье отражены результаты первого из них. Задача состояла в том, чтобы точно убедиться, насколько хорошо работает модель. Для этого необходимо иметь уже достигнутый период упреждения и таким образом сравнить



прогнозные значения с теми, которые уже известны. Прогнозировать в этом случае ситуацию 2022 г. нерационально, так как в этом случае оценить величину ошибки полученного результата не представляется возможным. В перспективе планируется продолжить исследование и на следующем этапе разрабатывать прогнозы для будущих периодов.

Предлагаемая адаптационная модель развития туризма имеет как научное, так и большое практическое значение. Ее разработка лежит в русле совершенствования научного аппарата прогнозирования в целом, особенно в части методов изучения сложных систем, к которым относится туризм. Она позволяет изменить горизонты прогнозирования и перейти к наиболее востребованным в последнее время краткосрочным прогнозам туристской активности. С ее помощью в перспективе открывается возможность расширить круг прогнозируемых показателей туристской деятельности. В целом ценность адаптивной модели развития туризма состоит в сравнительно высоком качестве прогнозирования, точности прогноза и удобстве использования полученных результатов.

Достоверные прогнозные данные, полученные с помощью надежного научного аппарата, востребованы всеми субъектами отношений в территориальной туристской системе. Они могут быть использованы туристскими администрациями, маркетинговыми агентствами по туризму, туристскими компаниями, инвесторами для решения широкого круга задач, в том числе принятия управленческих решений и проведения политики в сфере туризма, эффективного ведения туристского бизнеса, информирования широкой общественности о перспективах развития туризма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Остапенко И. Н., Усенко Р. С. Об экспертных методах моделирования показателей туристической деятельности // Управление экономическими системами. 2017. № 9 (103). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30022784> (дата обращения: 30.08.2021).
2. The Tourism Forecasting Competition / G. Athanasopoulos [et al.] // International Journal of Forecasting. 2011. Vol. 27, issue 3. Pp. 822–844. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2010.04.009>
3. Морозов М. А., Морозова Н. С. Моделирование и прогнозирование развития туристских дестинаций // Сервис plus. 2014. Т. 8, № 3. С. 32–38. doi: <https://doi.org/10.12737/5535>
4. Siddique N., Adeli H. Computational Intelligence: Synergies of Fuzzy Logic, Neural Networks and Evolutionary Computing. West Sussex, United Kingdom, 2013. 532 p. doi: <https://doi.org/10.1002/9781118534823>
5. Computational Intelligence in the Hospitality Industry: A Systematic Literature Review and a Prospect of Challenges / J. Guerra-Montenegro [et al.] // Applied Soft Computing Journal. 2021. Vol. 102. doi: <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2021.107082>
6. Дараган С. В., Румянцева А. Использование нейросетевых технологий в управлении предприятиями туриндустрии // Индустрия туризма: возможности, приоритеты,



проблемы и перспективы. 2018. Т. 12, № 2. С. 52–60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35588064> (дата обращения: 30.08.2021).

7. Козлов Д. А. Нейроагентные технологии в индустрии гостеприимства и туризма // ИТпортал. 2016. № 3 (11). URL: <https://itportal.ru/science/economy/neyroagentnye-tekhnologii-v-industr/> (дата обращения: 30.08.2021).

8. Xiea G., Qiana Y., Wang Sh. A Decomposition-Ensemble Approach for Tourism Forecasting // Annals of Tourism Research. 2020. Vol. 81. doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102891>

9. Review of Tourism Forecasting Research with Internet Data / X. Li [et al.] // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 83. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104245>

10. Li H., Hu M., Li G. Forecasting Tourism Demand with Multisource Big Data // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 83. doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102912>

11. Bokelmann B., Lessmann S. Spurious Patterns in Google Trends Data – An Analysis of the Effects on Tourism Demand Forecasting in Germany // Tourism Management. 2019. Vol. 75. Pp. 1–12. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.04.015>

12. Евстропьева О. В., Бибаева А. Ю., Санжеев Э. Д. Моделирование туристских потоков на региональном и локальном уровнях. Опыт реализации в ЦЭЗ БПТ // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13, № 1. С. 85–97. doi <http://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10110>

13. Обзор современных моделей и методов анализа временных рядов динамики процессов в социальных, экономических и социотехнических системах / Е. Г. Андрианова [и др.] // Российский технологический журнал. 2020. Т. 8, № 4. С. 7–45. doi: <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2020-8-4-7-45>

14. Visitor Arrivals Forecasts Amid COVID-19: A Perspective from the Europe Team / A. Liu [et al.] // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 88. doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182>

15. Visitor Arrivals Forecasts Amid COVID-19: A Perspective from the Asia and Pacific Team / R. T. R. Qiu [et al.] // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 88. doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103155>

16. Visitor Arrivals Forecasts Amid COVID-19: A Perspective from the Africa Team / N. Kourentzes [et al.] // Annals of Tourism Research. 2021. Vol. 88. doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103197>

17. Сверхтуризм на Байкале: проблемы и пути решения / А. Ю. Александрова [и др.] // География и природные ресурсы. 2021. № 3. doi <http://dx.doi.org/10.15372/GIPR20210308>

18. Александрова А. Ю., Домбровская В. Е. Применение адаптивного моделирования в исследованиях туристских потоков // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. Т. 15, № 1. С. 7–20. doi: <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2021-10101>

Поступила 03.09.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

Об авторах:

Александрова Анна Юрьевна, профессор кафедры рекреационной географии и туризма Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1), доктор географических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1772-8431>, analexan@mail.ru



Домбровская Вероника Евгеньевна, доцент кафедры туризма и природопользования Тверского государственного университета (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), кандидат физико-математических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7138-1774>, dombrovskaya.ve@tversu.ru

Заявленный вклад авторов:

А. Ю. Александрова – концепция статьи; теоретическое содержание статьи; анализ и интерпретация результатов исследования.

В. Е. Домбровская – методы исследования; проведение исследования; обработка данных; анализ и интерпретация результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ostapenko I.N., Usenko R.S. About Expert Methods of Modeling Indicators of Tourism Activities. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal* = Economic System Management. 2017; (9). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30022784> (accessed 30.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Athanasopoulos G., Hyndman R.J., Song H., Wu D.C. The Tourism Forecasting Competition. *International Journal of Forecasting*. 2011; 27(3):822-844. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2010.04.009>
3. Morozov M.A., Morozova N.S. Tourist Destination Development: Modeling and Forecasting. *Cervix plus* = Service Plus. 2014; 8(3):32-38. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.12737/5535>
4. Siddique N., Adeli H. Computational Intelligence: Synergies of Fuzzy Logic, Neural Networks and Evolutionary Computing. West Sussex; 2013. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1002/9781118534823>
5. Guerra-Montenegro J., Sanchez-Medina J., Laña I., et al. Computational Intelligence in the Hospitality Industry: A Systematic Literature Review and a Prospect of Challenges. *Applied Soft Computing Journal*. 2021; 102. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2021.107082>
6. Daragan S.V., Rumyantseva A. Using of Neural Network Technologies in the Management of Enterprises in the Tourism Industry. *Industriya turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy* = Tourism Industry: Opportunities, Priorities, Problems and Perspectives. 2018; 12(2):52-60. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35588064> (accessed 30.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Kozlov D.A. Neuroagents in Hospitality Industry and Tourism. *ITportal* = ITportal. 2016; (3). Available at: <https://itportal.ru/science/economy/neuroagentnye-tehnologii-v-industr/> (accessed 30.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Xiea G., Qiana Y., Wang Sh. A Decomposition-Ensemble Approach for Tourism Forecasting. *Annals of Tourism Research*. 2020; 81. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102891>
9. Li X., Law R., Xie G., Wang Sh. Review of Tourism Forecasting Research with Internet Data. *Annals of Tourism Research*. 2021; 83. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104245>

10. Li H., Hu M., Li G. Forecasting Tourism Demand with Multisource Big Data. *Annals of Tourism Research*. 2021; 83. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102912>
11. Bokelmann B., Lessmann S. Spurious Patterns in Google Trends Data – An Analysis of the Effects on Tourism Demand Forecasting in Germany. *Tourism Management*. 2019; 75:1-12. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.04.015>
12. Evstrop'yeva O.V., Bibaeva A.Yu., Sanzheev E.D. Modeling Tourist Flows at the Regional and Local Levels. Experience of Implementation in CEZ BNT. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2019; 13(1):85-97. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.24411/1995-0411-2019-10110>
13. Andrianova E.G., Golovin S.A., Zykov S.V., Lesko S.A., Chukalina E.R. Review of Modern Models and Methods of Analysis of Time Series of Dynamics of Processes in Social, Economic and Socio-Technical Systems. *Rossijskij tehnologicheskij zhurnal* = Russian Technological Journal. 2020; 8(4):7-45. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2020-8-4-7-45>
14. Liu A., Vici L., Ramos V., et al. Visitor Arrivals Forecasts Amid COVID-19: A Perspective from the Europe Team. *Annals of Tourism Research*. 2021; 88. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182>
15. Qiu R., Chenguang W., Dropsy V., et al. Visitor Arrivals Forecasts Amid COVID-19: A Perspective from the Asia and Pacific Team. *Annals of Tourism Research*. 2021; 88. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103155>
16. Kourentzes N., Saayman A., Jean-Pierre P., et al. Visitor Arrivals Forecasts Amid COVID-19: A Perspective from the Africa Team. *Annals of Tourism Research*. 2021; 88. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103197>
17. Aleksandrova A.Yu., Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Khovavko I.Yu. Overtourism at Baikal: Problems and Ways of Addressing Them. *Geografiya i prirodnye resursy* = Geography and Natural Resources. 2021; (3). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://dx.doi.org/10.15372/GIPR20210308>
18. Aleksandrova A.Yu., Dombrovskaya V.E. Application of Adaptive Modeling in Tourist Flow Studies. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2021; 15(1):7-20. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2021-10101>

Submitted 03.09.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

About the authors:

Anna Yu. Aleksandrova, Professor, Department of Recreational Geography and Tourism, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation), Dr. Sci. (Geography), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1772-8431>, analexan@mail.ru

Veronika E. Dombrovskaya, Associate professor, Department of Tourism and Nature Management, Tver State University (33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russian Federation), Cand. Sci. (Physics and Mathematics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7138-1774>, dombrovskaya.ve@tversu.ru

Contribution of the authors:

A. Yu. Aleksandrova – concept of the article; theoretical content of the article; research results analysis and interpretation.

V. E. Dombrovskaya – research methods; research conducting; data processing; research results analysis and interpretation.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY**

УДК 332.02

DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

**Социальные практики ресурсобеспечения
в некоммерческом секторе ресурсного региона****О. А. Урбан*****Н. В. Демчук**

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского
государственного университета (г. Новокузнецк, Российская Федерация)
* urban-o@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность изучения социальных практик в некоммерческом секторе обусловлена потребностью выявления потенциала некоммерческих организаций в развитии социальной сферы ресурсного региона. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать институциональные возможности и препятствия в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами, необходимыми для развития социальной сферы и снижения социальных рисков населения ресурсных регионов.

Материалы и методы. В качестве материалов использованы результаты комплексного исследования некоммерческого сектора Кемеровской области, проводившегося с применением количественных и качественных методов (анкетный опрос, полуструктурированное интервью, экспертный опрос), которые позволили выявить особенности взаимодействия социальных субъектов в некоммерческом секторе. Эмпирическим объектом исследования выступают руководители, сотрудники некоммерческих и общественных организаций, руководители благотворительных фондов, созданных крупными компаниями для поддержки социальных инициатив на местах, население моногородов Кузбасса, в которых сосредоточен основной промышленный потенциал региона.

Результаты исследования. Определено, что деятельность некоммерческих организаций имеет рыночные ограничения в потребительских практиках населения. В общественной жизни доминирует пассивная модель поведения, которая является

© Урбан О. А., Демчук Н. В., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

институциональным препятствием для рекрутинга волонтеров, сотрудников и ограничивает социальную базу некоммерческих организаций. Доказано, что преобладание в среде некоммерческих организаций патерналистических установок укореняет традиционную модель и препятствует партнерским отношениям в достижении общего интереса. Институционализированные неформальные практики внутрисекторного взаимодействия препятствуют социальному партнерству как институциональному механизму согласования интересов субъектов отношений в области долгосрочных целей развития некоммерческого сектора. Предложены направления трансформации институционализированных практик и описан опыт формирования актуальных для некоммерческих организаций видов поддержки, способствующих росту их ресурсообеспеченности.

Обсуждение и заключение. Выявленные практики имеют системный характер и выступают неэффективным институтом с точки зрения ресурсообеспеченности некоммерческого сектора в регионе. Статья имеет практическое значение для представителей некоммерческого сектора и органов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: некоммерческая организация, ресурсный регион, социальные практики, ресурсообеспеченность, институциональное препятствие

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Фонда президентских грантов для некоммерческих организаций (№ 19-2-010014).

Благодарности. Авторы выражают благодарность К. В. Бурнышеву, Т. В. Бурнышевой, Е. В. Исаковой за организацию и проведение интервью с экспертами.

Для цитирования: Урбан О. А., Демчук Н. В. Социальные практики ресурсообеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 103–128. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128>

Original article

Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region

O. A. Urban*, N. V. Demchuk

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation)

*urban-o@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of studying social practices in the non-profit sector is due to the need to identify the potential of non-profit organizations in the development of the social sphere of the resource region. The purpose of the article is to study institutional opportunities and obstacles in providing non-profit organizations with the resources necessary for the development of the social sphere and reducing social risks of the population of resource regions.

Materials and Methods. The conclusions of the article are based on the results of a comprehensive study of the non-profit sector of the Kemerovo region. The study was conducted by using quantitative and qualitative methods (questionnaire survey, semi-formal interview, expert survey), which allowed to identify the features of interaction of social



actors in the non-profit sector. The empirical objects of the study are managers, employees of non-profit and public organizations, heads of charitable foundations established by the large companies to support local social initiatives, the population of monotowns of Kuzbass region, in which the main industrial potential is concentrated.

Results. Non-profit organizations have market restrictions in the consumer practices of the local population. A passive pattern of behavior dominates. It is an institutional obstacle to recruiting volunteers and employees and it limits the social base of the non-profit organizations. The authors prove that the prevailing of paternalistic attitudes enroots the traditional pattern and prevents partnership between the authorities and non-profit organizations in achieving common interests. Institutionalized informal practices of the intra-sectoral interaction hinder social partnership as an institutional mechanism for reconciling the interests of the non-profit sector actors in the long-term development goals. The applied significance of the article lies in the fact that the directions of transformation of institutionalized practices are proposed and the experience of organizing relevant types of support for non-profit organizations to contribute to the growth of resource availability of non-profit organizations is described.

Discussion and Conclusion. The identified imperfect practices are systemic in nature and act as an inefficient institution in terms of the resource availability of the non-profit sector in the region. The paper has the practical importance for representatives of the non-profit sector and state and municipal authorities.

Keywords: non-profit organization, resource region, social practices, resource availability, institutional obstacles

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was written with the support of the Presidential Grants Fund for the non-profit organizations (No. 19-2-010014).

Acknowledgements. The authors are grateful to K. V. Burnyshev, T. V. Burnysheva, E. V. Isakova for organizing and conducting the interviews with experts.

For citation: Urban O.A., Demchuk N.V. Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):103-128. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128>

Введение. Значительное место в российской экономике занимают ресурсные регионы, «основу экономики которых составляют экспортно ориентированные отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности первого передела (нефть, газ, уголь, черная и цветная металлургия и др.)»; это ведущие отрасли отечественной экономики, которые «определяют ее место в глобальной экономической системе» [1, с. 95]. Вместе с тем общепризнанным является факт, что ресурсные регионы имеют ряд негативных особенностей, порождающих социальные риски для условий и качества жизни населения территории (плохая экология, ухудшение здоровья, снижение качества человеческого потенциала, безработица, обострение демографической ситуации и пр.). Особая социальная уязвимость наблюдается у населения моногородов, возникновение которых сопряжено с отраслевыми принципами размещения предприятий на территориях месторождений. Снижение социальных

рисков ресурсных регионов связывается с развитием некоммерческого сектора, институционально ориентированного на достижение общественных благ, решение социальных проблем и развитие гражданского общества¹. Некоммерческие организации (далее – НКО) определяются субъектами социальной поддержки населения и предоставляют различные виды социальных услуг².

На деятельность НКО существенно влияет специфика региона как самостоятельной системы: особенности социально-экономической ситуации, практики социального партнерства власти, бизнеса и гражданского общества, отношение местного населения к жизни территории, что актуализирует региональные исследования потенциала НКО в развитии социальной сферы. При этом институциональная поддержка некоммерческого сектора предъявляет особые требования к достоверности эмпирической информации о возможностях НКО к успешной деятельности в сфере предоставления социальных услуг, достижения общественных благ в рамках отдельного ресурсного региона. Цель статьи – изучить институциональные возможности и препятствия в реализации институционально заданных целей некоммерческого сектора применительно к монопрофильным территориям ресурсного региона.

Обзор литературы. Методологически важным является вопрос, какие регионы могут быть отнесены к ресурсным. В научном сообществе не существует единого подхода к выделению ресурсных регионов и их классификации. Так, А. Г. Гранберг в ресурсные регионы включает субъекты по признакам наличия сырьевой модели экономики³. В. А. Крюков в качестве регионов ресурсного типа определяет регионы с доминирующим в структуре их экономики природоэксплуатирующим сектором (в том числе минерально-сырьевым)⁴. Основной вопрос развития ресурсных регионов – «приближение к траекториям устойчивого социально-экономического развития, т. е. возможность поддержания современного уровня жизни населения сырьевой территории на протяжении длительного временного интервала...»⁵.

Среди зарубежных авторов, оказавших влияние на формирование современных взглядов на устойчивое развитие ресурсных регионов, следует

¹ О некоммерческих организациях [Электронный ресурс] : Фед. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 20.05.2021).

² Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Фед. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 20.05.2021).

³ Гранберг А. Г. Есть ли будущее у сырьевых регионов России // VI Международная Кондратьевская конференция «Есть ли у России несырьевое будущее?» : докл. и выступления участников конф. М. : Ин-т экономики РАН, 2008. С. 142–160.

⁴ Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 8.

⁵ Крюков В. А. Методологические основы разработки стратегических направлений развития ресурсных регионов // Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 20.



отметить Э. Вайцзеккера, Э. Ловинса, Л. Ловинса⁶. Научный и практический интерес представляют работы зарубежных исследователей, в которых анализируются проблемы «проклятия природных ресурсов» и опыт их решения в различных странах [2]. Отечественными учеными ведется поиск решений социально-экономических проблем российских ресурсных регионов⁷. Пристальное внимание уделяется социальной сфере, социальным аспектам развития и роста экономики в качестве важнейшего условия долгосрочной устойчивости [3–5].

Мы разделяем точку зрения М. В. Курбатовой и С. Н. Левина, что определение (и классификация) «российских регионов ресурсного типа основывается на концепции ресурсной зависимости, а не ресурсной обеспеченности». Это означает, что «развитие ресурсного сектора вполне может сочетаться с развитием других секторов экономики, прежде всего обрабатывающей промышленности» [1, с. 98]. Преимущества предлагаемого подхода заключаются в многофакторности, системном использовании совокупности признаков для идентификации ресурсной модели развития. М. В. Курбатова и С. Н. Левин выделяют 27 регионов ресурсного типа из четырех классификационных групп. Значительная часть населения этих регионов проживает в моногородах, в отношении которых приоритеты государственной политики определены как повышение уровня и качества жизни населения, создание условий для развития социальной сферы⁸. Больше всего моногородов в Кемеровской области – 24, в Республике Карелия – 11, Забайкальском крае – 9, Иркутской области – 8, Республике Татарстан и Пермском крае – по 7, Республике Саха (Якутия) и Республике Хакасия – по 6 и т. д.⁹.

Российские ресурсные территории имеют институциональную специфику. По мнению В. А. Крюкова, анализ, оценка и принятие всех ключевых решений по вопросам освоения и использования природных ресурсов находятся «за пределами» субъекта, на федеральном уровне. В подобной ситуации решения социально-экономических проблем отдельных регионов представляют очень сложные задачи¹⁰. В практическом отношении данный вывод

⁶ Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / пер. А. П. Заварницына, В. Д. Новикова ; под ред. Г. А. Месяца. М. : Academia, 2000. 400 с.

⁷ Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения / под ред. В. Б. Кондратьева. М. : ИМЭМО РАН, 2016. 326 с.

⁸ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения 13.05.2021).

⁹ Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (ред. от 21 янв. 2020 г.). URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/1398-r.pdf> (дата обращения 17.05.2021).

¹⁰ Проблемы формирования современной политики гармоничного развития для ресурсных регионов / В. А. Крюков [и др.] // Ресурсные регионы России в «новой реальности». С. 235–236.

ориентирует на поиск и мобилизацию внутренних ресурсов территории в обеспечении благоприятных условий жизни местного населения. Эти ресурсы концентрируются в социальной активности граждан. Российские НКО, несмотря на такие проблемы, как слабая экономическая база, демонстрируют преимущества по сравнению с государственными и коммерческими поставщиками в роли поставщиков социальных услуг [6, с. 85–86]. НКО «быстрее и тоньше улавливают разнообразные настроения и запросы граждан, способствуя своевременной диагностике и упреждающему разрешению общественных проблем»¹¹. Ограничение подхода в изучении некоммерческого сектора в одном регионе представляется оправданным. Принятие управленческих решений по государственной поддержке НКО в территориальном аспекте требует теоретического обобщения эмпирической информации, имеющей региональную специфику. Предметом дальнейшего изучения должны стать региональные сравнительные исследования.

Результаты деятельности НКО во многом определяются существующими у них ресурсами, совокупность которых дает возможности организациям реализовать институционально заданные цели. Тематика исследований ресурсообеспеченности НКО разнообразна. Проблемы ресурсов некоммерческих организаций связываются с их способностью к эффективной коммуникации в условиях межсекторного партнерства [7], с социальным капиталом некоммерческих организаций [8–12]. Однако общий подход к выделению ресурсов НКО зависит от методологических оснований. Ресурсы могут пониматься как вспомогательные средства, необходимые для деятельности (деньги, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов)¹² или набор различных капиталов¹³.

Плодотворным для анализа ресурсообеспеченности НКО является подход к рассмотрению ресурсов как социальных возможностей, которыми располагает организация для решения насущных местных проблем¹⁴. Такая трактовка понятия ресурсов имеет познавательный потенциал в рамках активистского (деятельностно-структурного) подхода (Э. Гидденс, П. Штомпка, Т. Заславская, В. Ядов и др.), базирующегося на принципах деятельностного изменения социального целого социальными субъектами. Данный подход в изучении ресурсов нацеливает на поведенческий уровень анализа и исследование социальных практик.

Концептуализация понятия социальных практик связана с западной социологией (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Г. Гарфинкель и др.). Согласно Э. Гидденсу,

¹¹ Новый контракт государства и сектора негосударственных некоммерческих организаций / Л. Якобсон [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в Российской Федерации. 2017. № 2 (13). С. 13.

¹² Иванов В. Н. Местное сообщество – субъект реализации концепции устойчивого развития // Местное самоуправление в России : сб. ст. / под ред. проф. В. Б. Зотова. М. : ОСЬ-89, 2003. С. 128.

¹³ Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т. Основы развития местного хозяйства. М. : Логос, 2011. С. 113.

¹⁴ Юдин П. А. Социальные ресурсы местного самоуправления : дис. ... канд. социол. наук. Белгород : Центр социальных технологий, 1994. С. 12.



«практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей, рассматриваются как социальные институты»¹⁵. В российской социологии проблематика социальных практик представлена достаточно полно в изучении, объяснении социально-экономических процессов и оценки институализированных форм отношений в соответствующих сферах общественной жизни российского общества (Т. И. Заславская, С. Ю. Барсукова, С. Г. Кирдина, О. Ф. Фадеева и др.). В. В. Волков и О. В. Хархордин считают, что, «практики конституируют и воспроизводят идентичности или “раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»¹⁶. В работах Т. И. Заславской содержание понятия «социальные практики» трактуется как «системы устойчивых и массовых социальных действий и взаимодействий социальных субъектов»¹⁷. Таким образом, рассмотренные в обзоре литературы методологические подходы актуализируют изучение социальных практик в некоммерческом секторе. Категория социальная практика методологически ориентирует на оценку институциональных возможностей и препятствий в развитии некоммерческого сектора в ресурсном регионе, в том числе применительно к условиям монопрофильных образований.

Материалы и методы. Во всех ресурсных регионах присутствует системно-специфическая компонента и единство стратегических целей развития. В этом отношении для понимания возможностей некоммерческого сектора в развитии социальной сферы ресурсного региона и его монопрофильных образований обоснован монографический тип исследования. Монографический подход определяется как углубленное выборочное исследование какой-либо проблемы на одном отдельно взятом, но представительном объекте. Это эмпирическое исследование, изучающее современный феномен в его реально существующем контексте и предусматривающее применение самых различных методов, и необязательно качественных [7].

Кемеровская область является ресурсным регионом и лидером по количеству моногородов в Российской Федерации. В моногородах Кузбасса остаются нерешенными важные проблемы качества жизни [13, с. 53]. При поддержке Фонда президентских грантов в 2019–2020 гг. было проведено комплексное исследование ресурсообеспеченности некоммерческого сектора в монопрофильных муниципальных образованиях Кемеровской области.

Результаты исследования представлены в статье в контексте анализа действий и взаимодействий социальных субъектов (лидеров, сотрудников НКО, населения территории, органов власти, бизнес-структур) в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами, необходимыми для развития

¹⁵ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2005. С. 40, 60.

¹⁶ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Европ. ун-т в СПб., 2008. С. 22.

¹⁷ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2003. С. 214.

социальной сферы и снижения социальных рисков населения. В соответствии с выбранными методологическими основаниями центральный исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: какие институциональные возможности и препятствия существуют в реализации институционально заданных целей некоммерческого сектора применительно к монопрофильным территориям ресурсного региона. Предметная область сфокусирована на социальных практиках субъектов взаимодействия в некоммерческом секторе, т. е. доминирующих моделях поведения, которые стимулируют или сдерживают развитие НКО.

Эмпирическим объектом исследования выступают руководители, сотрудники некоммерческих и общественных организаций, руководители благотворительных фондов, созданных крупными компаниями для поддержки социальных инициатив на местах, население моногородов Кузбасса, в которых сосредоточен промышленный (угольно-металлургический) потенциал региона. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

С позиции системной структуризации объекта изучались:

1. Население моногородов в возрасте от 18 лет и старше как благополучатели и потребители социальных услуг, а также как субъект социальной инициативы и активности. Выборка – квотная, случайная ($n = 1\,000$). В рамках квотно-случайной модели выборки сформировано распределение респондентов по территориально-географическому и половозрастным признакам (табл. 1, 2).

Таблица 1. Территориальная структура выборки респондентов
Table 1. Territorial structure of the respondent sampling

Муниципальное образование / Municipalities	Население, тыс. чел (конец 2018 г.) / Population, thousand people (the end of 2018)	Итого по выборке, чел. / Total, people
Прокопьевск / Prokopyevsk	194,1	180
Таштагол / Tashtagol	23,2	22
Междуреченск / Mezhdurechensk	97,1	90
Мыски / Myski	41,4	39
Киселевск / Kiselevsk	89,9	84
Калтан / Kaltan	20,8	19
Осинники / Osinniki	42,4	39
Краснобродский / Krasnobrodsky	14,3	13
Новокузнецк / Novokuznetsk	553,6	514
Итого / Total	1 076,8	1 000



Таблица 2. Социально-демографическая структура выборки, %

Table 2. Social demographic structure of the respondent sampling, %

Группы по возрасту (в годах) / Age groups (years old)	Мужчины / Men	Женщины / Women	Всего / Total
18–29	8,9	8,6	17,5
30–44	15,6	16,6	32,2
45–59	11,7	14,1	25,8
Более 60 / over 60	9,2	15,3	24,5
Всего / Total	45,4	54,6	100

В период с 20 ноября по 31 декабря 2019 г. был опрошен 1 181 респондент. Коррекция проводилась путем случайного удаления кейсов с учетом пола, возраста и города проживания. Объем итоговой выборки составил 1 000 чел.

2. Сотрудники, волонтеры некоммерческих и общественных организаций, социально активные граждане, принимающие участие в улучшении условий жизнедеятельности территории. Объем выборки в 100 чел. определялся задачами исследования (описанием признаков генеральной совокупности на основе преимущественно линейных распределений). Выборка целевая, пропорциональная. Сначала формировался объем выборки участвующих в опросе организаций по городам (табл. 3) пропорционально действующим. Отбор единиц наблюдения (респондентов) осуществлялся согласно территориальной квоте: если организация не имеет штатных работников, то опрашивался один сотрудник (участник), при наличии штата опрашивался штатный сотрудник и волонтер.

Таблица 3. Территориальная структура выборки респондентов

Table 3. Territorial structure of the respondent sampling

Муниципальные образования / Municipalities	Количество организаций, шт. / Number of organizations	Итого по выборке, количество организаций, шт. / Total sampling, number of organizations
Прокопьевск / Prokopyevsk	46	11
Междуреченск / Mezhdurechenks	49	18
Мыски / Myski	22	2
Киселевск / Kiselevsk	11	2
Калтан / Kaltan	4	2
Осинники / Osinniki	11	1
Краснобродский / Krasnobrodsky	2	0
Новокузнецк / Novokuznetsk	201	64
Итого / Total	346	100



3. Эксперты – лидеры некоммерческих и общественных организаций как субъекты влияния, определяющие направления, содержание и перспективы деятельности организаций ($n = 46$). Количество экспертов в каждом муниципальном образовании отбиралось пропорционально количеству действующих НКО по направлениям деятельности (табл. 4). Эксперты отбирались по следующим критериям: руководящая должность в НКО; длительность работы в некоммерческой сфере (не менее 3 лет); публичность (упоминание организации в СМИ); доступность для опроса.

Т а б л и ц а 4. Количество экспертов по муниципальным образованиям

Table 4. Number of experts by municipalities

Муниципальное образование / Municipalities	Количество НКО по городам / NPO number by the town/city	Процент от общего количества / Percent of the total claim	Выборка / Sampling
Новокузнецк / Novokuznetsk	201	0,580925	24
Прокопьевск / Prokopyevsk	46	0,132948	6
Киселевск / Kiselevsk	11	0,031792	1
Осинники / Osinniki	11	0,031792	2
Калтан / Kaltan	4	0,011561	1
Мыски / Myski	22	0,063584	3
Междуреченск / Mezhdurechensks	49	0,141618	9
Краснобродский / Krasnobrodsky	2	0,00578	0
Итого / Total	346	1	46

Общая гипотеза исследования в контексте деятельностно-структурной концепции социального механизма трансформации российского общества Т. И. Заславской¹⁸ и на основе многолетнего опыта сотрудничества с НКО состояла в предположении о том, что ресурсы НКО не адекватны институционально заданным целям. Причинами неадекватности выступают институциональные препятствия как устойчивые (институализированные) социальные практики, связанные с поведением населения и органов власти в лице чиновников.

Частные гипотезы:

1. Население демонстрирует пассивную модель поведения в отношении некоммерческого сектора, так как не сформирована установка на проявление социальной активности.

¹⁸ Там же.



2. В отношениях органов власти с НКО воспроизводятся традиционные (административные) способы взаимодействия, которые слабо соотносятся с институциональными целями НКО.

3. Пассивная модель поведения населения и традиционная модель поведения чиновников определяют особую роль лидера некоммерческих организаций в качестве субъекта, влияющего на эффективную деятельность НКО. Однако существует дефицит лидеров, способных подходить к управлению как бизнес-процессу и повышать ресурсообеспеченность НКО.

Использованы количественные и качественные методы исследования, позволившие выявить особенности взаимодействия социальных субъектов в некоммерческом секторе. Применялись анкетный опрос, полуструктурированное интервью, экспертный опрос. При анализе эмпирического материала применялись методы статистического анализа, простые и комбинационные группировки, расчет коэффициентов корреляции, индексов, систематизация, классификация и др. Полученные результаты экспертного опроса проанализированы с помощью метода интерпретации смыслов.

Результаты исследования. *Ресурсная обеспеченность и специфика деятельности НКО в оценке лидеров (руководителей) и сотрудников.* Общие сведения о деятельности НКО важны для понимания специфики деятельности и потенциала развития организаций.

По результатам интервью с сотрудниками, 67 % НКО ориентированы на удовлетворение потребностей местного населения и осуществляют деятельность на местном уровне. Из опрошенных 88 % организаций относятся к социально ориентированным НКО (далее – СО НКО)¹⁹.

Среднее значение срока деятельности НКО – 15,2 лет. Это свидетельствует о востребованности предоставляемых услуг и уровне мотивации сотрудников на социально ориентированную деятельность. Приоритетные виды деятельности: социальная помощь (87 %), образовательно-просветительская, культурная деятельность (59 %). Самыми массовыми сегментами являются социально незащищенные слои населения: работают с детьми (57 %), молодежью (51), с семьями (41 %) в рамках удовлетворения различных повседневных потребностей и решения проблем жизнеобеспечения. Особый сегмент – экономически и социально исключенные из общества слои населения (19 %).

Оказывают услуги бесплатно 63 % НКО, на бесплатной и платной основе – 30, работают на условиях возмездного оказания услуг – 7 %. Это определяет ключевую проблему поиска источников финансирования деятельности.

Таким образом, НКО вносят посильный вклад в решение социальных проблем местного сообщества. Оценка эксперта: «Мы работаем с такими

¹⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] : Фед. закон от 5 апр. 2010 г. № 40-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения 17.05.2021).

пациентами, от которых у нас в России отказываются...» (эксперт, жен., активист общественного движения, занимающегося проблемами инвалидов и пожилых, СО НКО). Вместе с тем, по результатам интервью и экспертного опроса, некоммерческие организации не обладают достаточным потенциалом для развития социальной сферы, что отражает общую для российских регионов ситуацию ресурсной необеспеченности НКО²⁰ [14; 15]. Системные последствия данной проблемы определяются территориальными факторами. Применительно к ресурсному региону это означает снижение модернизационного потенциала монопрофильных образований по показателям доступности качественных и разнообразных социальных услуг. Анализ причин ресурсной необеспеченности НКО в соответствии с методологическими основами исследования сцентрирован в области изучения действий и взаимодействия субъектов в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами развития.

Потребительские практики населения как предпосылка деятельности НКО. Получение финансовых ресурсов и расширение деятельности НКО зависит от потребительского спроса населения. Массовый и активный спрос на социальные услуги НКО в допандемийный период не зафиксирован. Воспользовались услугами и разного рода помощью НКО – 20,3 % респондентов. Демографические признаки, территория проживания не оказывают существенного влияния на потребление услуг. Важен фактор устойчивости предпочтений, лежащих в основе повседневных потребительских практик [16, с. 11], который измерялся через активность потребления тех или иных видов услуг. Наиболее востребованы медицинские услуги (61,1 %), услуги в сфере права (23,8), помощь социально незащищенным слоям, благотворительность (19,6), услуги по развитию детей (17,5), образовательные услуги (15,1 %). Частота потребления остальных видов услуг менее 10 % отражает незначительный спрос на них. Активность потребления социальных услуг среднестатистического респондента, которая коррелирует с социально-демографическими признаками, невысокая – 1,88 раза.

Таким образом, деятельность НКО ограничена потребительскими практиками населения, которые отражают небольшой и преимущественно пассивный характер потребления.

Социальная активность населения как ключевой фактор развития некоммерческого сектора. Разнообразные процессы социальной активности и вовлеченности населения описываются понятиями «гражданское, общественное, социальное участие». Эти различия, как правило, связаны с субъектами

²⁰ Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему «О деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в Смоленской области». Смоленск, 2016. 50 с.; Отчет о проведенном социологическом исследовании «Состояние и проблемы развития социально ориентированных некоммерческих организаций Уральского федерального округа» [Электронный ресурс]. Тюмень, 2016. URL: <https://pandia.ru/text/79/292/15419.php> (дата обращения: 07.10.2020); Аналитическая записка по результатам исследования «Московские НКО как поставщики социальных услуг: потенциал и проблемы». Москва, 2020. 55 с.



участия (кто) и его направленности (на что данный вид участия направлен) [17]. Предметом анализа в статье является социальное участие, которое представляет собой «горизонтальную активность, осуществляемую в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса» и реализуется «через формальные или неформальные практики» [17, с. 137]. К формальным относится участие в деятельности общественных объединений: членство, содействие без членства, добровольная работа, передача средств и пр., к неформальным – различные формы индивидуального и группового участия вне организаций, связанные с совместным решением коллективных проблем (помощь соседям, взаимная поддержка и пр.).

Подавляющее большинство респондентов (81,4 %) принимали участие в тех или иных мероприятиях по решению коллективных проблем и удовлетворению коллективного (общественного) интереса. 14,6 % опрошенных исключены из всех форм социального участия («не приходилось участвовать»). Наиболее массовыми являются формальные виды участия, не предусматривающее инициативность граждан в организации мероприятий: субботники (45,1 %), собрания жильцов дома (36,7), благоустройство территории собственного дома (35,2 %). В социально проблемных ситуациях граждане проявляют взаимопомощь. В совместном обеспечении порядка и безопасности (народные дружины, дежурство в школе, организованная встреча детей со школы и т. п.) участвовали 9 % респондентов, оказывали помощь по хозяйству, устройству быта – 7, вовлекались в совместную ликвидацию последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций – 3,8 %. Часть неформальных практик имеют форму пассивного участия (материальная помощь – 18,9 %, помощь животным – 21,7 %) и характеризуют преимущественно эмоциональное сопереживание респондентов, но не их активность в реализации социальных инициатив и проектов.

В целом активность участия граждан в вышеуказанных мероприятиях невысокая. За 2019 г. среднестатистический респондент участвовал в двух-трех типах мероприятий. Вовлеченность населения в волонтерство можно оценить как эпизодические действия: ответ «не занимался волонтерством» выбрали 52,4 % респондентов, «только однажды» – 16,6, «редко, только несколько раз» – 20,5, «часто, много раз участвовал» – 10,3, ушли от ответа 6,6 % опрошенных. Вариант ответа «уже участвую» отметили 4,1 % респондентов. Другими словами, активные (инициативные) действия граждан не превратились в массовые и устойчивые практики социального участия.

Согласно гипотезе, у населения доминирует пассивный стиль поведения в решении проблем местного сообщества. Проверка гипотезы проводилась на основе измерения базовых установок в проявлении социальной активности, в том числе через участие в НКО. В диспозиционной концепции В. А. Ядова²¹ базовые социальные установки индивида определяются его отношением

²¹ Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с.

к основным сферам жизнедеятельности, т. е. к объектам социальных установок, имеющих общественную значимость. Именно социальная установка объясняет действия в общественном процессе.

Для идентификации базовых установок использован метод типологии. Интерпретативный смысл типологии заключается в оценке населения как субъекта социальной активности. Основными типобразующими признаками выбраны: активность социального участия в текущем периоде (1–2 года), готовность проявлять свою активность в тех или иных формах социального участия в будущем. Авторами выделены четыре группы населения с различными установками, которые отражают соотношение ценностей самостоятельности, независимости, ответственности (ценности гражданина) или покоя, защищенности, патернализма:

- активисты: с различной периодичностью принимали участие в общественных инициативах, занимались волонтерством; продолжают и готовы в дальнейшем продолжить участвовать в деятельности НКО;

- маргиналы: респонденты с установками «на выход» (переход в группу отчужденных) с опытом социального участия и «на вход» (вероятность вхождения в группу активистов) со стремлением освоения новой социальной практики;

- отчужденные: респонденты, которые не смогли (не пожелали) оценить социальное участие как в прошлом, так и в будущем («затрудняюсь ответить»), не имели или имели фрагментарный опыт социального участия в прошлом и затруднились определить свою модель поведения в отношении будущего. Согласно Э. Фромму, слабая инициатива и активность отчужденных индивидов закономерны, отчужденный человек не ощущает, что он активный деятель, носитель человеческих сил и способностей²²;

- изоляционисты: не участвовали и не собираются участвовать в любых формах социальной активности. Изоляционизм – крайняя форма отчуждения.

Численное распределение типологических групп и доминирующие модели поведения населения представлены в таблице 5.

Таким образом, у большинства населения (67,3 %) доминирует пассивный стиль поведения, нашедший отражение в социальных установках таких групп, как «отчужденные», «изоляционисты» и со стратегией «на выход».

Сотрудниками НКО готовность местного населения к социальному участию оценена на 2,9 балла по 5-балльной шкале и определены причины пассивного поведения. Во-первых, это представления граждан, отражающих уровень развития гражданского общества: «Люди не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты» – 49 %, «Люди живут по принципу “моя хата с краю”, их не волнуют проблемы других людей» – 44, «Люди не доверяют другим людям» – 20 %. По сути, речь идет о традиционной парадигме отношений государства и общества. Во-вторых, это текущая занятость: «Люди устали, им не хватает свободного времени» – 47 %.

²² Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. 1996. № 1. С. 230–233.



Таблица 5. Группы населения с различными установками на социальное участие
 Table 5. Population groups with different attitudes towards social participation

Группы населения / Population groups	Процент в выборке / Percent of the sampling
Активисты / Activists	22,3
Маргиналы / Marginals:	
«На вход» / “Entrance” attitude	13,8
«На выход» / “Exit” attitude	23,0
Отчужденные / Alienated	17,9
Изоляционисты / Isolationists	22,8
Всего / Total	99,8

Информированность населения о НКО невысокая. 35,2 % респондентов знают выражение «некоммерческая организация», что-то слышали – 36,3, слышат впервые – 20,0, затруднились с ответом – 8,4 %. Представления о специфике деятельности НКО имеют достаточно «размытый» характер, четкая осведомленность о социальной значимости НКО отсутствует. Эксперты выделили проблему формирования общественного мнения: «...нет сформированного общественного мнения о том, что такое НКО, т. е. даже сотрудники НКО и даже я не до конца понимаю то место, которое занимает НКО в современном гражданском обществе, в Новокузнецке в частности» (жен., директор НКО, работа с ветеранами афганской войны).

Взаимодействие НКО с органами местного самоуправления и бизнесом в области ресурсообеспеченности. Создание благоприятных условий для развития социальной инициативы граждан и деятельности НКО относится к компетенции, сфере интересов и ответственности органов государственной власти и местного самоуправления. По результатам экспертного опроса были выделены основные модели поведения органов муниципального управления во взаимодействии с НКО: традиционная и партнерская.

Традиционная модель воспроизводит административно-бюрократические практики государственного управления и институционально слабо ориентирована на стратегию развития некоммерческого сектора. В данной модели принципы партнерства имеют преимущественно формальный характер, а основным субъектом, определяющим содержание, характер отношений являются органы муниципального управления. Выделяются следующие характеристики данной модели:

1) слабая заинтересованность в результатах поддержки: «...если просто говорить не про взаимодействие, а именно поддержку... когда заинтересованы органы власти в развитии некоммерческих организаций, то, мне кажется, что им вообще не очень важно это. Я бы поставила тройку» (жен., директор НКО в сфере науки и техники);



2) ритуализм как ориентация на формализованные процедуры в ущерб конечному результату (Р. Мертон): «У нас было много заморочек, когда я ходила в администрацию просить площадку. Там неизмеримо сложно было все написать, несколько раз приходилось ходить... Полиция проверяла сценарий. Столько нервов было. Мы эту акцию лучше бы проводили с кем-то совместно» (жен., руководитель НКО по обучению танцам);

3) избирательность с ориентацией на личные отношения и идеологически важные направления (например, ветераны, малые коренные народы): «Мы, кто вот здесь работает, работаем 15 лет. У нас два депутата городского Совета народных депутатов. Я – заместитель председателя Общественной палаты Кемеровской области, т. е. мы все активно участвуем в институтах гражданского общества» (жен., директор НКО, работа с ветеранами афганской войны). Между тем зависимость от ресурсов, распределяемых местными властями по личным каналам, включает риски потери самостоятельной позиции руководителями организации;

4) зависимость характера, объема поддержки от работающих в административных структурах людей, их установок: «Все зависит тоже от людей на месте. У нас был разный опыт работы с разными органами власти» (жен., директор НКО в сфере науки и техники).

Партнерская модель – взаимодействие в рамках двухстороннего взаимовыгодного партнерства, основанного на принципах равноправия и взаимного интереса и с ориентацией на стратегические цели некоммерческого сектора. Как отметил один из экспертов: «У нас сейчас диалог выстраивается, я вижу, что это хороший диалог. Он конструктивный, стараемся договориться и пока получается (муж., председатель общественной организации, объединение художников).

Согласно результатам исследования, доминирует традиционная модель поведения органов муниципального управления, следствием которой становится несоответствие структуры, объемов, содержания поддержки потребностям НКО, бюрократизм и волокита, непрозрачность механизма финансирования, нетранспарентный отбор субъектов, слабая эффективность поддержки некоммерческого сектора с позиции ресурсообеспеченности в целом. При этом в экспертной среде широко представлены патерналистские установки и ожидания всесторонней, прежде всего финансово-материальной, помощи государства: «...Те люди и организации, которые участвуют в наших грантах, говорят: “Мы хотим прийти в администрацию и попросить, чтобы нам дали помещение”» (жен., директор благотворительного фонда, грантодатель). Подобные установки препятствуют партнерским отношениям и не способствуют созданию разного рода ассоциаций (объединений) НКО как субъекта социального партнерства на принципах равноправия, взаимного интереса и ответственности.

Партнерская модель находится в стадии становления. Утверждение данной модели стимулируют нормативные документы федерального значения:



включение развития НКО в состав задач исполнительной власти на всех уровнях ее организации, утверждение перечня показателей, используемых для расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства²³.

С начала 2000-х гг. институализируются практики крупных компаний по дофинансированию территории, которые, с одной стороны, воспроизводят традиционные для ресурсного региона социальные обязательства бизнеса, принимаемые вследствие административного характера отношений с властью, с другой – являются следствием глобализации экономики [18–20]. Социально ориентированная модель поведения крупного бизнеса становится значимым фактором поддержки социальной активности граждан, в том числе в форме некоммерческих и общественных организаций. С середины 2000-х гг. благотворительные фонды крупных компаний Кузбасса проводят грантовые конкурсы, оказывают образовательные, консультационные услуги с целью вовлечения общественности в различные формы социальной активности и поддержки НКО. По своей сути фонды выполняют функции ресурсного центра и реализуют важную роль в развитии некоммерческого сектора: «На РУСАЛОВских мероприятиях такие командообразующие мероприятия. Если люди поучаствовали в проектах, то они их сразу объединяют» (жен., сотрудник СО НКО по поддержке инвалидов).

Внутрисекторное взаимодействие НКО в области ресурсообеспеченности. Значительный потенциал в решении проблем ресурсной обеспеченности НКО заложен во внутрисекторном взаимодействии. По результатам экспертного опроса выявлены особенности внутрисекторного взаимодействия, которые ограничивают потенциал сотрудничества в ресурсообеспеченности:

1) доминируют практики взаимодействия с однопрофильными организациями в решении ситуационных проблем текущей деятельности: «...Таких прям НКО в городе, с которыми сотрудничаем, ...не так много, но всех знаем...» (жен., руководитель АНО, консалтинг);

2) сотрудничество представляет собой совокупность устоявшихся неформальных практик без договорных отношений: «Мы сотрудничали в качестве партнеров. ...Бумаги мы там никакие не подписывали...» (муж., руководитель НКО в сфере спорта);

3) во взаимодействиях НКО еще слабо представлен общий институциональный интерес и его защита, но потребность в этом направлении сотрудничества актуализируется. «Я давно предлагала – давайте сделаем дом НКО. Если бы у нас был дом НКО, мы бы дали возможность развиваться маленьким

²³ Об утверждении перечня показателей, используемых для расчета рейтинга субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июля 2017 г. № 1284-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201706280020> (дата обращения: 14.05.2021).

организациям, которые сегодня на взлете... Это способствует объединению людей» (жен., директор НКО, работа с ветеранами афганской войны).

Таким образом, внутрисекторное взаимодействие характеризуется совокупностью неформальных социальных практик, как правило, в области взаимного информирования, консультирования, совместной организации мероприятий. Эти практики формируются преимущественно в системе личных связей, имеют ситуационный характер и реализуются в текущей деятельности в рамках задач отдельных организаций.

Управленческая деятельность как фактор ресурсообеспеченности. В соответствии с гипотезой существует дефицит лидеров, способных подходить к управлению НКО как к бизнес-процессу и тем самым повышать ресурсообеспеченность. По оценке эксперта, работающего с некоммерческими организациями в рамках грантовых конкурсов, уровень профессионализации НКО низкий. «Пока больших усилий, которые именно в Кузбассе направлены на профессионализацию нашего сектора, я не вижу» (жен., директор благотворительного фонда, грантодатель).

В управленческой деятельности руководителей НКО проявляются следующие проблемы, препятствующие ресурсообеспеченности и развитию организации:

1) недостаточно представлены в мотивации рыночные принципы организации деятельности НКО: «Сейчас сфера НКО... должна работать и управляться практически как бизнес-организация, наши НКО, мне кажется, у многих в сознании по-прежнему: я делаю добро, я мир несу, а об управлении я буду думать в последнюю очередь... Там, где есть учредитель НКО, какой-то бизнесмен, там организация существует и движется» (жен., волонтер СО НКО);

2) невысокий уровень правовой, финансовой грамотности: «И вот сейчас как по этому гранту будем, по налоговой, я не знаю. Там еще, говорят, какая-то 88-я или 83-я статья есть, где-то что-то, но нам сказали, не знаю еще, мы с этим не столкнулись, как ее сдавать» (жен., председатель общественной организации, помощь малообеспеченным семьям, СО НКО);

3) деятельность большинства организаций осуществляется на уровне решения текущих проблем и «пожарных» задач без стратегического планирования. Оценивая результаты деятельности НКО, эксперт отметил: «Специальных каких-то анализов не проводим. Оцениваем только количество реализованных успешных проектов» (жен., руководитель НКО в сфере консалтинга и социального проектирования).

Таким образом, существует дефицит в профессиональных управленцах с мотивацией на общественное благо и на рынок одновременно. Полученные результаты в региональном аспекте подтверждают результаты всероссийского обследования НКО, что для повышения устойчивости и эффективности организаций российского третьего сектора необходима ориентация на рынок [21, с. 437].



Обсуждение и заключение. Результаты исследования позволили выявить институциональные препятствия в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами применительно к условиям монопрофильных образований ресурсного региона как массовые социальные практики и в целом подтвердить гипотезы исследования.

Подтвердилась гипотеза, что население региона не сформировалось как зрелый субъект социальной инициативы и активности, готовый к регулярной (постоянной) социальной активности в преобразовании, формировании и распространении социальных практик социального участия. Доминирует пассивная модель поведения в общественной жизни, которая является институциональным препятствием для рекрутинга волонтеров, сотрудников и ограничивает социальную базу НКО. Моногорода создавались без учета социокультурных потребностей человека. Производственно-технологические процессы в ресурсодобывающей промышленности продолжают определять невысокий уровень человеческого капитала работников, не создавали и не создают достаточных стимулов для политики вложений в развитие человеческого капитала. Работники с невысоким качеством человеческого капитала в большей степени ориентированы на выбор пассивных стратегий подчинения и ожидания поддержки власти, что оказывает влияние на укоренение социальной пассивности как социальной практики населения.

При этом деятельность НКО имеет рыночные ограничения в потребительских практиках населения. Активный спрос на социальные услуги НКО не сформирован, что препятствует получению финансовых ресурсов и расширению деятельности. Государство предоставляет населению различного рода социальные услуги, но отмечается тенденция передачи части социальных услуг в некоммерческий сектор [6, с. 85–86].

Значимым препятствием для развития некоммерческого сектора является состояние общественного мнения, которое характеризуется информационной ненасыщенностью, качественной неопределенностью, слабой интенсивностью, нечеткой направленностью, что проявляется в низком уровне знаний о сущности, специфике деятельности НКО и слабой мотивации получить представление о некоммерческом секторе у подавляющего большинства населения.

Установлено, что доминирующей моделью поведения органов муниципального управления в отношении НКО является традиционная модель, что подтверждает гипотезу исследования. Для данной модели характерны признаки, формирующие институциональные препятствия для ресурсообеспеченности НКО: слабая заинтересованность в результатах поддержки, ритуализм, избирательность с ориентацией на личные отношения и идеологически важные направления. Партнерская модель находится в стадии становления.

Особое значение приобретает роль лидера в эффективной деятельности НКО. Доминирующие модели управленческой деятельности лидеров НКО не обеспечивают высокий уровень профессионализации в рыночной среде

и препятствуют достижению институциональных целей некоммерческого сектора, что подтверждает гипотезу исследования о дефиците лидеров, способных подходить к управлению как бизнес-процессу и повышать ресурсообеспеченность НКО. Институализированные неформальные практики внутрисекторного взаимодействия препятствуют социальному партнерству как институциональному механизму согласования интересов субъектов отношений в области долгосрочных целей развития некоммерческого сектора. Формы сотрудничества по поддержке и развитию некоммерческого сектора как институционального комплекса не имеют широкого распространения.

Выявленные социальные практики имеют системный характер и выступают неэффективным институтом с точки зрения ресурсообеспеченности некоммерческого сектора в регионе. Причем эти практики не являются локальными.

По результатам исследования выделились следующие направления трансформации институализированных практик.

1. Гражданское просвещение населения и изменения социальных установок на уровне повседневной жизни, которые продолжают отражать сложившиеся традиции отчужденности от социального участия, когда основные ожидания по решению проблем повседневной организации жизни связываются с деятельностью государства. По мнению специалистов, конституционные задачи социального государства Российской Федерации в отправлении социальной функции без активного участия институтов гражданского общества решить невозможно [22, с. 47]. Информирование широкой общественности о положительных социальных практиках социального участия в некоммерческом секторе способствует формированию доверия в обществе и готовности людей помогать друг другу.

2. Расширение ценностных ориентиров руководителей НКО до признания рыночных принципов в их деятельности: НКО как и иные субъекты рыночной экономики имеют доходы и стремятся их повысить, что не противоречит законодательству, инвестируют доходы в развитие деятельности, на благотворительные цели, предлагают стоимость услуг и продвигают услуги, занимаются поиском средств и их экономическим обоснованием для организаций спонсоров и др.

3. Трансформация традиционной модели поведения органов муниципального управления во взаимодействие с НКО в партнерскую, что требует ряда условий. Во-первых, совершенствование механизма взаимодействия в развитии социальной сферы территории, которое должно быть процедурно организовано, нормативно закреплено и содержательно увязано с региональной спецификой деятельности. Во-вторых, интеграция в систему партнерства коммерческих организаций в рамках трехстороннего сотрудничества, в котором важную роль могут сыграть благотворительные фонды крупных компаний, поддерживающих социальную сферу региона. Деятельность фондов стала значимым фактором стимулирования социальной активности жителей,



образовательной и коммуникационной площадкой для НКО, центром компетенций в сфере социальных проектов. В-третьих, обеспечение открытого информационного пространства деятельности НКО и системы социального партнерства.

Статья имеет практическое значение для всех субъектов отношений в некоммерческом секторе. На основе предложенных направлений трансформации институализированных практик разрабатываются управленческие решения по повышению эффективности деятельности некоммерческих организаций. По итогам исследования администраций г. Новокузнецка и АНО «Информационно-аналитический центр» были внедрены решения по организации актуальных для НКО видов поддержки и поиску новых социальных практик, способствующих росту ресурсообеспеченности некоммерческих организаций. Был создан и наполнен контентом специализированный интернет-портал для НКО, где размещена информация о государственной (муниципальной) политике в сфере поддержки НКО, о проектах и мероприятиях. Организовано информационное освещение социальной активности НКО и инициативных групп граждан; проведены обучающие курсы по повышению профессионального уровня руководителей, сотрудников НКО и лидеров инициативных групп граждан по написанию грантов и освещению деятельности НКО в СМИ и социальных сетях. На базе Кузбасского гуманитарно-педагогического института создана коммуникативная площадка для НКО, власти, бизнеса, университета и Центр развития компетенций. Проведено обучение лидеров НКО современным цифровым навыкам работы в информационном пространстве в «Медиашколе» (г. Новокузнецк).

Выявленные социальные практики как институциональные препятствия в ресурсообеспеченности НКО индицируют слабые внутренние и внешние социальные коммуникации НКО, невысокий уровень доверия и низкую вовлеченность граждан, общественных групп в деятельность организаций, определяющие в совокупности социальный капитал организаций некоммерческого сектора. Перспективным направлением исследования видится проблема изучения процесса формирования социального капитала НКО в контексте мобилизации социальной активности, солидарных практик граждан и общественных групп, укрепления взаимного доверия власти, бизнеса, населения и НКО в решении социальных проблем территории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация / М. В. Курбатова [и др.] // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (3). С. 89–106. doi: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>

2. Allcott H., Keniston D. Dutch Disease or Agglomeration? The Local Economic Effects of Natural Resource Booms in Modern America // *The Review of Economic Studies*. 2018. Vol. 85, issue 2. Pp. 695–731. doi: <https://doi.org/10.1093/restud/rdx042>

3. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике // *Проблемы современной экономики*. 2014. № 3 (51). С. 15–24. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5037> (дата обращения: 30.05.2021).

4. Кандилов В. П. Человеческий потенциал как фактор ресурсного потенциала территории // *Вопросы статистики*. 2007. № 12. С. 13–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15137711> (дата обращения: 30.05.2021).

5. Fridman Y., Rechko G., Loginova E. Kuzbass Development Strategy: Past Lessons and Future Wrongs // *E3S Web of Conferences*. The Vth International Innovative Mining Symposium. Kemerovo, Russian Federation, October 19–21, 2020 / eds.: S. Voth [et al.]. Kemerovo : T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. 2020. Vol. 174. doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017404038>

6. Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017. № 2. С. 83–102. URL: <https://vgmu.hse.ru/2017--2/206993080.html> (дата обращения: 30.05.2021).

7. Косыгина К. Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // *Проблемы развития территории*. 2018. № 3 (95). С. 107–121. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.7>

8. Каюмова Л. Х. Социальный капитал некоммерческих организаций как индикатор состояния гражданского общества // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 192–202. URL: <https://izvuz.on.pnzu.ru/on19115> (дата обращения: 30.05.2021).

9. The Role of Social Capital in the Start-Up of Non-Profit Organisations: The Case of Fondazione Welfare Ambrosiano / M. Pedrini [et al.] // *International Society for Third-Sector Research and The Johns Hopkins University*. 2016. Vol. 27. Pp. 1195–1217. doi: <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9614-y>

10. Schneider J. A. Organizational Social Capital and Nonprofits // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2009. Vol. 38, no. 4. Pp. 643–662. doi: <https://doi.org/10.1177/0899764009333956>

11. Rosenkranz J. The Role of a Nonprofit Organization's Narratives in Fostering Social Capital: A Case-Study of HeSeta. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences. Master's thesis. 2019. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/302854> (дата обращения: 24.06.2021).

12. Mourão P., Pereira T., Moreira M. The Importance of New Forms of Capital in Non-profit Organizations: A Case Study of the Fafe Delegation of the Portuguese Red Cross // *International Journal of Social Economics*. 2017. Vol. 44, no. 7. Pp. 846–868. doi: <https://doi.org/10.1108/IJSE-09-2015-0240>

13. Урбан О. А., Демчук Н. В. Экспертная оценка агломерационных связей в решении проблем модернизации моногородов юга Кузбасса // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 51–57. doi: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-51-57>



14. Артамонова А. С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 55–65. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.4>

15. Немгирова С. Н. Эффективность деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на мезоуровне (по результатам социологического исследования) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2019. № 2 (39) С. 27–33. doi: <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10047>

16. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/radaev_socneed.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

17. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130–139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (дата обращения: 30.05.2021).

18. Курбатова М. В., Левин С. Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 1. С. 27–50. URL: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_1_1.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

19. Курбатова М. В., Левин С. Н., Апарина Н. Ф. Взаимодействия власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 2. С. 50–68. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

20. Урбан О. А. Формирование эффективного собственника в базовых отраслях промышленности Кузбасса // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 26–35. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Urban_04.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

21. Корнеева И. Е., Ойнер О. К. Ориентация на рынок и результативность деятельности российских некоммерческих организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2018. Т. 17, вып. 4. С. 437–464. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2018.401>

22. Родионова О. В., Сигалов К. Е. Проблемы эффективности современного социального государства: общемировые и российские тенденции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 6. С. 43–48. doi: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-6-43-48>

Поступила 12.07.2021; одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 13.09.2021.

Об авторах:

Урбан Ольга Андреевна, профессор кафедры экономики и управления Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (654041, Российская Федерация, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, д. 23), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7654-7705>, urban-o@yandex.ru



Демчук Наталия Владимировна, доцент кафедры экономики и управления Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (654041, Российская Федерация, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, д. 23), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2381-8844>, pyzas@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. А. Урбан – постановка проблемы исследования; подготовка текста статьи; научное руководство; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Н. В. Демчук – постановка проблемы исследования; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S., Kislitsyn D.V. Resource-Type Regions in Russia: Definition and Classification. *Terra Economicus*. 2017; (17):89-106. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
2. Allcott H., Keniston D. Dutch Disease or Agglomeration? The Local Economic Effects of Natural Resource Booms in Modern America. *The Review of Economic Studies*. 2018; 85(2):695-731. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/restud/rdx042>
3. Pakhomova N.V., Richter K.K., Malyshkov G.B. Inclusive Sustainable Development: Priorities, Indices, International Experience, Potential of Coordination with Reindustrialization Model. *Problemy sovremennoj jekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2014; (3):15-24. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5037> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Kandilov V.P. Human Potential as a Factor of Resource Potential of the Territory. *Voprosy statistiki* = Statistics Issues. 2007; (12):13-19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15137711> (accessed 30.05.2021). (In Russ.)
5. Fridman Y., Rechko G., Loginova E. Kuzbass Development Strategy: Past Lessons and Future Wrongs. In: S. Voth, M. Cehlar, J. Janocko, eds. E3S Web of Conferences. The 5th International Innovative Mining Symposium. Kemerovo, Russian Federation, October 19–21, 2020. Kemerovo, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; 2020. 174. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017404038>
6. Mersiyanova I.V., Benevolenski V.B. NPOs as Social Service Providers: Organizational Weaknesses Verifying. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* = Public Administration Issues. 2017; (2):83-102. Available at: <https://vgmu.hse.ru/2017--2/206993080.html> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Kosygina K.E. Topical Issues of Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2018; (3):107-121. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.7>
8. Kaumova L.K. Social Capital of Non-Profit Organizations as an Indicator of the Civil Society State in Russia. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*.



Obshchestvennye nauki = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2015; (1):192-202. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on19115 (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Pedrini M., Bramanti V., Ferri L., Minciullo M. The Role of Social Capital in the Start-Up of Non-Profit Organisations: The Case of Fondazione Welfare Ambrosiano. *International Society for Third-Sector Research and the Johns Hopkins University*. 2016; 27:1195-1217. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9614-y>

10. Schneider J.A. Organizational Social Capital and Nonprofits. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2009; 38(4):643-662. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0899764009333956>

11. Rosenkranz J. The Role of a Nonprofit Organization's Narratives in Fostering Social Capital: A Case-Study of HeSeta. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences. Master's thesis. 2019. Available at: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/302854> (accessed 30.05.2021). (In Eng.)

12. Mourão P., Pereira T., Moreira M. The Importance of New Forms of Capital in Non-profit Organizations: A Case Study of the Fafe Delegation of the Portuguese Red Cross. *International Journal of Social Economics*. 2017; 44(7):846-868. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/IJSE-09-2015-0240>

13. Urban O.A., Demchuk N.V. Expert Assessment of Agglomerative Communications in the Solution for Modernization Problems in Southern Kuzbass Monotowns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki* = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2018; (1):51-57. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-51-57>

14. Artamonova A.S. The Functioning of Socially Oriented Non-Profit Organizations in Russian Regions. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2018; (5):55-67. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.4>

15. Nemgirova S.N. Efficiency of Activities of Socially Oriented Non-Profit Organizations at the Meso-Level (Based on the Results of a Sociological Study). *Vestnik Instituta kompleksnyh issledovanij aridnyh territorij* = Bulletin of the Institute for Integrated Research of Arid Areas. 2019; (2):27-33. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10047>

16. Radaev V.V. Sociology of Consumption: Basic Approaches. *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2005; (1):5-18. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/radaev_socneed.pdf (accessed 30.05.2021). (In Russ.)

17. Skalan I.A. Social, Public and Civil Participation: the Problem of Conceptual Understanding and Misunderstanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2011; (1):130-139. Available at: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Kurbatova M.V., Levin S.N. Deformalization of Rules in Contemporary Russian Economy (Within Authority – Business Interaction). *Terra Economicus*. 2010; 8(1):27-50. Available at: https://te.sfsu.ru/evjur/data/2010/journal8_1_1.pdf (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Kurbatova M.V., Levin S.N., Aparina N.F. Interrelation of Authorities and Business on the Municipal Level: Practices in Kemerovskaya Oblast. *Jekonomicheskaja sociologija : jelektron. Zhurn* = Journal of Economic Sociology. 2005; 6(2):50-68. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf (accessed 20.05.2021). (In Russ.)
20. Urban O.A. Formation of an Effective Owner in the Basic Industries of Kuzbass. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2010; (8):26-35. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Urban_04.pdf (accessed 30.05.2021). (In Russ.)
21. Korneeva I.E., Oyner O.K. Market Orientation in Russian Non-Profit Organizations: Impact on the Performance. *Vestnik SPbGU. Menedzhment* = Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2018; 17(4):437-464. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2018.401>
22. Rodionova O.V., Sigalov K.E. Problems of Efficiency of Modern Social State: Global and Russian Trends. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2018; 8(6):43-48. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-6-43-48>

Submitted 02.07.2021; approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 13.09.2021.

About the authors:

Olga A. Urban, Professor, Department of Economics and Management of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University (23 Tsiolkovsky St., Novokuznetsk 654041, Russian Federation), Doc. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7654-7705>, urban-o@yandex.ru

Natalia V. Demchuk, Associate Professor, Department of Economics and Management of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University (23 Tsiolkovsky St., Novokuznetsk 654041, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2381-8844>, pyzas@mail.ru

Contribution of the authors:

O. A. Urban – research problem statement; drafting of the article; academic advising; the research concept development; drawing conclusions.

N. V. Demchuk – research problem statement; the research concept development; drawing conclusions.

The authors have read and approved the final version of the manuscript



Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации

В. В. Козловский^{1,2*}Е. В. Недосека¹С. В. Тишков³

¹ Социологический институт Российской академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация),

² Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

* vvk_soc@mail.ru

³ Институт экономики – обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (г. Петрозаводск, Российская Федерация)

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется негативным воздействием постоянного увеличения количества твердых коммунальных отходов на состояние окружающей среды. Самыми уязвимыми оказываются малые города Арктической зоны Российской Федерации. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить ценностные основания, преобладающие в экологическом сознании и доминирующие типы экологического поведения населения малых городов европейской части Арктической зоны Российской Федерации в области обращения с твердыми коммунальными отходами.

Материалы и методы. Материалами послужили результаты эмпирического исследования, проведенного методом анкетного опроса в августе – ноябре 2020 г. на арктических территориях Республики Карелия и Мурманской области (n = 1 303). Методом анкетирования был осуществлен массовый репрезентативный опрос жителей арктических территорий по проблеме твердых коммунальных отходов. Статистические методы обработки количественных данных позволили выявить основные корреляционные зависимости между переменными в отношении низовых практик обращения с твердыми коммунальными отходами по полу, возрасту и месту проживания респондентов.

© Козловский В. В., Недосека Е. В., Тишков С. В., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Результаты исследования. Определено, что факторы формирования практик экологически ориентированного обращения с твердыми коммунальными отходами становятся ключевыми детерминантами современной экологической культуры населения. Овладение населением малых городов Арктической зоны Российской Федерации эффективными (проэкологическими) способами обращения с твердыми коммунальными отходами происходит медленно и двойственно. Преодоление амбивалентности экологической культуры в практиках обращения с твердыми коммунальными отходами состоит в трансформации традиционно слабого экологически ориентированного поведения в модели экологически сознательных действий.

Обсуждение и заключение. Решающей проблемой для населения удаленных территорий Арктической зоны Российской Федерации является слабая организация процесса обращения с отходами: отсутствие инвестиционной привлекательности для бизнеса, низкий уровень развития инфраструктуры, незначительное финансирование. Этими обстоятельствами преимущественно определяется невысокая мотивация и мобилизация населения на освоение различных экологических практик. Материалы статьи будут полезны представителям региональной и муниципальной власти, специалистам экологических некоммерческих организаций.

Ключевые слова: малые города, Арктическая зона Российской Федерации, экологические практики, обращение с твердыми коммунальными отходами, раздельный сбор отходов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-010-00245 «Современное состояние и прогнозирование эколого-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации».

Для цитирования: Козловский В. В., Недосека Е. В., Тишков С. В. Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 129–154. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154>

Original article

Environmental Practices of Waste Management in the Small Towns of the European Part in the Arctic Zone of the Russian Federation

V. V. Kozlovskiy^{a,b*}, E. V. Nedoseka^a, S. V. Tishkov^c

^a *Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation),*

^b *Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation),
* vvk_soc@mail.ru*

^c *Institute of Economics, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)*

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the negative consequences for the environment from the constant increase in the amount of municipal solid waste. The most vulnerable in this situation are small towns in the Arctic zone of the Russian Federation. The remoteness, inaccessibility, as well as the difficult socio-economic situation of these



settlements are serious obstacles to achieving both the effectiveness of the implementation of the reform of production and consumption waste management, and the goals of sustainable development of the region. The purpose of the article is to identify the value foundations prevailing in environmental consciousness and the prevailing types of environmental behavior of the population of small towns in the European part of the Russian Arctic in the field of solid waste management.

Materials and Methods. The article presents the results of an empirical study conducted by a questionnaire survey in August–November 2020 in the Arctic territories of the Republic of Karelia and the Murmansk region. The number of respondents is 1303. The questionnaire method is used to carry out a mass representative survey of residents of the Arctic territories on the problem of municipal solid waste. Statistical methods for processing quantitative data makes it possible to identify the main correlations between variables in relation to grassroots practices in the management of municipal solid waste by gender, age and place of residence of the respondents.

Results. The paper shows the findings of a sociological study, during which the peculiarities of the perception of the population of small towns in the Republic of Karelia and the Murmansk region of environmental problems were identified and an assessment of the degree of threat to the environment from illegal dumps and household waste was given. The authors studied the direct practices of handling household waste and the willingness of respondents to change the traditional poorly environmentally oriented behavior to environmentally conscious actions.

Discussion and Conclusion. The study showed that the problem of the increasing amount of MSW is relevant and causes a high degree of concern among the population. At the same time, the majority of respondents implement behavioral practices that indirectly affect the environment. The decisive problem for the population of remote areas of the Russian Arctic is the poor organization of the waste management process: lack of investment attractiveness for business, low level of infrastructure development, little funding, which determines low motivation and mobilization of the population to master various environmental practices. The results obtained can be used by regional and municipal authorities, regional operators and specialists of environmental nongovernment organizations.

Keywords: small towns, the Arctic zone of the Russian Federation, environmental practices, solid municipal waste management, separate waste collection

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project No. 20-010-00245 “Current state and forecasting of ecological and economic development of the Arctic zone of the Russian Federation”.

For citation: Kozlovskiy V.V., Nedoseka E.V., Tishkov S.V. Environmental Practices of Waste Management in the Small Towns of the European Part in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):129–154. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154>

Введение. Арктическая зона Российской Федерации (далее – АЗРФ) представляет собой регион приполярных и заполярных территорий и акваторий, которые определены в государственной политике как область стратегического значения и повышенного управленческого внимания. В настоящее время в состав АЗРФ полностью или частично входят следующие административно-территориальные субъекты: Мурманская область, Ненецкий, Чукотский



и Ямало-Ненецкий автономные округа, а также некоторые муниципальные образования Архангельской области, Республик Коми, Карелия, Саха (Якутия), Красноярского края¹. Учитывая протяженность границ АЗРФ, географически регион представлен двумя частями: европейской и азиатской. Это территории с природно-климатической спецификой, сопряженной с высокой уязвимостью геосистем и низкой способностью к восстановлению ландшафтов, наиболее чувствительные к загрязнению с повышенной антропогенной нагрузкой в ходе многолетней производственной эксплуатации и интенсивности, ведущей к деградации арктических земель.

Специфика территории европейской части АЗРФ заключается в инфраструктурной развитости и относительной близости к транспортным артериям центральной части Российской Федерации. Входящие в европейскую часть АЗРФ регионы имеют развитый промышленный потенциал, включают предприятия горнодобывающей, металлургической, целлюлозно-бумажной промышленности, отличающиеся применением экологически агрессивных технологий, промышленный потенциал которых сосредоточен в малых городах. Данный тип поселений в АЗРФ имеет свои исторические и социально-экономические особенности. Большинство арктических малых городов возникло в результате политики советской индустриализации, основанной на плановой экономике, в рамках которой были реализованы принудительное расселение и добровольная трудовая мобилизация. Последствиями этого стали слабая укорененность и высокая миграционная подвижность населения (особенно это отличает Мурманскую область).

В настоящее время значительная часть малых городов Севера находится в статусе моногородов с действующими промышленными предприятиями, продолжающими активную производственную деятельность. Согласно имеющимся документам о состоянии их окружающей среды, отходы горнодобывающей и обрабатывающей промышленности неуклонно растут и составляют основную долю от совокупного количества образования всех видов отходов производства и потребления (99,7 % в Мурманской области, 96,5 % в Республике Карелия)². Население зависит от фактических условий занятости на производстве, которое наносит вред окружающей среде, здоровью жителей и, таким образом, оставляет экологический след [1; 2]. Экологический урон, наносимый промышленными предприятиями, является общим фоном экологической ситуации в изучаемых малых городах. Общий неблагоприятный экологический

¹ О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 "О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации": Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164.

² Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2020 году [Электронный ресурс] // Правительство Мурманской области : сайт. URL: <https://gov-murman.ru/region/environmentstate/> (дата обращения: 03.08.2021); Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 2019 г. / Министерство природных ресурсов и экологии Республики Карелия ; ред. колл.: А. Н. Громцев (гл. ред.), О.Л. Кузнецов, Г. Т. Шкиперова. Петрозаводск, 2020. 248 с



контекст малых промышленных городов влияет на уровень личного участия в практиках преобразования окружающей среды, одним из показателей которого являются практики обращения населения с отходами потребления.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить преобладающие в экологическом сознании ценностные ориентации и типы экологического поведения населения малых городов европейской части Арктической зоны Российской Федерации в области обращения с твердыми коммунальными отходами.

Актуальность исследования продиктована как ухудшением экологической ситуации из-за возрастания объемов твердых коммунальных отходов (ТКО), так и реализацией масштабной реформы обращения с отходами производства и потребления в Российской Федерации. Препятствия в ходе реализации реформы были особенно ощутимы на территориях субъектов Арктической зоны. Одним из них является шаблонное исполнение задач реформы вне учета природно-климатических особенностей (низкие среднегодовые температуры, присутствие в большинстве районов многолетних мерзлых грунтов), а также географического положения (удаленность и труднодоступность территорий). Это негативно сказалось на инвестиционной привлекательности для предпринимательского сообщества проектов по обработке и утилизации ТКО [3; 4]. Слабый интерес со стороны предпринимательского сообщества и проблемы с работой региональных операторов фактически привели к тому, что ответственность за обращение с ТКО в исследуемых субъектах ложится на население, которому предлагается по собственной инициативе самостоятельно разделять, сжигать и компостировать отходы. Анализ территориальной схемы обращения с отходами в Республике Карелия и Мурманской области показал, что, несмотря на признание необходимости внедрения практик раздельного сбора отходов, а также сбора вторичных и переработки отходов, на сегодняшний день основная ставка сделана на захоронение: более 70 % образовавшихся ТКО размещаются на полигонах³ (показатель переработки не превышает 10 % в изучаемых субъектах). Утилизация в незначительных количествах производится в Мурманской области (9 %), в Республике Карелия она полностью отсутствует.

Планируемые в территориальных схемах обращения с отходами масштабы снижения образования ТКО до 2025 г. оказываются декларативными в условиях растущих объемов ТКО и сокращения численности населения малых городов в изучаемых субъектах⁴.

³ Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами в Республике Карелия : Постановление Правительства Республики Карелия от 23 дек. 2019 г. № 494П; Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами Мурманской области : Постановление Правительства Мурманской области от 7 окт. 2016 г. № 492-ПП/10 (с изм. на 12 мая 2021 г.).

⁴ Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Мурманской области в 2020 году. Гл. 13.; Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 2019 г.

Обзор литературы. В малых городах Арктической зоны условия окружающей среды определены исторической, социально-культурной спецификой и особым экологическим статусом территорий, приобретенным в результате агрессивной деятельности градообразующих предприятий. Средовые факторы обуславливают необходимость адаптации и приспособления к вызовам окружающей среды, которые осуществляются в разнообразных социальных практиках, теоретически представлены в работах П. Бурдые и Э. Гидденса. Социальные практики определяются П. Бурдые как поведенческие акты социальных субъектов, происходящие в соответствии с их представлениями об окружающей действительности. Социальными практиками П. Бурдые считал как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные, рутинные, не требующие объяснения⁵. Согласно Э. Гидденсу, социальные практики совершаются привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности как рутинные действия, в которых «рутина обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его (ее) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества, которые являются таковыми лишь при условии своего непрерывного воспроизводства»⁶. Ключевым компонентом социальных практик в указанных теориях являются социальные действия, основной функцией которых выступает «раскрытие» способов деятельности, познания, общения индивидов, проявляющихся в конкретной культуре и при определенном уровне развития общества.

Экологическое действие как разновидность социального определяется типом рациональности, смысловыми структурами человеческого поведения и характером социальных взаимодействий. Оно сопряжено с экологическим сознанием, под которым мы понимаем совокупность научных и обыденных представлений населения об экологических проблемах своего региона, восприятие степени экологической опасности, беспокойенности состоянием окружающей среды и осознания личной ответственности и вклада в антропогенную нагрузку на окружающую среду. Экологическое сознание как ядро экологической культуры отражает отношение к природной среде, к своему жизненному пространству, трансформируется в экологических поведенческих практиках.

Взаимосвязь между сознанием (действующих в нем установок) и поведением является предметом множества теорий. В частности, теория обоснованного действия (Theory of Reasoned Action) утверждает, что установки и субъективные нормы предсказывают поведенческие намерения, которые, в свою очередь, предсказывают поведение⁷. В зарубежных исследованиях данная

⁵ Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.; Бурдые П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. 288 с.

⁶ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 107–134.

⁷ Fishbein M., Ajzen I. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. 480 p.



теория получила широкое применение. В дальнейшем в ее рамках особое внимание уделялось изучению факторов, оказывающих влияние на экологическое поведение. Было обнаружено, что важными факторами являются социально-демографические переменные, такие как пол⁸ [5], возраст [5; 6], образование [7; 8], социальный класс и доход [9; 10].

В настоящее время наиболее популярной теоретической моделью, объясняющей экологическое поведение в его взаимосвязи с сознанием, является теория экологического активизма, основанная на анализе взаимосвязи ценностей, убеждений, норм [11]. В рамках данной теории исследования сосредоточились на ценностях и моральных нормах при анализе отношения людей к окружающей среде [12–14]. Кроме того, было подчеркнуто, что знание и осведомленность об экологических проблемах оказывают важное влияние на проэкологическое поведение [15; 16].

Особое методологическое значение для настоящего исследования имеют работы П. Стерна [11; 17–20]. В рамках ценностной теории ученый выделил три типа экологических ценностей:

- эгоистические: «основаны на убеждении о вреде экологических рисков для здоровья субъектов природопользования. В соответствии с данной логикой субъекты совершают экологически-ориентированные действия для удовлетворения индивидуальных потребностей»;

- альтруистические: «ценности, согласно которым субъект включается в экологически-ориентированные действия с целью обеспечения здоровой окружающей среды для других субъектов и будущих поколений»;

- биосферические: «отражают веру индивида в абсолютную ценность природы. Природа признается изначально самоценной, имеющей право на существование вне необходимости удовлетворения потребностей субъектов» [21, с. 331].

Набор ценностей формирует экологические установки индивидов, которые определяют тип экологического поведения. П. Стерн предлагает выделять экологический активизм (активное участие в экологических организациях и демонстрациях) и неактивное поведение в общественной сфере, связанное с поддержкой неактивистов [20]. Поведенческие практики неактивистов предполагают пассивные формы участия, связанные с влиянием на окружающую среду через государственную политику (создание экологических петиций, присоединение к экологическим организациям, готовность платить экологические налоги). В отличие от экологических активистов поведение неактивистов больше связано с косвенным влиянием на окружающую среду.

Экологические практики понимаются нами как совокупность устойчивых, рутинизированных экологических действий, обусловленных сложившимися

⁸ Dietz T., Stern P. C., Guagnano G. A. Social Structural and Social Psychological Bases of Environmental Concern // *Environment and Behavior*. 1998. Vol. 30. Pp. 450–471. doi: <https://doi.org/10.1177/001391659803000402>

экологическими ценностями, нормами, образцами и представлениями. В них проявляется феномен человека как «биологического и социального существа, эволюционирует структура связей человека и общества с окружающей средой, вырабатываются экологические отношения и потребности, формируется экологическое сознание человека» [22, с. 275]. Экологические практики населения в области сокращения отходов потребления продолжительное время являются предметом социологического изучения⁹.

Исследованиями экологического сознания и поведения как неотъемлемых структурных компонентов понятия экологических практик занимаются М. В. Рыбакова [22], П. О. Ермолаева [23], Ю. В. Ермолаева [24–27], О. А. Башева¹⁰, О. Д. Цепилова, В. Б. Гольбрайх [28; 29], М. А. Шабанова [30; 31] и др. В частности, в работах ученых представлен анализ цифрового участия населения как вида экологических практик: исследователями обозначены конкретные цифровые площадки и выявлены основные типы участия населения в них [22–27], определена роль цифрового участия в «мусорных» протестах [28; 29], проведен анализ уровня реального и потенциального включения населения в раздельный сбор бытовых отходов и в разнообразные социально-экономические практики, снижающие (прямо или косвенно) образование мусора [30; 31]. Особого внимания заслуживают работы, посвященные состоянию практик обращения с отходами в крупных российских мегаполисах, в частности в Москве и Казани [26], Москве и Санкт-Петербурге [32], Нижнем Новгороде¹¹.

Чаще всего исследовательское внимание преимущественно сосредоточено на экспертизе нормативно-правовых актов и возможностей территорий к реализации «мусорной» реформы. Эмпирические материалы в большей степени посвящены изучению мнения и реальных практик обращения с отходами жителей больших городов и мегаполисов. Новизна данного исследования заключается в изучении экологических практик обращения населения с ТКО в малых городах. Принципиальными отличиями малых городов выступают

⁹ Медоуз Д., Медоуз Д., Йорген Р. Пределы роста. 30 лет спустя. М. : Академкнига, 2007. 342 с.; Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды. Словарь-справочник. М. : Просвещение, 1992. 319 с.; Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество: Проблемы формализованного описания. М. : Наука, 1982. 240 с.; Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспективы. М. : Ин-т социологии РАН, 2011. 215 с.; Яницкий О. Н. Отходы как предмет междисциплинарного анализа [Электронный ресурс] // Официальный портал ФНИСЦ РАН. 2018. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5867> (дата обращения: 24.06.2021).

¹⁰ Башева О. А., Ермолаева Ю. В. Повседневные экопрактики россиян, способствующие устойчивому развитию мегаполисов // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / Федерал. науч.-исслед. социол. центр, Ин-т социально-политических исследований. 2020. С. 233–237.

¹¹ Аладышкина А. С., Лакшина В. В., Леонова Л. А. Исследование готовности населения Нижнего Новгорода к введению раздельного сбора твердых коммунальных отходов // Стратегии и инструменты экологически устойчивого развития экономики : сб. тр. XV Междунар. науч.-практ. конф. Российского общества экологической экономики. 2019. С. 178–182.



несоизмеримые возможности данных поселений по наличию и доступности инфраструктуры (например, по переработке и раздельному сбору отходов). Значимую роль играют и экологические организации, офисы которых находятся в крупных городах субъектов АЗРФ, а удаленность и труднодоступность поселений изучаемого типа затрудняют работу экологических активистов.

Материалы и методы. Объектом исследования выступает население малых промышленных городов АЗРФ, а именно Республика Карелия (ее арктические территории: Беломорский, Лоухский, Кемский, Сегежский, Калевальский муниципальные районы и Костомукшский городской округ) и Мурманская область, предметом – исследование экологических практик населения в области обращения с твердыми коммунальными отходами.

В ходе исследования решались следующие задачи: 1) выявление факторов формирования экологически ориентированного обращения с твердыми коммунальными отходами как базового элемента современной экологической культуры населения; 2) объяснение ситуации медленного противоречивого овладения населением малых городов европейской части АЗРФ оптимальными способами обращения с твердыми коммунальными отходами; 3) оценка путей преодоления амбивалентности экологической культуры в практиках обращения с твердыми коммунальными отходами.

Эмпирическое исследование проводилось методом анкетного опроса в августе – ноябре 2020 г. в малых городах Республики Карелия (а именно в Кемии, Лоухах, Беломорске, Костомукше, Сегеже, Калевале) и в Мурманской области – Апатитах и Ковдоре. Выборка репрезентативная, квотная, насчитывала 1 303 чел., из них 1 102 чел. – жители Республики Карелия, 201 чел. – Мурманской области. Выборка структурирована по полу и возрасту: доля женщин составила 54,5 %, мужчин – 45,5 %. Выборка представлена 4 возрастными группами: от 16 до 20 (2,3 %), от 21 до 35 (36,7), от 36 до 55 (42,7) и от 56 до 75 лет (18,3 %).

В исследовании были использованы количественные, статистические методы: анализ линейных распределений, корреляционный анализ; качественные методы: систематизация, обобщение мнений (оценок). Данные методы позволили выявить массовые представления жителей арктических территорий о проблеме ТКО, а также определить основные низовые практики обращения с твердыми коммунальными отходами.

Концептуально исследование сосредоточено на обнаружении противоречий, состоящих в столкновении уровня осознанности экологических проблем, озабоченности населения состоянием окружающей среды с устоявшимися образцами поведения в обращении с ТКО. В реальных практиках обращения с ними отражается конфликт ценностей, установок и поведения в сфере экологической политики. Практики неэффективного управления процессами обращения с отходами порождают беспокойство, тревогу, уход от активного поведения.

Результаты исследования. В соответствии с задачами эмпирического исследования выявлены типы ценностей в экологическом сознании населения арктических регионов. Для определения преобладающих типов ценностей нами были обозначены следующие индикаторы:

- восприятие населением экологических проблем и их оценка в месте непосредственного проживания и в регионе проживания;
- оценка респондентами степени угрозы окружающей среде от незаконных свалок и бытового мусора.

Поведенческий компонент экологических практик изучался через индикаторы, позволившие определить тип преобладающего экологического поведения у населения малых городов АЗРФ:

- непосредственные практики обращения с бытовыми отходами в условиях домохозяйств и общественных территорий;
- субъективная оценка готовности респондентов к экологически ориентированному поведению в отношении практик обращения с отходами.

Одной из задач эмпирического исследования стало изучение восприятия экологических проблем и их оценка населением в месте непосредственного проживания и в регионе проживания. Переменные, которые касались удовлетворенности респондентов состоянием окружающей среды на различных территориях, для удобства восприятия были проанализированы по средним значениям с применением Т-критерия Стьюдента с поправкой Бонфферони¹² (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение средних (Т-критерий Стьюдента с поправкой Бонфферони) по степени удовлетворенности населением состоянием окружающей среды по различным территориям, в разрезе по субъектам

Table 1. Comparison of the medians (T-criterion with Bonferroni correction) by the degree of the population satisfaction with the environmental condition in various territories with breakdown by federal subjects

Насколько Вас удовлетворяет состояние окружающей среды / How are you satisfied with the condition of the environment:	Республика Карелия / The Republic of Karelia	Мурманская область / The Murmansk region
В месте Вашего непосредственного проживания (город, район) / In the place of your own residence (city, district)	3,4	2,8
В регионе проживания (в области, республике) / In the region of residence (in the region, republic)	3,4	2,8

Примечание / Note. Среднее значение; 1 – полностью не удовлетворяет, 5 – полностью удовлетворяет / Average value; 1 – completely does not satisfy, 5 – completely satisfy.

¹² Т-критерий Стьюдента с поправкой Бонфферони используется для сравнения средних значений в двух независимых выборках.



Жители Мурманской области продемонстрировали одинаковый уровень удовлетворенности окружающей средой по территориям (среднее значение 2,8), что соответствует варианту «скорее неудовлетворительное». Напротив, жители Республики Карелия более оптимистичны в оценках качества окружающей среды в местах непосредственного проживания (среднее значение 3,4) и характеризуют ситуацию как «удовлетворительную». Большинство респондентов обоих регионов, особенно в группах до 20 и 56–75 лет, отметили ухудшение экологической ситуации как в городе, так и в регионе непосредственного проживания (табл. 2). Женщины (65,4 %) оказывались более критичны в оценках, чем мужчины (56,6 %), и чаще отмечали альтернативу «ситуация ухудшилась» по всем типам территорий.

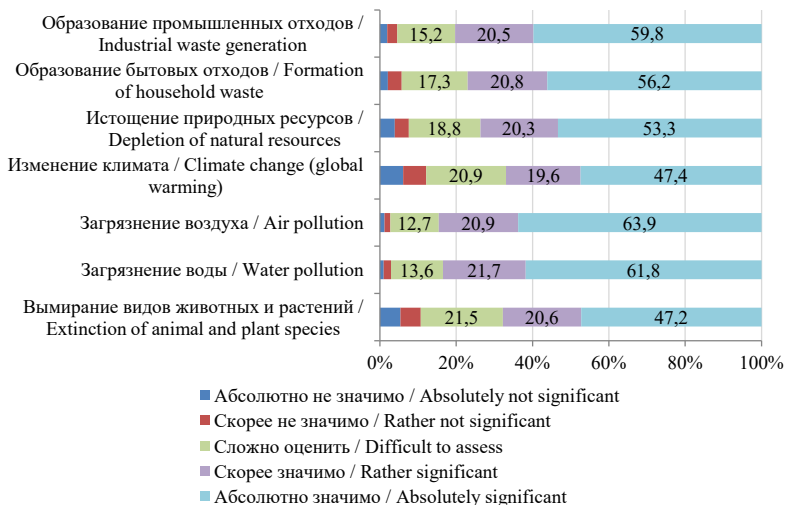
Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как изменилась экологическая ситуация за последние 10 лет?» в территориальном разрезе (закрытый вопрос, один ответ, валидный процент от всех опрошенных)

Table 2. Distribution of respondents' answers to the question "How has the environmental situation changed over the past 10 years?" in the territorial context (closed question, one answer, valid % of all respondents)

Вариант ответа / Variant of answer	В городе проживания / In the place of one's own residence		В регионе проживания / In the region of residence	
	Республика Карелия / The Republic of Karelia	Мурманская область / The Murmansk region	Республика Карелия / The Republic of Karelia	Мурманская область / The Murmansk region
Улучшилась / Get better	6,4	10,2	5,4	8,7
Не изменилась / Without changes	32,5	29,9	34,3	32,8
Ухудшилась / Get worse	61,1	59,9	60,3	58,5

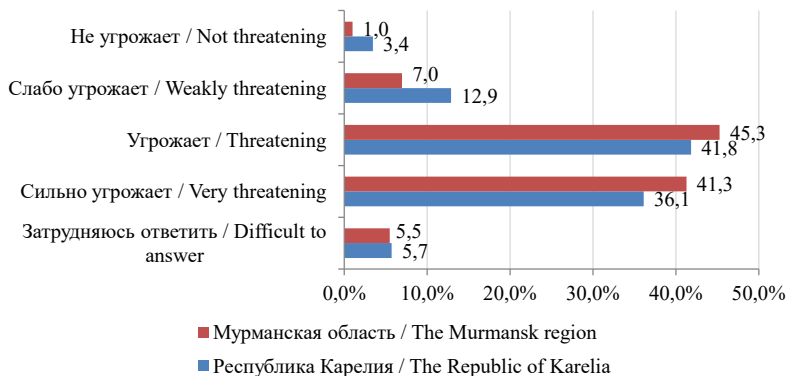
К наиболее значимым экологическим проблемам респонденты отнесли: загрязнение воздуха (64 %) и воды (62), образование промышленных (60) и бытовых отходов (56 %) (рис. 1). В практиках обращения населения с отходами в регионе обнаружено, что возможности территории во многом зависят от эффективности управленческих решений.

На фоне высокой обеспокоенности по поводу образования незаконных свалок и бытового мусора (рис. 2) выявлены факторы их появления, состоящие в удаленности поселений, недостаточности объектов инфраструктуры по сбору отходов. Опрошенные в Мурманской области чаще выделяли альтернативу «угрожает» (45,3 % в Мурманской области и 41,8 % в Республике Карелия) и «сильно угрожает», чем в Республике Карелия (41,3 против 36,1 %).



Р и с. 1. Распределение оценок респондентов на вопрос о значимости экологических проблем (закрытый вопрос, один ответ, валидный процент от всех опрошенных)

F i g. 1. Distribution of respondents' ratings on the importance of environmental problems (closed question, one answer, valid percent of all respondents)



Р и с. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о степени угрозы окружающей среде от незаконных свалок и бытового мусора (закрытый вопрос, один ответ, валидный процент от всех опрошенных)

F i g. 2. Distribution of respondents' answers to the question about the degree of threat to the environment from illegal dumps and household garbage (closed question, one answer, valid percent of all respondents)



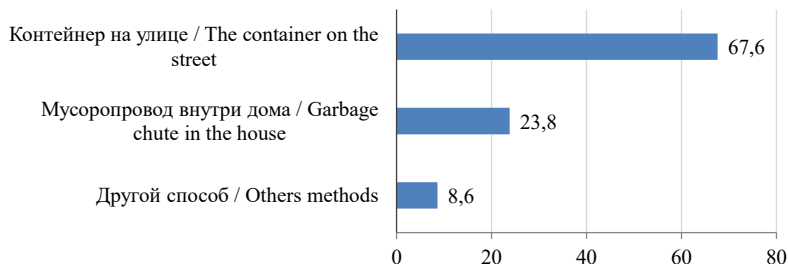
Согласно данным, примерно треть респондентов не имеют представления о возможностях территорий по сбору отходов вторичного сырья (табл. 3). Наиболее доступными являются услуги по сбору металла (34,8 %), менее доступными – по сбору бумаги/картона (25,7), стекла и пищевых отходов (7,0 %), несмотря на то, что территориальные схемы обращения с отходами анализируемых территорий предусматривают раздельный сбор. В реальности контейнеры для сбора пластика и стекла также остаются инициативой волонтерского движения и экологов. Степень осведомленности об услугах по сбору вторичного сырья в субъектах проявляется по-разному. Респонденты Мурманской области чаще отмечали альтернативу «не знаю» (каждый третий), чем в Республике Карелия, где жители более уверены в наличии или отсутствии конкретных услуг.

Таблица 3. Сведения о доступности для населения услуг по сбору вторичного сырья для переработки (закрытый вопрос, валидный процент от числа ответивших)
Table 3. Information about the availability of waste collection services for recycling for the population (closed question, valid percent of the number of respondents)

Вариант ответа / Variant of answer	Есть / There is a place	Нет / There is no a place	Не знаю / Don't know
Металл / Metal	34,8	39,4	25,8
Бумага/картон / Paper / cardboard	25,7	45,5	28,8
Пластик / Plastic	22,2	49,5	28,3
Стекло / Glass	6,5	61,9	31,6
Пищевые отходы для компоста / Food waste for compost	6,8	58,2	35,1

Исследование показало, что большинство опрошенных выбрасывает накопленные бытовые отходы (мусор) в общий контейнер, расположенный на улице (67,6 %), а некоторые респонденты – в мусоропровод в многоквартирном доме (14,1 %). К последнему способу жители Мурманской области прибегают чаще, чем жители Республики Карелия (26,4 против 11,0 %). Другие варианты сбора мусора населением изучаемых субъектов практически не используются (рис. 3). Доля респондентов, выбравших остальные варианты ответа, крайне мала (меньше 1 %). Так, «Другое» и «Выброс мусора в случайном месте» выбрали 0 % респондентов, «Сжигание, закапывание или другой вид уничтожения мусора» – 0,3, «Выброс мусора на свалку между домами» – 0,5 %.

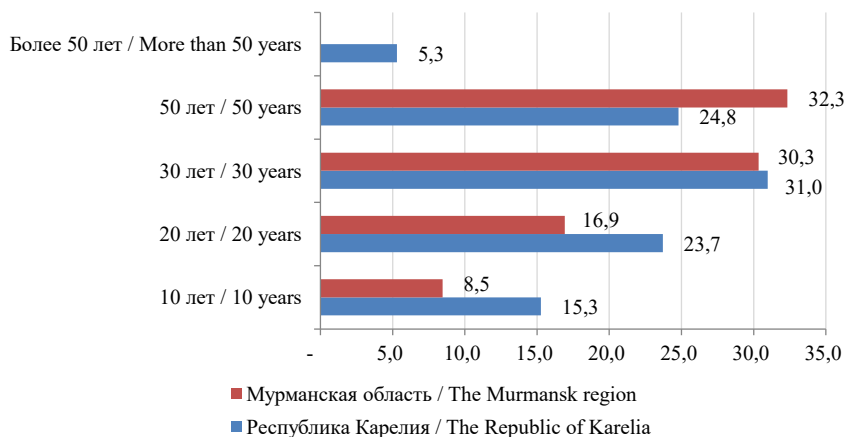
Анализируя ответы респондентов на вопрос анкеты «В среднем сколько литров мусора создает Ваша семья за неделю?» и сопоставляя их по средним значениям, были получены следующие результаты. По всем территориям объем мусора составляет 34 литра в неделю на домохозяйство, но, рассматривая результаты в разрезе территорий, жители малых городов Мурманской области производят бытовых отходов больше, чем жители Республики Карелия (41 и 33 литра соответственно), при этом для 32,3 % респондентов создаваемые их семьями объемы бытового мусора превышают средние значения.



Р и с. 3. Варианты сбора бытового мусора
(закрытый опрос, валидный процент от числа ответивших)

F i g. 3. Options for collecting household garbage
(closed question, valid percent of the number of respondents)

Интересно отметить, что в сравнении по объемам производимого мусора жители Республики Карелия лидируют по количеству малых объемов – до 20 литров, в Мурманской области доля тех, кто создает в неделю более 50 литров, больше, чем в Республике Карелия (рис. 4).



Р и с. 4. Объемы образования бытового мусора за неделю в домохозяйствах в разрезе территорий (валидный процент от числа ответивших)

F i g. 4. The volume of household garbage generation per week in households by territories, (valid percent of the number of respondents)

Более половины респондентов выбрасывают опасные отходы вместе с обычными (64,2 % в Мурманской области и 88,7 % в Республике Карелия). Чуть более четверти респондентов Мурманской области используют для этих



целей специальные контейнеры (28,4 %). В отношении раздельного сбора отходов распределение ответов продемонстрировало, что 21,3 % опрошенных прибегают к данной практике. Причем в Республике Карелия процент раздельного сбора выше (23,8 %), нежели в Мурманской области (13,6 %).

В осуществлении раздельного сбора отходов в структуре по возрастным группам выявлена статистическая взаимосвязь между переменными по хи-квадрату Пирсона (табл. 4). Наиболее вовлеченной оказалась группа от 56 до 75 лет, на которую пришлось 36,6 % тех, кто по экологическим соображениям занимается сортировкой отходов. На втором месте две группы: до 20 лет (24,1 %) и от 36 до 55 лет (22,2 %). Самые невовлеченные респонденты в возрасте от 21 до 35 лет (14,7 %). По полу респондентов никаких различий обнаружено не было, они в равной мере участвуют в сортировке отходов в своих домохозяйствах.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «За последний месяц отбирали ли вы домашние отходы для переработки по экологическим причинам?» в структуре по возрастным группам (закрытый вопрос, валидный процент от числа ответивших)

Table 4. Distribution of responses to the question “In the last month have you selected household waste to recycle for environmental reasons?” in structure by age groups (closed question, valid percent of the number of respondents)

Вариант ответа / Variant of answer	До 20 лет / Before 20 years	21–35 лет / 21–35 years	36–55 лет / 36–55 years	56–75 лет / 56–75 years
Да / Yes	24,1	14,7	22,2	36,6
Нет / No	75,9	85,3	77,8	63,4

С учетом климатических особенностей изучаемых придомовых и городских территорий бытовой мусор часто является фактором загрязнения. Продолжительные снежные и ветреные зимы способствуют тому, что во время весенних паводков улицы и дворы требуют дополнительных личных усилий опрошенных по уборке.

Полученные данные свидетельствуют о значительных расхождениях в действиях горожан по поводу личного участия в субботниках (табл. 5). 52,5 % жителей малых городов Республики Карелия подтвердили свое участие в мероприятиях данного вида. В Мурманской области доля активистов оказалась гораздо меньше – 29,4 %. По возрасту респондентов выделяются те, кто принимает участие в субботниках – их на 10 % больше в группах до 20 лет (58,6 %) и от 56 до 75 лет (57,6 %).

Характерно, что экологически активные горожане Республики Карелия (14,2 %) чаще инициируют субботники, чем горожане из Мурманской области (6,0 %). Среди инициаторов доля женщин превышает долю мужчин (15,7 и 9,5 % соответственно).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос об участии респондентов в уборке общественных территорий и выступлениях с экологическими инициативами (закрытый вопрос, валидный процент от числа ответивших)

Table 5. Distribution of responses to the question about their participation in cleaning public areas and presenting the environmental initiatives (closed question, valid percent of the number of respondents)

Утверждение / Statement	Вариант ответа / Variant of answer	Республика Карелия / The Republic of Karelia	Мурманская область / The Murmansk region
Выхожу на субботники, уборку мусора на общей территории, в лесу и других местах / I go out to collect garbage in the public places, in the forest and other places	Нет / No	47,5	70,6
	Да / Yes	52,5	29,4
Иницирую субботники, уборку мусора на общей территории и в лесу / I initiate garbage collection in the public places and in the forest	Нет / No	85,8	94,0
	Да / Yes	14,2	6,0
Выступал(а)/выступаю с экологическими инициативами и обращениями в органы власти / I came / come up with environmental initiatives and appeals to the authorities	Нет / No	96,6	97,5
	Да / Yes	3,4	2,5
Состою в природоохранных организациях / I am a member of environmental protection organizations	Нет / No	98,9	95,0
	Да / Yes	1,2	5,0

Менее 5 % жителей в изучаемых субъектах выступают с экологическими инициативами и обращаются в органы власти, но и по этому утверждению процент в Республике Карелия оказался чуть выше, чем в Мурманской области (3,4 против 2,5 %). Доля респондентов из Мурманской области в отношении членства в природоохранных организациях (5,0 %) больше, чем в Республике Карелия.

Респонденты в изучаемых субъектах АЗРФ признают себя лично ответственными за решение экологических проблем (72,7 %) в настоящем (табл. 6). Была обнаружена статистически значимая взаимосвязь по полу респондентов: женщины (56,1 %) чаще отмечали альтернативу «совершенно не согласен(а)», чем мужчины (32,8 %).

70,6 % опрошенных отвергают суждение об ответственности будущих поколений за решение экологических проблем. Была обнаружена статистическая связь между переменными по полу респондентов, из которых женщины больше не согласны (46,8 %), чем мужчины (36,5 %) в вопросе личной заботы об окружающей среде.



Т а б л и ц а 6. Распределение ответов респондентов о степени согласия с утверждениями (закрытый вопрос, один ответ, валидный процент от всех опрошенных)

Table 6. Distribution of respondents' answers about the degree of agreement with the statements (closed question, one answer, valid percent of all respondents)

Утверждение / Statement	Совершенно согласен / Completely agree	Скорее согласен, чем не согласен / Rather agree than disagree	Скорее не согласен, чем согласен / Rather disagree than agree	Совершенно не согласен / Completely disagree	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
Я не буду заботиться об окружающей среде, если другие не будут заботиться / I won't care about the environment if others don't care	6,8	13,3	26,3	46,4	7,2
Экологические проблемы должны решать будущие поколения / Future generations should solve environmental problems	8,1	11,9	28,1	42,5	9,4
Я готов(а) поменять мой нынешний образ жизни на благо окружающей среды / I am ready to change my current lifestyle for the benefit of the environment	18,0	33,8	18,9	13,2	16,2
Экологическая политика не должна стоить мне денег / Environmental policy should not cost me extra money	41,8	27,8	13,6	6,2	10,5

Готовность изменить свой образ жизни на благо окружающей среды высказали 18,0 % опрошенных, а 33,8 % – отметили альтернативу «скорее согласен, чем не согласен». Треть респондентов в возрасте до 20 лет (34,5 %) чаще других возрастных подгрупп выражали абсолютное согласие. В остальных

подгруппах доля не превышала 20,0 %. В подгруппе от 56 до 75 лет четверть опрошенных затруднились с ответом. Женщины (23,4 %) чаще мужчин (11,1 %) отмечали альтернативу «совершенно согласен(а)» изменить свой образ жизни.

Большинство респондентов (69,6 %) считает, что экологически ориентированные инициативы не должны «стоять денег». Была обнаружена статистическая взаимосвязь по изучаемым субъектам АЗРФ и по возрасту опрошенных. Жители Республики Карелия (45,4 против 25,9 % в Мурманской области) придерживаются утверждения о том, что экологическая политика не должна быть затратной. Большую категоричность проявляли старшие возрастные группы, особенно в возрасте более 56 лет, в отрицании суждения о том, что экологическая политика – это бремя налогоплательщиков.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования были выявлены особенности экологических практик населения малых городов европейской части АЗРФ. Установлено, что респонденты серьезно обеспокоены сложившейся неблагоприятной обстановкой как в месте непосредственного проживания, так и в регионе проживания. Неблагоприятная экологическая среда промышленных городов осознается населением, тревожность вызывает целый ряд проблем, связанных как с качеством воздуха и водных ресурсов, так и с увеличением загрязнения от ТКО, в частности образование незаконных свалок. В оценке возможных путей предотвращения неблагоприятных последствий респонденты продемонстрировали наличие собственной ответственности, и около половины опрошенных готовы к изменению образа жизни в сторону экологически сознательного. Среди предложенных нами альтернатив превалировала доля респондентов со сформировавшимися мнениями и позициями, а процент затруднившихся ответить редко превышал 15 %, что свидетельствует о значительной части населения малых городов, включенной в экологическую повестку.

Несмотря на осознанность и беспокойство в отношении экологических проблем, у населения присутствует амбивалентность, проявляющаяся в преобладании экологически неактивного типа поведения, ориентированного на намерение, а не на результативное действие. Данный тип экологического поведения характеризуется доминированием эгоистических ценностей, отражающих убежденность граждан в наличии экологических рисков от проблем образования ТКО, но сохраняющих образцы экологически безответственного личного поведения. Большая часть опрошенных не занимается раздельным сбором отходов и слабо вовлечена в другие практики, связанные с инициативой (исключение составляют жители малых городов Республики Карелия, где практически каждый второй участвует в субботниках). Практики обращения с твердыми коммунальными отходами имеют особенности в зависимости от возрастных групп. Так, экономически активные респонденты в изучаемых субъектах оказались самой невовлеченной группой: признавая всю



остроту проблемы обращения с ТКО, опрашиваемые проявляли скепсис в отношении личной ответственности в ее решении. Возможным объяснением данного факта выступает сложное социально-экономическое положение территорий, порождающее высокие миграционные настроения населения (что подтверждается статистическими данными, в изучаемых объектах миграционная убыль выпадает именно на группы экономически активного возраста). Что вызывает равнодушие и нежелание проявлять экологическую заботу о месте проживания.

В возрастных группах респондентов до 20 лет¹³ и более 56 лет зафиксировано преобладание альтруистических ценностей в экологическом сознании, опрошенные активно включены в преобладанием женской части населения в эколого-ориентированные действия с целью обеспечения здоровой окружающей среды для себя и других.

На исследуемых территориях были выявлены различия в моделях экологических практик в зависимости от субъекта. Жители малых городов Мурманской области менее удовлетворены экологической ситуацией в регионе, менее осведомлены об услугах по переработке мусора, больше производят бытовых отходов, меньше сортируют их, но чаще ориентированы на выброс опасных отходов в специальные контейнеры, чем жители Республики Карелия.

Таким образом, несмотря на активную реализацию реформы, качественного изменения в практиках обращения с твердыми коммунальными отходами на территориях малых промышленных городов не произошло. Несмотря на вовлеченность населения в неблагоприятный экологический контекст, связанный с серьезным экологическим следом от промышленных предприятий, на уровне личной экологической активности наблюдается тотальная неактивность. В практиках обращения с твердыми коммунальными отходами по-прежнему преобладают традиционные неэкологичные способы.

Большой оптимизм вызывает включенность граждан в экологическую повестку и высокая обеспокоенность, что является потенциалом для формирования у населения новых моделей эколого-ориентированного поведения, соответствующих целям устойчивого развития.

Ключевой проблемой в области обращения с отходами остается рассогласованность управленческих целей и действий в достижении эффективности реализации «мусорной» реформы. В частности, во всех регионах АЗРФ основная ставка в области хранения, утилизации и обработки ТКО сделана на мусоросортировочные комплексы и дальнейшее захоронение отходов, что отрицательно сказывается на мотивации населения, например, к раздельному сбору отходов. Примечательно, что территориальные схемы всех регионов

¹³ Возможным объяснением повышенной экологической сознательности данной возрастной подгруппы может служить эффект от введения экологического компонента в образовательные программы в учебных заведениях и работы экологических активистов, которая преимущественно проводится с детьми разных возрастов.

АЗРФ предполагают отдельный сбор отходов в перспективе, однако в настоящее время эта задача фактически не реализуется. Сбор и переработка отходов остаются уделом волонтерских инициатив. Наиболее значимыми проблемами в условиях реализации реформы являются: недостаточность ресурсов, неразвитость инфраструктуры обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах, слабая мобилизация экономически активного населения.

Результаты могут послужить основой для дальнейших сравнительных исследований практик обращения с ТКО в других регионах АЗРФ и России. Материалы статьи могут быть использованы представителями муниципальных и региональных властей, региональными операторами в достижении эффективных задач реформы в работе с населением. Специалистам экологических НКО полученные результаты могут послужить для выстраивания работы с населением, исходя из потребностей и мотивации разных возрастных групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ключкина Э. С. Экологические угрозы здоровью населения промышленных территорий Арктического региона // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 2-13. С. 91–103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34957478> (дата обращения: 03.08.2021).
2. Заболеваемость взрослого населения европейской Арктики Российской Федерации с развитой горно-металлургической промышленностью / А. Н. Никанов [и др.] // Российская Арктика. 2019. № 6. С. 20–27. doi: <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10063>
3. Территориальные схемы обращения с отходами в Российской Арктике: повод для дискуссии / П. Ф. Агаханянц [и др.] // Российская Арктика. 2019. № 6. С. 48–55. doi: <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10067>
4. Недосека Е. В., Козловский В. В. Региональная специфика обращения с ТКО в Арктической зоне РФ // Арктика и Север. 2021. № 42. С. 223–241. doi: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.42.223>
5. Nawrotzki R. J. The Politics of Environmental Concern: A Cross-National Analysis // Organization & Environment. 2012. Vol. 25, issue 3. Pp. 286–307. doi: <https://doi.org/10.1177/1086026612456535>
6. Nawrotzki R. J., Pampel F. C. Cohort Change and the Diffusion of Environmental Concern: A Cross-National Analysis // Population and Environment. 2013. Vol. 35. Pp. 1–25. doi: <https://doi.org/10.1007/S11111-012-0182-4>
7. Franzen A., Meyer R. Environmental Attitudes in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of the ISSP 1993 and 2000 // European Sociological Review. 2010. Vol. 26, issue 2. Pp. 219–234. doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcp018>
8. Gifford R., Nilsson A. Personal and Social Factors that Influence Pro-Environmental Concern and Behaviour: A Review // International Journal of Psychology. 2014. Vol. 49, issue 3. Pp. 141–157. doi: <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>



9. Fairbrother M. Rich People, Poor People, and Environmental Concern: Evidence across Nations and Time // *European Sociological Review*. 2014. Vol. 29, issue 5. Pp. 910–922. doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcs068>

10. Sulemana I., James H. S., Valdivia C. B. Perceived Socioeconomic Status as a Predictor of Environmental Concern in African and Developed Countries // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 46. Pp. 83–95. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.04.002>

11. A Value-Belief-Norm Theory of Support for Social Movements: The Case of Environmentalism / P. C. Stern [et al.] // *Human Ecology Review*. 1999. Vol. 6, issue 2. Pp. 81–98. URL: <https://www.humanecologyreview.org/pastissues/her62/62sternetal.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

12. Kollmuss A., Agyeman J. Mind the Gap: Why do People Act Environmentally and what are the Barriers to Pro-Environmental Behavior? // *Environmental Education Research*. 2002. Vol. 8, issue 3. Pp. 239–260. doi: <https://doi.org/10.1080/13504620220145401>

13. Nordlund A. M., Garvill J. Value Structures Behind Proenvironmental Behavior // *Environmental Behavior*. 2002. Vol. 34, issue 6. Pp. 740–756. doi: <https://doi.org/10.1177/001391602237244>

14. Oreg S., Katz-Gerro T. Predicting Proenvironmental Behavior Cross-Nationally: Values, the Theory of Planned Behavior, and Value-Belief-Norm Theory // *Environmental Behavior*. 2006. Vol. 38, issue 4. Pp. 462–483. doi: <https://doi.org/10.1177/0013916505286012>

15. Cultural Variability in the Link Between Environmental Concern and Support for Environmental Action / K. Eom [et al.] // *Psychological Science*. 2016. Vol. 27, issue 10. Pp. 1331–1339. doi: <https://doi.org/10.1177/0956797616660078>

16. Tam K. P., Chan H. W. Generalized Trust Narrows the Gap Between Environmental Concern and Pro-Environmental Behavior: Multilevel Evidence // *Global Environmental Change*. 2018. Vol. 48. Pp. 182–194. doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2017.12.001>

17. Stern P. C. New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56, issue 3. Pp. 407–424. doi: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>

18. Stern P. C. Information, Incentives and Pro-Environmental Consumer Behavior // *Journal of Consumer Policy*. 1999. Vol. 22. Pp. 461–468. doi: <https://doi.org/10.1023/A:1006211709570>

19. Stern P. C. Understanding Individuals' Environmentally Significant Behavior // *Environmental Law Reporter: News and Analysis*. 2005. No. 35. Pp. 10785–10790. URL: https://www.researchgate.net/publication/237713852_Understanding_Individuals'_Environmentally_Significant_Behavior (дата обращения: 03.08.2021).

20. Stern P. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56, no. 3. Pp. 407–424. doi: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>

21. Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 323–346. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>

22. Рыбакова М. В. Социальные экологические практики как условие модернизации России // *Социально-гуманитарные знания*. 2012. № 2. С. 273–280. URL: <https://>



cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ekologicheskie-praktiki-kak-uslovie-modernizatsii-rossii (дата обращения: 03.08.2021).

23. Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В., Башева О. А. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. doi: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>

24. Ермолаева Ю. В. Трансформация социально-экологических практик обращения с отходами в менталитете граждан России // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 104–116. doi: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8>

25. Ермолаева Ю. В. Управление отходами в условиях критической ситуации пространства COVID-19 // Primo Aspectu. 2020. № 2 (42). С. 27–39. doi: <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2020-2-42-27-39>

26. Ermolaeva Yu. V., Rybakova M. V. Civil Social Practices of Waste Recycling in Russia (Moscow and Kazan) // ИОАВ Journal. 2019. Vol. 10, no. S 1. Pp. 153–156. URL: https://www.iioab.org/ИОАВJ_10.S1_153-156.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

27. Ермолаева Ю. В. Модернизация сектора обращения с отходами в России: предложения экспертов и населения // Финансовые рынки и банки. 2021. № 6. С. 38–45. doi: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.4>

28. Цепилова О. Д., Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 136–162. doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>

29. Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74–85. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>

30. Шабанова М. А. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. 2019. Т. 28, № 3. С. 88–112. doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112>

31. Шабанова М. А. Социально-экономические практики населения как ресурс ослабления мусорной проблемы в России // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 50–63. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250005481-2>

32. Актуальные вопросы политики обращения с отходами в России / М. С. Байнова [и др.] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 274–282. doi: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-274-282>

Поступила 26.08.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

Об авторах:

Козловский Владимир Вячеславович, директор Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14), профессор Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация,



г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9), доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4825-2640>, vvk_soc@mail.ru

Недосека Елена Владимировна, старший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>, nedelena@socinst.ru

Тишков Сергей Вячеславович, ученый секретарь Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185001, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-4165>, insteco_85@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В. В. Козловский – постановка проблемы исследования; научное руководство; формулирование основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов; критический анализ и доработка текста.

Е. В. Недосека – подготовка текста статьи, литературного обзора по исследуемой проблеме, графических результатов исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

С. В. Тишков – подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Klyukina E.S. Environmental Threats for the Health of the Population in the Arctic Region. *Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye nauki* = Transactions Kola Science Centre. Humanitarian Studies. 2018; 9(2-13): 91-103. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34957478> (accessed 03.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Nikanov A.N., Dorofeev V.M., Talykova L.V., Sturlis N.V., Gushin I.V. Morbidity of Adult Population in the Russian European Arctic with Intensive Mining and Metallurgical Industry. *Rossiyskaja Arktika* = Russian Arctic. 2019; (6):20-28. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10063>
3. Agakhaniants P.F., Lomtev A.Yu., Primak E.A., Vyucheykskaya D.S. Strategic Schemes of Waste Management in Russian Arctic as a Start Point for Discussion. *Rossiyskaja Arktika* = Russian Arctic. 2019; (6):48-55. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2658-4255-2019-10067>
4. Nedoseka E.V., Kozlovskiy V.V. Regional Specifics of Municipal Solid Waste Management in Arctic Regions of the Russian Federation. *Arktika i Sever* = Arctic and North. 2021; (42):223-241. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.42.223>

5. Nawrotzki R.J. The Politics of Environmental Concern: A Cross-National Analysis. *Organization & Environment*. 2012; 25(3):286-307. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1086026612456535>
6. Nawrotzki R.J., Pampel F.C. Cohort Change and the Diffusion of Environmental Concern: A Cross-National Analysis. *Population and Environment*. 2013; 35:1-25. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/S11111-012-0182-4>
7. Franzen A., Meyer R. Environmental Attitudes in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of the ISSP 1993 and 2000. *European Sociological Review*. 2010; 26(2):219-234. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcp018>
8. Gifford R., Nilsson A. Personal and Social Factors that Influence Pro-Environmental Concern and Behaviour: A Review. *International Journal of Psychology*. 2014; 49(3):141-157. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1002/ijop.12034>
9. Fairbrother M. Rich People, Poor People, and Environmental Concern: Evidence across Nations and Time. *European Sociological Review*. 2014; 29(5):910-922. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcs068>
10. Sulemana I., James H.S., Valdivia C.B. Perceived Socioeconomic Status as a Predictor of Environmental Concern in African and Developed Countries. *Journal of Environmental Psychology*. 2016; 46:83-95. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.04.002>
11. Stern P.C., Dietz T., Abel T., Guagnano G.A., Kalof L. A Value-Belief-Norm Theory of Support for Social Movements: The Case of Environmentalism. *Human Ecology Review*. 1999; 6(2):81-98. Available at: <https://www.humanecologyreview.org/pastissues/her62/62sternetal.pdf> (accessed 03.08.2021). (In Eng.)
12. Kollmuss A., Agyeman J. Mind the Gap: Why do People Act Environmentally and what are the Barriers to Pro-Environmental Behavior? *Environmental Education Research*. 2002; 8(3):239-260. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/13504620220145401>
13. Nordlund A.M., Garvill J. Value Structures Behind Proenvironmental Behavior. *Environmental Behavior*. 2002; 34(6):740-756. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/001391602237244>
14. Oreg S., Katz-Gerro T. Predicting Proenvironmental Behavior Cross-Nationally: Values, the Theory of Planned Behavior, and Value-Belief-Norm Theory. *Environmental Behavior*. 2006; 38(4):462-483. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0013916505286012>
15. Eom K., Kim H.S., Sherman D.K., Ishii K. Cultural Variability in the Link Between Environmental Concern and Support for Environmental Action. *Psychological Science*. 2016; 27(10):1331-1339. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0956797616660078>
16. Tam K.P., Chan H.W. Generalized Trust Narrows the Gap between Environmental Concern and Pro-Environmental Behavior: Multilevel Evidence. *Global Environmental Change*. 2018; 48:182-194. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2017.12.001>
17. Stern P.C. New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*. 2000; 56(3):407-424. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>
18. Stern P.C. Information, Incentives and Pro-Environmental Consumer Behavior. *Journal of Consumer Policy*. 1999; 22:461-468. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1023/A:1006211709570>
19. Stern P.C. Understanding Individuals' Environmentally Significant Behavior. *Environmental Law Reporter: News and Analysis*. 2005; (35):10785-10790. Available at: <https://>



www.researchgate.net/publication/237713852_Understanding_Individuals'_Environmentally_Significant_Behavior (accessed 03.08.2021). (In Eng.)

20. Stern P. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*. 2000; 56(3):407-424. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>

21. Ermolaeva P.O., Ermolaeva Yu.V. Critical Analysis of Foreign Theories of Environmental Behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i socialnye peremny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2019; (4):323-346. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>

22. Rybakova M.V. Social Environmental Practices as a Condition of the Modernization of Russia. *Socialno-gumanitarnye znaniya* = Social and Humanitarian Knowledge. 2012; (2):273-280. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ekologicheskie-praktiki-vak-uslovie-modernizatsii-rossii> (accessed 03.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Ermolaeva P.O., Ermolaeva Yu.V., Basheva O.A. Digital Environmental Activism as the New Form of Environmental Participation. *Sociologicheskoe obozrenie* = Sociological Review. 2020; 19(3):376-408. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>

24. Ermolaeva Yu.V. Transformation of Social and Environmental Practices of Waste Management in the Mentality of Russian Citizens. *Nauchnyy rezultat. Sociologiya i upravlenie* = Research Result. Sociology and Management. 2021; 7(1):104-116. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8>

25. Ermolaeva Yu.V. Waste Management Practices in COVID-19 Period. *Primo Aspektu*. 2020; (2):27-39. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2020-2-42-27-39>

26. Ermolaeva Yu.V., Rybakova M.V. Civil Social Practices of Waste Recycling in Russia (Moscow and Kazan). *IIOAB Journal*. 2019; 10(S 1):153-156. Available at: https://www.iioab.org/IIOABJ_10.S1_153-156.pdf (accessed 03.08.2021). (In Eng.)

27. Ermolaeva Yu.V. Modernization of the Sector of Waste Management in Russia: Proposals of Experts and Residents. *Finansovyie rynki i banki* = Financial Markets and Banks. 2021; (6):38-45. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.4>

28. Tsepilova O., Golbraih V. Environmental Activism: Resource Mobilisation for “Garbage” Protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* = Journal of Sociology and Social Anthropology. 2020; 23(4):136-162. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>

29. Golbrach V. Ecoconflicts in Russia and Digital Networks Participation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2019; (6):74-85. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>

30. Shabanova M.A. Separate Waste Collection in Russia: The Level, Factors and Potential for Citizen Engagement. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2019; 28(3):88-112. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112>

31. Shabanova M.A. Citizens' Socio-economic Practices as a Resource to Alleviate the Waste Issue in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2019; (6):50-63. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250005481-2>

32. Baynova M.S., Nadtochiy Y.B., Petrov A.V., Gorkovaya O.P., Stalmakova E.D. Current Issues of Waste Management Policy in Russia. *Izvestiya Saratovskogo univer-*

siteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2021; 21(3):274-282. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-274-282>

Submitted 26.08.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 29.10.2021.

About the authors:

Vladimir V. Kozlovskiy, Head of Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation), Professor of Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russian Federation), Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4825-2640>, vvk_soc@mail.ru

Elena V. Nedoseka, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>, nedelena@socinst.ru

Sergey V. Tishkov, Secretary for Science, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185001, Russian Federation), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-4165>, insteco_85@mail.ru

Contribution of the authors:

V. V. Kozlovskiy – statement of the research problem; academic supervision; formulation of the basic concept of the study; evaluation of the results and conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

E. V. Nedoseka – preparation of the text of the article, literature review on the issue under study, graphical representation of the research results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

S. V. Tishkov – preparation of the text of the article; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Особенности демографического развития сельских территорий России в условиях пандемии

Л. Н. Липатова

*Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация),
ln.lipatova@yandex.ru*



Аннотация

Введение. Пандемия COVID-19 оказала сильное влияние на основные слагаемые демографической динамики. Актуальной является оценка вклада международной миграции в формирование населения сельских территорий России. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать современную демографическую ситуацию в сельской местности Российской Федерации и предложить меры по минимизации последствий пандемии.

Материалы и методы. Использованы данные Росстата, органов государственной власти Российской Федерации, международных организаций, публикации ученых, занимающихся исследованием проблем народонаселения. Для обобщения литературных источников применялся контент-анализ. Исследование демографической динамики проведено с использованием методов статистического анализа, табличного метода, обобщения и интерпретации полученных результатов.

Результаты исследования. Выявлено, что пандемия отрицательно повлияла на демографическую ситуацию в сельской местности и может иметь отложенный негативный эффект из-за резкого сокращения числа иностранных мигрантов. Риски смерти людей, проживающих в сельской местности, возрастают вследствие большого удельного веса в его составе лиц старшего поколения, а также более низкой физической доступности медицинских услуг. Анализ позволил установить, что главным фактором воспроизводства сельского населения Российской Федерации в 1990–2018 гг. выступила международная миграция. Введенные в 2020 г. и в значительной мере продленные на 2021 г. санитарные ограничения способны оказать значительное влияние на воспроизводство сельского населения нашей страны, а также его трудового потенциала. Предложены меры по минимизации воздействия пандемии на воспроизводство сельского населения.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что единственным фактором, оказывающим положительное воздействие на демографическую динамику в сельской местности Российской Федерации, является международная миграция, которая в условиях пандемии резко сократилась. Полученные результаты могут применяться при корректировке федеральных и региональных программ, направленных на стабилизацию демографической ситуации в сельской местности Российской Федерации.

© Липатова Л. Н., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: пандемия, сельская местность, факторы демографической динамики, избыточная смертность, миграционный отток, мощность медицинских учреждений, доступность медицинских услуг, региональные программы по привлечению мигрантов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Липатова Л. Н. Особенности демографического развития сельских территорий России в условиях пандемии // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 155–177. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177>

Original article

Features of the Demographic Development of Rural Areas in Russia in a Pandemic

L. N. Lipatova

*North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation),
ln.lipatova@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The COVID-19 pandemic has had a strong impact on the main components of demographic dynamics: mortality has increased everywhere, migration has practically stopped. In this regard, it is relevant to assess the contribution of international migration to the formation of the population of rural areas of Russia. The purpose of this study is to analyze the current demographic situation in rural areas of the Russian Federation and propose measures to minimize the consequences of the pandemic.

Materials and Methods. The data of Rosstat (the Federal State Statistics Service), government bodies of the Russian Federation, international organizations, publications of scientists studying the problems of the population were used. To summarize literary sources content analysis was used. The study of demographic dynamics was carried out using the methods of statistical analysis, tabular method, generalization and interpretation of the obtained results.

Results. The study reveals that the pandemic has had a negative impact on the demographic situation in rural areas and may have a delayed negative effect due to a sharp decline in the number of foreign migrants. The risks of death for people living in rural areas are increasing due to the large proportion of older people in its composition, as well as the lower physical accessibility of medical services. The analysis makes it possible to establish that the main factor in the reproduction of the rural population of the Russian Federation in 1990 – 2018 made by international migration. The sanitary restrictions introduced in 2020 and significantly extended for 2021 can have a significant impact on the reproduction of the rural population of our country, as well as its labor potential. Measures are proposed to minimize the impact of the pandemic on the reproduction of the rural population.

Discussion and Conclusion. The study shows that the only factor that has a positive impact on the demographic dynamics in rural areas of the Russian Federation is international migration, which has sharply decreased in the context of the pandemic. The practical significance of the study is the possibility of using its results when adjusting federal and regional programs aimed at stabilizing the demographic situation in rural areas of the Russian Federation.

Keywords: pandemic, rural areas, factors of demographic dynamics, excess mortality, migration outflow, capacity of medical institutions, accessibility of medical services, regional programs for attracting migrants



The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Lipatova L.N. Features of the Demographic Development of Rural Areas in Russia in a Pandemic. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):155-177. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.155-177>

Введение. Пандемия неизвестной ранее опасной инфекции, начавшаяся в конце 2019 г. со вспышки в г. Ухане, унесла миллионы жизней по всему миру. По данным Университета Джона Хопкинса, после заражения COVID-19 к середине апреля 2021 г. в разных странах мира умерли более 3 млн чел.; ВОЗ сообщает о 2 979 тыс. летальных исходов вследствие коронавируса (на 17.04.2021 г.)¹.

Кроме прямых людских потерь на демографическую ситуацию в условиях «новой нормальности»² сильно влияет миграция, а точнее, ее отсутствие, поскольку в 2020 г. она практически замерла. Закрытые границы – примета не только 2020 и 2021 г., но, возможно, и последующих годов. Введенные анти-эпидемиологические ограничения в первую очередь сказались на странах, равновесное состояние рынка труда в которых в значительной степени зависит от притока в страну иностранной рабочей силы. Зависимость отдельных отраслей от международной трудовой миграции оказалась весьма значительной. Например, в странах ОЭСР в среднем 24 % врачей – иностранные граждане, среди других медработников их доля тоже высока – 16 %. По признанию ООН, пандемия, сократившая масштабы миграции в страны ОЭСР в 2 года, будет сказываться на интенсивности миграционных потоков еще продолжительный период. Специалисты этой международной организации считают, что в ближайшее время ситуация не изменится³.

Хотя коэффициент миграционного прироста в Российской Федерации невысок (1,9 на 1 000 чел. населения в 2019 г.⁴), по числу мигрантов наша страна находится на 4-м месте в мире (после США, Германии и Саудовской Аравии). Однако миграционная ситуация в России под влиянием антиковидных мероприятий тоже сильно изменилась. Нехватку рабочих рук из-за введенных запретов на перемещение людей, включая иностранных трудовых мигрантов, в 2020 г. ощутили некоторые отрасли и регионы.

Одними из первых с нехваткой рабочих рук столкнулись строители, поэтому в большинстве российских регионов под угрозой срыва оказались

¹ Число жертв COVID-19 в мире превысило 3 млн человек [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/607aa7db9a794715ac077813> (дата обращения: 25.04.2021).

² Термин использован главой Роспотребнадзора А. Поповой для характеристики изменений в образе жизни людей в связи с появлением SARS-CoV-2. Источник: Попова предупредила о «новой нормальности» после пандемии [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea6d38d9a7947950a5ad93b> (дата обращения: 25.04.2021).

³ Как пандемия повлияла на миграцию и мигрантов: неутешительный доклад ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dv.com/ru/kak-pandemiya-povlijala-na-migraciju-i-migrantov-doklad-ojesr/a-55318321> (дата обращения: 06.04.2021).

⁴ Россия и страны мира: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 54.

планы по вводу в строй объектов жилого и производственного назначения. От нарушения сроков строительства страдают заказчики, которые не смогут получить ожидавшуюся прибыль. У строительной отрасли много смежников, которые также не дополучат часть прибыли из-за снижения спроса на их продукцию по причине спада на строительном рынке. Из-за сужения рынка нового жилья может усложниться ситуация и в банковском секторе, поскольку для большинства кредитных организаций в условиях спада экономики на первый план вышли программы ипотечного кредитования, поддерживаемые государством. Для оперативного решения этого вопроса руководство строительной отрасли было вынуждено обратиться напрямую к Президенту России В. В. Путину⁵.

О нехватке рабочих рук в сельском хозяйстве в связи с закрытием границ говорил Министр сельского хозяйства Российской Федерации Д. Патрушев⁶. Его первый заместитель Д. Хатуов, обосновывая необходимость открытия въезда в Россию для трудовых мигрантов, предупреждал, что без сезонных мигрантов ряд процессов в сельском хозяйстве может остановиться. Эксперты Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации оценили численность иностранной рабочей силы, которая была занята в аграрном секторе нашей страны до пандемии, в 500 тыс. чел. Д. Хатуов считает, что в российских регионах для сельскохозяйственных работ не хватает 38,2 тыс. рабочих⁷, а директор Плодоовощного союза России М. Глушков оценил вклад иностранной рабочей силы в развитие отечественного овощеводства в 80 % кадрового состава отрасли⁸.

Такая ситуация делает актуальными исследования, направленные на изучение тенденций и особенностей демографического развития территорий, оценку зависимости регионов и отраслей экономики от притока иностранных мигрантов. Цель статьи – на основе результатов исследования выявить риски ухудшения демографической ситуации в сельской местности Российской Федерации вследствие пандемии COVID-19, что требует проведения анализа показателей смертности населения и оценки влияния международной миграции на воспроизводство сельского населения страны, а также предложить меры по минимизации негативного воздействия пандемии новой коронавирусной инфекции на воспроизводство сельского населения страны.

⁵ Путин поручил чиновникам упростить ввоз гастарбайтеров для строек [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/745602> (дата обращения: 02.04.2021).

⁶ Сельскому хозяйству России не хватает трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. URL: <http://svetich.info/news/federalnye-novosti/selskomu-hozjaistvu-rossii-ne-hvataet-tr.html> (дата обращения: 02.04.2021).

⁷ Минсельхоз попросил пустить в Россию мигрантов для сезонных работ в поле [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/business/10/02/2021/602284149a79477561239575> (дата обращения: 02.04.2021).

⁸ Агросектору не хватает мигрантов [Электронный ресурс] // Агроинвестор : сайт. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov/> (дата обращения: 02.04.2021).



Обзор литературы. Демографические процессы весьма консервативны, в мирных условиях изменения происходят довольно медленно. Сильно преобразилась демографическая картина в нашей стране после распада Советского Союза и под воздействием последовавших за этим коренных преобразований социально-экономической системы государства. Изменения были настолько сильными, что некоторые исследователи, размышляя о демографическом будущем России, говорили об «исчезающей мировой державе»⁹. К счастью, такие пророчества не сбылись, но события тех лет во многом определили демографическую динамику на последующие годы и стали предметом пристального внимания ученых.

Реакции населения на события этого сложного этапа отечественной истории посвящены работы М. Б. Денисенко, раскрывающие компоненты развития народонаселения России, которые во многом определили ход демографических процессов на долгие годы вперед¹⁰. Детально изучающие динамику рождаемости в постсоветский период Т. Фрейка, С. Захаров [1], Н. Г. Джанаева, В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, С. Г. Шульгин выявляют значительные межпоколенческие и межрегиональные различия¹¹ [2]. Исследователи отмечают положительное влияние государственных мер по материальной помощи семьям, имеющим детей, отмечая особую весомость так называемого материнского капитала. Известный российский ученый-демограф В. Н. Архангельский и его коллеги в своих исследованиях выявляют зависимость эффективности этих мер от уровня жизни в регионе [3; 4]. В. Ф. Хасанов, Р. Р. Хасанова анализируют влияние смертности на воспроизводство населения¹².

Со схожими проблемами столкнулись и другие государства бывшего Советского Союза. О. Пенина, Д. Жданов, П. Григорьев в своих работах раскрывают демографические тенденции современной Молдовы [5]. С. Мурадов в числе факторов, оказавших негативное влияние на ход демографических процессов в Азербайджане в 1990-е гг., выделил снижение дохода, рост безработицы, снижение доступности жилья, военный конфликт с Арменией, деформации возрастно-половой структуры населения [6]. В. Агаджанян и Е. Макарова изучают особенности демографического развития Узбекистана в постсоветский период [7].

⁹ Зиверт Ш., Захаров С., Клингхолец Р. Исчезающая мировая держава. Демографическое будущее России и других бывших союзных государств / пер. с нем.: Ю. Штраух ; науч. ред. С. В. Захаров. Берлин : Berlin Institute for Population and Development, 2011. 150 с.

¹⁰ Денисенко М. Б. Компоненты изменения численности народов России в 1990-х гг. // Этническая демография. Демографические исследования. Вып. 17 / под ред. И. А. Даниловой, О. А. Хараевой. М. : МАКС Пресс, 2010.

¹¹ Джанаева Н. Г., Архангельский В. Н. Рождаемость в странах СНГ: тенденции и исследования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. Екатеринбург, 2016. С. 55–63.

¹² Хасанов В. Ф., Хасанова Р. Р. Смертность населения в странах постсоветского пространства // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. Екатеринбург, 2016. С. 303–307.



Особенности семейных традиций и репродуктивного поведения жителей Таджикистана раскрывают в своих публикациях Дж. Ключиу [8], О. Шемякина [9]. Изучению изменений в отношении общества постсоветских государств к институту брака посвящены работы П. Доммараджу, В. Агаджанян [10; 11], Л. Недолужко [12], С. Вернер [13], К. Катус, А. Пуур, Л. Саккеус [14].

Мировая наука всесторонне изучает проблемы миграции и мигрантов¹³ [15–17]. Для целей данного исследования интересной представляется публикация А. Наварро и Ф. Тариадор, которые на основе всестороннего анализа социально-экономической ситуации в сельской местности предложили модель развития сельских районов, включающую в себя наряду с экономическими, социальными и демографическими факторами некий «модуль привлекательности», под которым авторы подразумевают привлекательность сельских территорий для мигрантов, как внутренних, так и внешних [18].

Исследованию миграционной политики современной России посвящены работы Л. Л. Рыбаковского [19], О. Л. Рыбаковского [20], С. В. Рязанцева [21]. Влияние миграционных процессов на рынок труда нашей страны изучает П. В. Панькин [22]. Х. В. Вахаев, Т. М. Гаврилова анализируют трудовую миграцию с позиции обеспечения национальной безопасности страны [23; 24]. В. А. Волох, В. А. Суворова в ходе исследования миграционной ситуации в современной России, наряду с ее положительными сторонами, выявляют и значительные проблемы регионов, испытывающих массовый приток мигрантов, и даже говорят о существовании угроз для миграционной безопасности страны [25]. Н. В. Дементьев выражает беспокойство возможными значительными потерями для трудового потенциала России, связанными с международной миграцией [26].

С 2013 г. ежегодно Министерство сельского хозяйства Российской Федерации публикует доклад «О состоянии сельских территорий Российской Федерации», который готовится по результатам мониторинга. Доклад, вышедший в 2020 г., содержит данные за 2018 г. Выводы доклада неутешительны: в 2017 и 2018 гг. темпы сокращения населения ускорились, удельный вес сельского населения продолжает снижаться, динамика сельского населения в 2018 г. была отрицательной во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, удельный вес трудоспособного населения уменьшается в связи со старением; рождаемость после всплеска в 2006–2014 гг. вновь вернулась на уровень 2002 г.; коэффициент смертности неизменно выше, чем в городе; для сельских территорий характерно отрицательное сальдо миграции¹⁴.

¹³ Drbohlav D., Hars A., Grabowska-Lusińska I. Experiencing Immigration: Comparative Analysis of the Czech Republic, Hungary and Poland. IDEA Working Papers, 2009. URL: http://sparc.core.hu/eastmig/Eastmig_kick%20off_Prague.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

¹⁴ О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году: Ежегодный доклад по результатам мониторинга : науч. изд. М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2020. Вып. 6. С. 39–41.



Обобщение литературных источников позволяет сделать вывод о том, что демографическая картина в России в постсоветский период коренным образом изменилась. Специалисты отмечают быстрое сокращение и старение сельского населения, значительное влияние миграции на его воспроизводство. Пандемия новой коронавирусной инфекции, вызвавшая повсеместный рост смертности и закрытие границ для мигрантов, усилила негативное влияние основных факторов демографической динамики и значительно ослабила положительное влияние миграции. Прогнозов пока никто не осмеливается делать. Появились лишь первые статистические оценки демографических потерь. Необходим их детальный анализ в целях выявления особенностей хода демографических процессов в условиях эпидемии.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе данных Федеральной службы государственной статистики, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, также были использованы материалы авторитетных международных организаций.

Контент-анализ, на основе которого проведено обобщение литературных источников, позволил выявить основные факторы демографической динамики современной России, а также различия в представлениях ученых относительно воздействия международной миграции на социально-экономическое развитие Российской Федерации и отдельных регионов страны.

Базирующийся на официальных данных статистический анализ, объектом которого стали особенности демографических процессов в России в 2020 г., позволил выявить повышенные риски негативного воздействия пандемии на демографическую ситуацию в регионах с высоким удельным весом сельского населения. Результаты анализа влияния миграции на воспроизводство сельского населения Российской Федерации и его трудового потенциала в 1990–2018 гг. позволили доказать необходимость международной миграции для устойчивого социально-экономического развития сельских территорий нашей страны.

Результаты исследования. Анализ данных официальной статистики показывает, что в 1991–2019 гг. численность городского населения России немного увеличилась (на 0,1 %), а сельских жителей – сократилась на 4,4 %¹⁵. Рассмотрим основные компоненты изменения численности населения: естественное и миграционное движение.

Рождаемость в российских селах в 1990 г. была существенно выше, чем в городской местности: 15,6 чел. на 1 000 чел. населения против 12,7 промилле¹⁶. Даже 20 лет спустя это соотношение складывалось в пользу сельских территорий: 14 против 12 промилле, но к 2019 г. ситуация изменилась: рождаемость среди сельского населения составила 9,8 чел. на 1 000 чел. населения, среди городских жителей – 10,2 промилле. Если в целом за рассматриваемый

¹⁵ Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 93.

¹⁶ Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. / Росстат. М., 2002. С. 56–57.



период смертность в городской местности немного снизилась (с 10,4 чел. на 1 000 чел. населения до 10,2 промилле), то в селах практически не изменилась (13,3 чел. на 1 000 чел. населения в 1990 и 2019 гг.), хотя по сравнению с серединой 1990-х гг., когда смертность повышалась до 17,5 промилле, прогресс очевиден.

В 2020 г. демографическая ситуация сильно изменилась. По данным Росстата, рождаемость в нашей стране продолжила свое ежегодное снижение, начавшееся с 2016 г. после 4-летнего периода сравнительно высоких показателей: 2012–2015 гг. – 13,2–13,3 родившихся на 1 000 чел. населения, 2016 г. – 12,9 чел., 2017 г. – 11,5, 2018 г. – 10,9, 2019 г. – 10,1¹⁷, 2020 г. – 9,8 промилле. Если показатели рождаемости в 2020 г. в сравнении с 2019 г. уменьшились на 3 %, то смертности – возросли на 18 % (прирост смертности составил 323,8 тыс. чел.), в том числе от COVID-19 в 2020 г. умерли более 162 тыс. чел.¹⁸. Если в предыдущие несколько лет коэффициент смертности оставался на уровне 12,3–12,5 случаев на 1 000 чел. населения¹⁹, то в 2020 г. этот показатель увеличился до 14,5 промилле. В некоторых регионах смертность возросла в большей степени.

Среди 22 регионов, смертность в которых в 2020 г. возросла на 20 % и более, 12 субъектов – с высокой долей сельского населения (всего в нашей стране регионов с удельным весом сельского населения 25 % и более – 49). Именно регионы с высоким удельным весом сельского населения понесли в первый год пандемии наибольшие (в относительном измерении) людские потери: Чеченская Республика – прирост смертности на 44 %, Республика Дагестан – на 32 %. Обращаем внимание на то, что смертность в Чеченской Республике неуклонно снижалась с 2015 г., в Республике Дагестан статистикой зафиксировано ежегодное уменьшение этого показателя с 2010 г. Эти регионы по величине общего коэффициента смертности в России занимали 2-е и 4-е места соответственно: 4,3 и 4,8 случаев на 1 000 чел. населения соответственно против 12,3 промилле (2019 г.)²⁰. 2020 г. нарушил многолетнюю тенденцию.

В число неблагоприятных по росту смертности в 2020 г. регионов вошли 8 из 15 субъектов Приволжского федерального округа. Заметим, что именно в этом федеральном округе численность сельских жителей наибольшая в России – более 22 % общей численности сельского населения страны²¹.

Одна из возможных причин сильно возросшей смертности – недостаточное развитие сети медицинских учреждений, которые в условиях резкого роста числа обращений не справились с нагрузкой. Кроме того, многие

¹⁷ Регионы России: Социально-экономические показатели / Росстат. М., 2020. С. 65.

¹⁸ Росстат назвал число умерших россиян с COVID-19 в 2020 году [Электронный ресурс] // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2021/602132e19a7947073f7ddeb5> (дата обращения: 02.04.2021).

¹⁹ Российский статистический ежегодник. 2020. С. 102.

²⁰ Регионы России: Социально-экономические показатели. 2020. С. 67–68.

²¹ О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. С. 39.



больницы были перепрофилированы, а значит, без должного внимания специалистов были оставлены пациенты с другими заболеваниями. Была отмечена диспансеризация, которая позволяет выявлять заболевания на ранних стадиях. Как правило, число больничных коек в регионах с большим удельным весом сельского населения значительно ниже. Например, в состав Приволжского федерального округа входят 5 регионов, численность сельского населения которых превышает 1/3 общей численности населения, и во всех этих регионах обеспеченность больничными койками в 2019 г. была ниже среднероссийского уровня²².

Подтверждает предположение о неготовности отечественной системы здравоохранения к чрезвычайным ситуациям то обстоятельство, что в 13 из 22 регионов с наибольшим ростом смертности в 2020 г. обеспеченность населения больничными койками была ниже среднероссийского уровня; всего таких регионов в России в 2019 г. было 37. Из 10 субъектов, замыкающих рейтинг регионов по наличию больничных коек в расчете на 10 000 чел. населения, в число особо неблагоприятных по росту смертности в первый год пандемии вошли 5 субъектов: Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Татарстан, Республика Дагестан, г. Москва. Это говорит о том, что высокая смертность в 2020 г. в значительной степени связана с более низкой доступностью лечения в стационарных медицинских учреждениях, оснащенных необходимым оборудованием, а также укомплектованных персоналом, способным работать на нем и при необходимости быстро устранять неисправности.

Усиливает высказанное предположение тот факт, что в число неблагоприятных по росту смертности в 2020 г. вошли регионы – лидеры рынка медицинских услуг – г. Москва и Республика Татарстан. В этих регионах процесс оптимизации системы российского здравоохранения (получивший в народе название «минимизация здравоохранения») шел особенно активно. Если в стране в целом число больничных коек на 10 000 чел. населения в 2010–2019 гг. сократилось на 15 %, то в г. Москве – почти на 1/3 (с 93,4 до 65,1 коек на 10 000 чел. населения), а в Татарстане – на 19 % (с 77,6 до 63,1 коек на 10 000 чел. населения). По данному показателю в 2019 г. указанные регионы находились на 81-м и 82-м месте в стране соответственно (табл. 1).

Кроме того, 17 из 22 регионов с наибольшим ростом смертности в 2020 г. в той или иной степени отставали от среднероссийского уровня по показателю мощности амбулаторно-поликлинических учреждений в расчете на 10 000 чел. населения; всего таких регионов в 2019 г. было 42. Из числа 10 субъектов с наименьшими значениями рассматриваемого показателя 5 вошли в число регионов, особенно неблагоприятных по росту смертности в 2020 г.: республики Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня, Дагестан, Татарстан.

²² Регионы России: Социально-экономические показатели. 2020. С. 397–398.



Таблица 1. Коэффициент смертности в отдельных регионах Российской Федерации и величины некоторых показателей, характеризующих развитие системы здравоохранения²³
 Table 1. The mortality rate in certain regions of the Russian Federation and the value of some indicators characterizing the development of the health care system

Регион / Region	Коэффициент смертности, случаев на 1 000 чел. к 2019 г. / Mortality rate, cases per 1000 people, correlation 2020 to 2019, %	Удельный вес сельского населения, 2019 г. / The proportion of the rural population, 2019	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, на 10 000 чел. населения, посещений в смену, 2019 г. / Capacity of outpatient clinics, admissions per shift, per 10 000 people, 2019 г.	Число больничных коек на 10 000 чел. населения, на конец 2019 г. / Hospital beds per 10 000 people, the end of year 2019
1	2	3	4	5
Российская Федерация / Russian Federation	117,9	25,3	277,5	80,0
Липецкая область / Lipetsk Region	123,8	35,4	356,5	81,9
Московская область / Moscow Region	120,7	18,6	242,4	81,7
г. Москва / Moscow city	122,9	1,6	309,1	65,1
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg city	122,7	–	356,5	83,5
Астраханская область / Astrakhan Region	120,4	33,3	276,1	86,0
Волгоградская область / Volgograd Region	120,6	22,7	266,7	88,2
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	131,9	54,7	119,6	66,6
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	127,6	44,4	201,7	44,1
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	120,7	47,9	221,1	81,5

²³ Там же. С. 47–48, 397–398, 401–402.



Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5
Чеченская Республика / Chechen Republic	144,2	63,1	192,8	57,3
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	122,1	37,5	264,9	77,6
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	124,2	36,2	265,5	78,8
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	126,4	23,1	240,5	63,1
Чувашская Республика / Chuvash Republic	123,2	36,6	338,2	81,3
Оренбургская область / Orenburg Region	123,7	39,4	290,5	77,5
Пензенская область / Penza Region	124,3	31,1	259,3	80,5
Самарская область / Samara Region	124,8	20,2	262,1	72,9
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	121,7	24,2	289,3	78,7
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra	124,6	7,5	245,8	73,8
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamal-Nenets Autonomous Area	127,7	16,0	248,0	75,9
Челябинская область / Chelyabinsk Region	121,4	17,3	324,0	73,9
Омская область / Omsk Region	123,0	27,1	269,4	80,3

Таким образом, проведенный анализ дает основания утверждать, что в большинстве регионов, в которых в 2020 г. был зафиксирован наибольший рост смертности, отмечается отставание по мощности амбулаторно-поликлинических учреждений.

Для всех субъектов с приростом смертности в 2020 г. на уровне 25 % и более, в число которых вошли республики Чечня, Дагестан, Ингушетия, Татарстан, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Самарская область, одновременно характерны сниженная обеспеченность больничными койками и более низкая физическая доступность медицинских услуг, оказываемых амбулаторно. Следовательно, решающее влияние на развитие событий имела именно неготовность региональных систем здравоохранения к работе в условиях пандемии. Подтверждает это предположение и ситуация в Приволжском федеральном округе, в абсолютном большинстве субъектов которого обеспеченность больничными койками находится на уровне ниже среднероссийского. Из 15 субъектов Приволжского федерального округа в число регионов с наиболее значительным ростом смертности в 2020 г. вошли 8 регионов – во всех из них, за исключением Пензенской области (число больничных коек в которой примерно такое же, как в России в целом), сеть стационарных медицинских учреждений развита слабо. 4 из 5 регионов с более развитой медицинской инфраструктурой (включая Нижегородскую область, которая часто фигурировала в списке регионов с наибольшим числом заболевших наряду с Москвой и Санкт-Петербургом) в число неблагополучных по росту смертности населения в 2020 г. субъектов не вошли. Из 8 приволжских регионов с высоким ростом смертности в первый год пандемии COVID-19 для 5 субъектов кроме недостатка мест в стационарных медицинских учреждениях характерна и сниженная доступность амбулаторной медицинской помощи.

Другим примером, подтверждающим высказанное предположение, может стать сравнение между регионами Северо-Кавказского федерального округа, многие из которых вошли в число особенно неблагополучных по росту смертности в 2020 г., в целях выявления факторов, способных повлиять на эту ситуацию (табл. 2).

Сравнение динамики смертности в первый год пандемии COVID-19 и наиболее вероятных объективных факторов риска повышенной заболеваемости (высокая плотность населения) и тяжелого течения болезни (пожилой возраст) показывает, что субъекты Северо-Кавказского федерального округа находятся примерно в равных условиях. Для всех регионов округа характерна высокая плотность населения (наименьшее значение показателя – в Карачаево-Черкесской Республике, которая занимает 33-е место в соответствующем федеральном списке). В рейтинге по продолжительности жизни на самой низкой позиции находится Ставропольский край (12-е место в стране)²⁴.

²⁴ Там же. С. 79.



Т а б л и ц а 2. Отдельные показатели, характеризующие рост смертности и ее возможные риски в первый год пандемии COVID-19²⁵
 T a b l e 2. Selected indicators characterizing the increase in mortality and its possible risks in the first year of the COVID-19 pandemic

Регион / Region	Коэффициент смертности, случаев на 1 000 чел. к 2019 г., % / Mortality rate, cases per 1000 people, correlation 2020 to 2019, %	Плотность населения, чел/км ² , 2019 г. / Population density, person / km ² , 2019	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2019 г. / Life expectancy at birth, 2019	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, на 10 000 чел. населения, посещений в смену, 2019 г. / Capacity of outpatient clinics, admissions per shift, per 10 000 people, 2019 г.	Число больничных коек на 10 000 чел. населения, на конец 2019 г. / Hospital beds per 10 000 people, the end of year 2019
Российская Федерация / Russian Federation	117,9	8,54	73,34	277,5	80,0
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	131,9	62,33	79,10	119,6	66,6
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	127,6	165,09	83,40	201,7	44,1
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	120,7	69,70	76,46	221,1	81,5
Караево-Черкесская Республика / Karachayev-Chircaussian Republic	117,8	32,59	76,21	232,5	68,7
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	116,5	86,78	75,75	275,6	87,5
Чеченская Республика / Chechen Republic	144,2	92,63	75,88	192,8	57,3
Ставропольский край / Stavropol Territory	114,2	42,21	74,66	246,2	81,9

²⁵ Там же. С. 47–48, 397–398, 401–402, 411–412.



В число регионов с наибольшим ростом смертности в 2020 г. вошли 3 республики. Другие северокавказские регионы с примерно такими же рисками повышенной заболеваемости и тяжелого течения болезни, но значительно более высокой доступностью медицинских услуг в число особо неблагоприятных по росту смертности не вошли – Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край. Наиболее показателен пример Республики Северная Осетия – Алания, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений и обеспеченность больничными койками населения которой самые высокие в Северо-Кавказском федеральном округе; по плотности населения этот регион занимает 7-е, а по продолжительности жизни – 8-е место в стране. Это дает основания к тому, чтобы сформулировать рекомендации, касающиеся в основном развития медицинской инфраструктуры и совершенствования организации здравоохранения.

Оценивая риски заражения в сельской местности, следует принять во внимание практически полное отсутствие социальных работников и волонтеров, деятельность которых смогла уберечь многих пожилых россиян, проживающих в городской местности, от заражения особенно губительным для них вирусом. В деревнях помочь одиноким пожилым людям, как правило, некому, во-первых, потому что служба социального обслуживания на селе не развита, во-вторых, потому что сельские жители в своем большинстве не имеют материальной возможности прибегнуть к такой помощи, поскольку она оказывается за плату. Волонтерское движение в сельской местности тоже не развито. Поэтому можно говорить о том, что преимущества сельских жителей в период пандемии, связанные с небольшой плотностью населения, были в значительной мере погашены необходимостью самостоятельно обеспечивать первоочередные потребности, а значит, контактировать с потенциально опасной аудиторией (например, при посещении аптек, магазинов, при поездках на транспорте).

Таким образом, регионы Российской Федерации с высокой долей сельского населения характеризуются высокими рисками смертности в условиях распространения SARS-CoV-2 в связи со слабым развитием медицинской инфраструктуры и системы социальной помощи на дому, а также высоким удельным весом пожилых людей. Для минимизации последствий пандемии на воспроизводство сельского населения необходимо:

- разработать стратегический план развития медицинской инфраструктуры сельских территорий с учетом не только экономической целесообразности, но и национальных целей развития Российской Федерации;
- разработать стандарт медицинских услуг для жителей отдаленных населенных пунктов;
- в каждом регионе разработать детальные планы организации медицинского обслуживания сельского населения в соответствии с утвержденным стандартом;
- на случай новых вспышек SARS-CoV-2 и появления других опасных заболеваний разработать четкий план оказания медицинской помощи



в условиях сниженной обеспеченности жителей сельских территорий местами в стационарных учреждениях здравоохранения, включая модели размещения временных госпиталей;

- оценить потребность регионов в медицинских работниках, наиболее востребованных при появлении эпидемиологической угрозы; организовать подготовку таких кадров (включая переподготовку из числа представителей других медицинских специальностей) за счет средств бюджета с закреплением в договорах минимального срока работы в лечебных учреждениях конкретной территории и необходимости мобилизации в случае возникновения опасности эпидемии, а также мер ответственности за нарушение договора (по примеру контрактов, заключаемых с военнослужащими);

- активизировать работу по вакцинации населения сельских территорий с использованием выездных бригад в отдаленные населенные пункты;

- активизировать усилия по формированию штата социальных работников для обслуживания пожилых граждан, проживающих в сельской местности, включая пересмотр расценок на разные виды социального обслуживания на дому;

- для выявления осложнений после перенесенного COVID-19 разработать схему диагностики, организовать мобильные медицинские бригады и провести диспансеризацию сельского населения.

Представляется, что реализация этих мер позволит не только минимизировать избыточную смертность, вызванную эпидемией, но и будет способствовать улучшению качества жизни сельского населения за счет повышения физической доступности медицинских услуг, что приблизит к достижению национальных целей развития Российской Федерации.

Второе слагаемое развития народонаселения – перераспределение населения между различными территориями (механическое движение). Рассмотрим, в какой мере международная миграция, резко сократившаяся в связи с угрозой распространения новой опасной инфекции, влияет на воспроизводство сельского населения нашей страны.

Приведенные в таблице 3 данные национального статистического ведомства показывают, что единственным направлением, оказывающим положительное влияние на формирование сельского населения, является международная миграция. Перераспределение населения внутри страны способствовало росту численности сельских жителей только в 1991–1993 гг. Причем если в 1991 и 1992 гг. влияние межрегионального обмена было сопоставимо с пополнением от международного потока, то в 1993 г. различие в сальдо миграции по этим направлениями составляло более 10 раз в пользу последнего.

Таким образом, на основании анализа данных официальной статистики можно утверждать, что единственным демографическим фактором, оказывающим положительное влияние на формирование сельского населения Российской Федерации, является международная миграция (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Миграционный прирост населения сельской местности в Российской Федерации, чел.²⁶
 T a b l e 3. Migration growth of the population of rural areas in the Russian Federation, people

Год / Year	Из него в результате / Resultant proportions				
	Миграционный прирост, всего / Migration increase, total	передвижений в пределах России / movement within Russia	внутри регионов / within regions	между регионами / between regions	миграционного обмена населением с зарубежными странами / migration exchange of population with foreign countries
1	2	3	4	5	6
1990	94 094	-40 510	-98 727	58 217	134 604
1991	165 072	85 201	-19 738	104 939	79 871
1992	399 459	200 861	78 582	122 279	198 598
1993	245 349	19 990	-26 176	46 166	225 359
1994	258 319	-65 656	-102 147	36 491	323 975
1995	134 093	-65 922	-102 441	36 519	200 015
1996	80 469	-61 899	-86 196	24 297	142 368
1997	67 857	-91 591	-79 598	-11 993	159 448
1998	55 604	-72 182	-67 632	-4 550	127 786
1999	64 651	-8 574	-25 663	17 089	73 225
2000	10 563	-68 704	-58 336	-10 368	79 267
2001	-73 689	-91 017	-68 649	-22 368	17 328

²⁶ Демографический ежегодник России. 2019 / Росстат. М., 2019. 7.1.



Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
2002	-47 156	-65 705	-50 854	-14 851	18 549
2003	-49 284	-57 890	-45 673	-12 217	8 606
2004	-45 680	-55 940	-41 388	-14 552	10 260
2005	-26 876	-55 847	-37 393	-18 454	28 971
2006	-33 853	-72 139	-50 688	-21 451	38 286
2007	-7 786	-78 938	-55 996	-22 942	71 152
2008	-27 150	-100 508	-69 890	-30 618	73 358
2009	-3 843	-81 604	-51 312	-30 292	77 761
2010	-96 011	-141 330	-93 079	-48 251	45 319
2011	-150 518	-230 998	-155 835	-75 163	80 480
2012	-166 630	-235 241	-158 822	-76 419	68 611
2013	-177 151	-245 032	-173 903	-71 129	67 881
2014	-137 871	-204 808	-160 071	-44 737	66 937
2015	-47 535	-119 665	-89 053	-30 612	72 130
2016	-36 462	-97 920	-81 690	-16 230	61 458
2017	-47 296	-97 886	-90 111	-7 775	50 590
2018	-69 469	-101 267	-102 448	1 181	31 798



В структуре миграционного прироста населения России вследствие международной миграции преобладают выходцы из стран СНГ: на уроженцев Таджикистана приходится 25 % миграционного прироста, на граждан Казахстана – 21, Украины – 12, Армении – 11,5, Азербайджана и Киргизии – по 7, Молдовы и Беларуси – по 6, Узбекистана – 5,5, Туркменистана – 2 % (2018 г.).

Для жителей стран дальнего зарубежья привлекательность России в последние годы резко снизилась: в 2012 г. миграционный прирост по этому потоку составлял 26,5 тыс. чел., в 2015 г. – 8,1 тыс. чел., в 2018 г. сальдо миграции стало отрицательным – -4 222 чел. Миграционный прирост в обмене со странами дальнего зарубежья в 2018 г. отмечался только по нескольким направлениям, а именно: Грузия (+2 031 чел.), Абхазия (+766), Вьетнам (+684), Турция (+672), Афганистан (+570 чел.). Положительным, но очень незначительным было сальдо миграционного обмена с Сирийской Арабской Республикой, Латвией, Литвой, Грецией, Эстонией и Францией²⁷.

Среди иностранных мигрантов преобладают выходцы из стран, для которых характерны многодетные семьи. Это значит, что ограничение притока граждан из стран с традиционно высокой рождаемостью скажется на численности сельского населения России не только в краткосрочном, но и в долгосрочном периоде.

Реализация мер по благоустройству села, развитию транспортной и социальной инфраструктуры, созданию новых рабочих мест, обеспечению доступности сельских жителей к качественным услугам в сфере здравоохранения, образования, культуры должны способствовать созданию условий для предотвращения оттока населения из сельской местности, привлечению специалистов для работы на селе. Однако, принимая во внимание выявленное усиление негативного воздействия основных факторов демографической динамики, осмелимся предположить, что достижение цели по стабилизации удельного веса сельского населения на уровне 25,1 % начиная с 2025 г. может быть затруднено и потребует дополнительных усилий.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ показывает, что главным фактором сбережения сельского населения современной России является международная миграция. Введенные в 2020 г. санитарные ограничения способны оказать значительное влияние на формирование населения и трудового потенциала сельских территорий. Поэтому наряду с мерами, направленными на создание благоприятных условий жизни, необходимо разработать региональные стратегии по привлечению иностранных мигрантов для работы на предприятиях агропромышленного комплекса и их закреплению на территориях временного пребывания.

Для минимизации воздействия пандемии на воспроизводство сельского населения предложено: разработать стратегический план развития медицинской инфраструктуры сельских территорий, при этом учитывать не только

²⁷ Там же. 7.2.



экономическую целесообразность, но и национальные цели развития России; подготовить стандарт медицинского обслуживания жителей отдаленных населенных пунктов; в каждом регионе составить планы организации медицинского обслуживания сельского населения в соответствии с утвержденными стандартами; активизировать работу по вакцинации населения сельских территорий с использованием выездных бригад; для выявления осложнений после перенесенного COVID-19 создать схему диагностики, организовать мобильные медицинские бригады и провести диспансеризацию сельского населения; наряду с мерами, направленными на предотвращение (сокращение) оттока жителей из сел и деревень, необходимо в каждом регионе разработать стратегии по привлечению и закреплению на их территории иностранных граждан.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения его результатов при корректировке федеральных и региональных программ, направленных на стабилизацию демографической ситуации в сельской местности Российской Федерации и преодоление негативных последствий пандемии. Требуется детальное изучение особенностей развития эпидемиологического процесса в сельской местности в целях совершенствования системы организации здравоохранения. Материалы исследования могут быть полезны научным работникам и практикующим специалистам, занимающимся проблемами демографического развития сельских территорий, а также обучающимся по направлениям «Демография», «Экономическая социология», «Государственное и муниципальное управление».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106–143. doi: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>
2. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 2. С. 18–33. doi: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02>
3. Архангельский В. Н. Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 2. С. 59–69. doi: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69>
4. Елизаров В. В., Архангельский В. Н., Джанаева Н. Г. Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 4. С. 85–96. doi: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10084>
5. Penina O., Jdanov D. A., Grigoriev P. Producing Reliable Mortality Estimates in the Context of Distorted Population Statistics: The Case of Moldova. MPIDR Working Paper WP 2015-011. Rostock, 2015. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2015-011.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).



6. Muradov S. Demographic Trends in Azerbaijan on the Threshold of the Twenty-First Century // *Sociological Research*. 2001. Vol. 40, issue 3. Pp. 34–43. doi: <https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154400334>
7. Agadjanian V., Makarova E. From Soviet Modernization to Post-Soviet Transformation: Understanding Marriage and Fertility Dynamics in Uzbekistan // *Development and Change*. 2002. Vol. 34, issue 3. Pp. 447–473. doi: <https://doi.org/10.1111/1467-7660.00314>
8. Cleuziou J. ‘A Second Wife is not really a Wife’: Polygyny, Gender Relations and Economic Realities in Tajikistan // *Central Asia Survey*. 2015. Vol. 36, issue 1. Pp. 76–90. doi: <https://doi.org/10.1080/02634937.2015.1088228>
9. Shemyakina O. Patterns in Female age at First Marriage and Tajik Armed Conflict // *European Journal of Population*. 2013. Vol. 29, issue 3. Pp. 303–343. doi: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9289-2>
10. Dommaraju P., Agadjanian V. Nuptiality in Soviet and Post-Soviet Central Asia // *Asian Population Studies*. 2008. Vol. 4, issue 2. Pp. 195–213. doi: <https://doi.org/10.1080/17441730802247463>
11. Agadjanian V. Post-Soviet Paradoxes: Ethnic Differences in Marriage and Fertility in Kazakhstan // *Sociological Forum*. 1999. Vol. 14, issue 3. Pp. 425–446. doi: <https://doi.org/10.1023/A:1021447602704>
12. Nedoluzhko L., Agadjanian V. Between Tradition and Modernity: Marriage Dynamics in Kyrgyzstan // *Demography*. 2015. Vol. 52, issue 3. Pp. 861–882. doi: <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0393-2>
13. Werner C. Bride Abduction in Post-Soviet Central Asia: Marking a Shift Towards Patriarchy Through Local Discourses of Shame and Tradition // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2009. Vol. 15, issue 2. Pp. 314–331. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2009.01555.x>
14. Katus K., Puur A., Sakkeus L. Family Formation in Baltic Countries: A Transformation in the Legacy of State Socialism // *Journal of Baltic Studies*. 2008. Vol. 39, issue 2. Pp. 123–156. doi: <https://doi.org/10.1080/01629770802031218>
15. Padilla B., Ortiz A. Fluxos migratórios em Portugal: do boom migratório à desaceleração no contexto de crise. Balanços e desafios // *Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana*. 2012. Vol. 20, no. 39. Pp. 159–184. doi: <https://doi.org/10.1590/S1980-85852012000200009>
16. The Czech Republic: On its Way from Emigration to Immigration Country / D. Drbohlav [et al.]. IDEA Working Papers. 2009. No. 11. 124 p. URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2004/SOC732/um/Drbohlav_et.al._2009_The_Czech_Republic.On_its_way_from_emigration_to_immigration_country.pdf (дата обращения: 02.04.2021).
17. Chagnon J. Migration: International, 2010 and 2011. Report on the Demographic Situation in Canada. Component of Statistics Canada. 2013. 15 p. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/91-209-x/2013001/article/11787-eng.pdf?st=TR9vONsi> (дата обращения: 02.04.2021).
18. Navarro A., Tapiador F. J. RUSEM: A Numerical Model for Policymaking and Climate Applications // *Ecological Economics*. 2019. Vol. 165. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106403>
19. Рыбаковский Л. Л. Миграционная политика в контексте национальных интересов России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 12. С. 35–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17100554> (дата обращения: 08.04.2021).



20. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Цели стратегии миграционного развития России // Народонаселение. 2018. № 1. С. 22–30. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6606/6507> (дата обращения: 09.04.2021).

21. Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126. doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>

22. Панькин П. В. Миграционное воздействие на рынок труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11. С. 47–49. doi: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10148>

23. Вахаев Х. М., Алексеев С. В. Трудовая миграция и национальная безопасность России // Право и безопасность. 2011. № 3–4. С. 76–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17714733> (дата обращения: 19.04.2021).

24. Гаврилова Т. М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 27. С. 67–74. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=41855> (дата обращения: 19.03.2021).

25. Волох В. А., Суворова В. А. Концепция государственной миграционной политики России – основа миграционной безопасности страны // Национальная безопасность. 2013. № 3. С. 1–16. doi: <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.3.713>

26. Дементьев Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7. С. 38–41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17251262> (дата обращения: 19.03.2021).

Поступила 11.05.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

Об авторе:

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний Проспект, д. 57/43), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Frejka T., Zakharov S. Fertility Trends in Russia During the Past Half Century: Period and Cohort Perspectives. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2014; (1):106–143. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>

2. Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V., Shulgin S.G. Age Structure as a Factor of the Future Population Dynamics. *Narodonaselenie* = Population. 2018; 21(2):18–33. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-02>

3. Arkhangelsky V.N. Fertility in Real Generations of Russian Women: Trends and Regional Differences. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = Economics, Taxes & Law. 2019; 12(2):59-69. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69>
4. Yelizarov V.V., Arkhangelskiy V.N., Dzhanyayeva N.G. Differentiation of Assessments of Significance of Measures of Assistance to Families with Children. *Uroven zhizni nasele-niya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2019; 15(4):85-96. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10084>
5. Penina O., Jdanov D.A., Grigoriev P. Producing Reliable Mortality Estimates in the Context of Distorted Population Statistics: The Case of Moldova. MPIDR Working Paper WP 2015-011. Rostock; 2015. Available at: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2015-011.pdf> (accessed 02.04.2021). (In Eng.)
6. Muradov S. Demographic Trends in Azerbaijan on the Threshold of the Twenty-First Century. *Sociological Research*. 2001; 40(3):34-43. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154400334>
7. Agadjanian V., Makarova E. From Soviet Modernization to Post-Soviet Transformation: Understanding Marriage and Fertility Dynamics in Uzbekistan. *Development and Change*. 2002; 34(3):447-473. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/1467-7660.00314>
8. Cleuziou J. A Second Wife is not really a Wife': Polygyny, Gender Relations and Economic Realities in Tajikistan. *Central Asia Survey*. 2015; 36(1):76-90. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/02634937.2015.1088228>
9. Shemyakina O. Patterns in Female age at First Marriage and Tajik Armed Conflict. *European Journal of Population*. 2013; 29(3):303-343. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9289-2>
10. Dommaraju P., Agadjanian V. Nuptiality in Soviet and Post-Soviet Central Asia. *Asian Population Studies*. 2008; 4(2):195-213. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/17441730802247463>
11. Agadjanian V. Post-Soviet Paradoxes: Ethnic Differences in Marriage and Fertility in Kazakhstan. *Sociological Forum*. 1999; 14(3):425-446. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1023/A:1021447602704>
12. Nedoluzhko L., Agadjanian V. Between Tradition and Modernity: Marriage Dynamics in Kyrgyzstan. *Demography*. 2015; 52(3):861-882. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0393-2>
13. Werner C. Bride Abduction in Post-Soviet Central Asia: Marking a Shift Towards Patriarchy Through Local Discourses of Shame and Tradition. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2009; 15(2):314-331. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2009.01555.x>
14. Katus K., Puur A., Sakkeus L. Family Formation in Baltic Countries: A Transformation in the Legacy of State Socialism. *Journal of Baltic Studies*. 2008; 39(2):123-156. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/01629770802031218>
15. Padilla B., Ortiz A. Migration Flows in Portugal: From Migration Boom to Slowdown in Context of Crisis. Balance and Challenges. *Revista Interdisciplinar da Mobilidade Humana*. 2012; 20(39):159-184. (In Portugal) doi: <https://doi.org/10.1590/S1980-85852012000200009>
16. Drbohlav D., Lachmanova-Medova L., Čermak Z., Janska E., Čermakova D., Dzuurova D. The Czech Republic: On its Way from Emigration to Immigration Country. IDEA Working Papers. 2009; (11). Available at: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2004/SOC732/um/Drbohlav_et.al._2009._The_Czech_Republic.On_its_way_from_emigration_to_immigration_country.pdf (accessed 02.04.2021). (In Eng.)



17. Chagnon J. Migration: International, 2010 and 2011. Report on the Demographic Situation in Canada. Component of Statistics Canada. 2013. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/91-209-x/2013001/article/11787-eng.pdf?st=TR9vONsi> (accessed 02.04.2021). (In Eng.)

18. Navarro A., Tapiador F. J. RUSEM: A Numerical Model for Policymaking and Climate Applications. *Ecological Economics*. 2019; 165. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106403>

19. Ribakovskiy L.L. Migration Policy in the Context of National Interests of Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2011; (12):35-43. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17100554> (accessed 08.02.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Objectives of the Russian Migration Development. *Narodonaselenie* = Population. 2018; (1):22-30. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6606/6507> (accessed 09.01.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Ryazantsev S.V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2019; (9):117-126. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>

22. Pankin P.V. Migration Impact on the Labor Market in Russia. *Jekonomika i biznes: teoriya i praktika* = Journal of Economy and Business. 2020; (11):47-49. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10148>

23. Vakhaev Kh.M., Alekseev S.V. Labour Migration and the National Security of Russia. *Pravo i bezopasnost* = Law and Security. 2011; (3-4):76-86. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17714733> (accessed 19.10.2020) (In Russ., abstract in Eng.)

24. Gavrilova T.M. Influence of Migratory Processes on Economic Security of Russia. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2011; (27):67-74. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=41855> (accessed 19.10.2020) (In Russ., abstract in Eng.)

25. Volokh V.A., Suvorova V.A. The State Migration Policy Concept of Russia: Basis for the Migration Security of the State. *Natsionalnaya bezopasnost* = Security Issues. 2013; (3):1-16. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.3.713>

26. Dementyev N.V. External Labour Migration as the Indicator of Economic Safety of Russia. *Sotsialno-jekonomicheskie javleniya i processy* = Social-Economic Phenomena and Processes. 2011; (7):38-41. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17251262> (accessed 19.10.2020) (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 11.05.2021; approved after reviewing 20.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

About the author:

Lyudmila N. Lipatova, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospekt VO, St. Petersburg 199178, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 338.2:332.14

DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.178-203

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Состояние организационной культуры промышленных кластеров региона

О. Б. Томилин^{1*}И. М. Фадеева^{1,2}О. О. Томилин¹

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация),
* tomilinob@mail.ru

² Российский научно-исследовательский институт экономики, политики
и права в научно-технической сфере (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация

Введение. Исследования организационной культуры в российских компаниях как инструмента повышения эффективности производственной деятельности активно осуществляются с начала XXI в. В связи с этим изучение диагностики новых характеристик организационной культуры предприятий, прогноз их реакций на изменения внешней среды и систем управления являются актуальной задачей. Цель статьи – провести диагностику равновесного состояния промышленных предприятий ряда кластеров Республики Мордовия на основе новых характеристик организационной культуры, дать качественное описание влияния различных социально-демографических групп внутри рассматриваемых кластеров на существующую организационную культуру.

Материалы и методы. Исследование проводилось в 2019 г. по адаптированной методике OSAI. Опрошено 458 респондентов из 7 промышленных предприятий Республики Мордовия. Полученные результаты структурировались и обобщались в рамках двух групп кластеров промышленных предприятий, отличающихся друг от друга по типу производственной деятельности и по количеству работников.

© Томилин О. Б., Фадеева И. М., Томилин О. О., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Результаты исследования. На организационную культуру промышленного предприятия доминирующее влияние оказывает экономическое и административно-управленческое состояние региона. Установлено, что настоящее состояние профиля организационной культуры предприятий пока еще не совпадает с равновесным, обеспечивающим наиболее благоприятные условия для устойчивого динамичного развития. Желаемое состояние профиля организационной культуры промышленных предприятий региона демонстрирует стремление работников к достижению равновесного состояния. Показано, что административно-управленческий персонал испытывает большее напряжение в своей деятельности относительно производственного персонала, что обусловлено ответственностью за настоящее и перспективное состояние предприятия.

Обсуждение и заключение. На организационную культуру промышленных предприятий значительное воздействие оказывают региональные особенности, которые обусловлены состоянием экономики, регионального рынка труда и административного управления регионом. Полученные результаты могут служить основой для принятия организационных изменений, приводящих к повышению эффективности производственной деятельности предприятий. Материал статьи полезен руководителям промышленных предприятий Мордовии при разработке программ развития предприятий региона как эффективных и полноправных участников рыночной экономики.

Ключевые слова: организационная культура, диагностика организационной культуры, методика OCAI, общекультурный вектор, равновесное состояние, промышленные предприятия, кластеры, устойчивое развитие

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Научно-исследовательская работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Мордовия № 18-411-130018 «Организационная культура промышленных предприятий Республики Мордовия (на примере инновационного и промышленного кластеров)».

Для цитирования: Томилин О. Б., Фадеева И. М., Томилин О. О. Состояние организационной культуры промышленных кластеров региона // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 178–203. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.178-203>

Original article

The State of the Organizational Culture of Industrial Clusters in the Region

O. B. Tomilin^{a*}, I. M. Fadeeva^{a,b}, O. O. Tomilin^a

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),
* tomilinob@mail.ru

^b Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (Moscow, Russian Federation)

Abstract

Introduction. The study of organizational culture of Russian companies as a tool of improving production efficiency has been actively carried out since the beginning of the XXI century. In this regard, the study of diagnostics of new characteristics of the organizational culture of enterprises and the prediction of their responds to changes in the external environment and management systems is an topical task. The aim of the article is to carry out sustainability diagnostics of industrial enterprises of the Republic of Mordovia based on new characteristics

of organizational culture, as well as to determine the factors that have an impact on various socio-demographic groups involved in the clusters of the industrial enterprises.

Materials and Methods. The study was conducted in 2019 using the expert evaluation method in accord with the adapted OCAI methodology. In the study 458 respondents of 7 industrial enterprises of the Republic of Mordovia were interviewed. The obtained expert evaluations were arranged and generalized in the framework of two groups of industrial clusters of the Republic of Mordovia. The clusters differed from each other by the types of their production and the number of employees.

Results. The study shows that the economic and administrative-management status of the region have a major impact on the current organizational culture of the industrial enterprises. It was found that the current profile of organizational culture of the enterprises has not achieved a balance ensuring most favorable conditions for sustainable development. The desired profile of organizational culture of the regional enterprises shows the aspiration of employees, regardless of their job positions, to achieve the balance state. The study has revealed that administrative and management personnel are more stressed than production personnel due to the responsibility for the current and future state of the enterprise.

Discussion and Conclusion. The research analyzes the influence of the specifics of the industrial activities of enterprises on achieving a balanced state of organizational culture as a condition for sustainable development. It shows that the development of organizational culture of industrial enterprises is affected by major regional influence consisting of a set of factors that characterizes the state of the economy, the regional labor market and the administrative management of the region. The implementation of organizational changes leading to an increase in the efficiency of the industrial activities of enterprises can be carried out on the basis of the results of this study. The article can be used by the heads of industrial enterprises of Mordovia to map an integral program for the development of the regional enterprises as efficient and fully-fledged participants of market economy.

Keywords: organizational culture, diagnostics of organizational culture, OCAI methodology, general cultural vector, equilibrium state, industrial enterprises, cluster groups

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Mordovia within the framework of the research project No. 18-411-130018 “Organizational culture of industrial enterprises of the Republic of Mordovia: a study of innovative and industrial clusters”.

For citation: Tomilin O.B., Fadeeva I.M., Tomilin O.O. The State of the Organizational Culture of Industrial Clusters in the Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1): 178-203. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.178-203>

Введение. Поиск оптимального состояния организационной культуры, обеспечивающего устойчивое развитие компании в рыночных условиях, является фундаментальной задачей управления предприятиями. Возможно ли решение этой задачи в рамках общепринятых традиционных методов управленческой теории и практики? В своем исследовании К. Камерон и Р. Куинн показали, что за период 1990–2000 гг. из первых 500 самых крупных компаний списка журнала Fortune Magazine только 29 фирм сохранили свое положение¹. Более детальный анализ результатов применения основных инструментов проводимых

¹ Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменения организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 311 с.



преобразований, а именно менеджмента всеобщего качества (TQM), сокращения численности персонала, реинжиниринга, показывает отсутствие изменения эффективности производственной деятельности примерно в 70 % организаций. Качество в его традиционной интерпретации заменяется его суррогатом – востребованностью, производительность труда ухудшилась после сокращения численности персонала, реинжиниринг оказался затратной суетой.

Итак, можно однозначно утверждать, что применение чисто экономических подходов к организации деятельности промышленных предприятий не является эффективным решением отмеченной фундаментальной задачи. Причина такого результата заключается в том, что классическая теория менеджмента организации не обращается к учету субъектности в производственной деятельности. Результаты многих исследований доказывают, что человеческий фактор в значительной степени определяет адаптационный потенциал организации к внешним воздействиям² [1–3]. Это означает, что достижение устойчивого развития предприятия обуславливается состоянием «социального самочувствия» человека в рамках принятых норм и правил производственной деятельности организации. Неслучайно ряд российских исследователей отмечает, что социологический анализ культурных изменений является «наиболее слабым звеном научных исследований современного российского общества» [4, с. 24]. Диагностика этого состояния позволяет дать интегральную по социально-демографической группе картину организационной культуры предприятий.

Поиск оптимального состояния организационной культуры на современных предприятиях в рыночных условиях может основываться как на движении «снизу вверх» (аналитическая социология), так и на движении «сверху вниз» (экономические методы теории менеджмента). Каждый из этих подходов представляет собой не антагонистическое самостоятельное описание многомерного явления – адаптационного потенциала организации к внешним воздействиям, а основания для динамического эффективного управления.

Цель статьи – на основе использования новых характеристик организационной культуры провести диагностику равновесного состояния промышленных предприятий ряда кластеров Республики Мордовия и качественное описание влияния различных социально-демографических групп на существующую организационную культуру внутри рассматриваемых кластеров.

Обзор литературы. Понятие «организационная культура» – сложный системный феномен в современной теории управления, показавший значимость своего практического применения в достижении эффективной деятельности организаций. В обществах с рыночной экономикой этому феномену уделяется пристальное внимание³. В работах современных зарубежных авторов исследуются различные аспекты влияния организационной культуры предприятий

² Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации / пер. с англ. В. Кузина. 5-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 512 с.

³ Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменения организационной культуры.

на их эффективность [5]. Организационная культура рассматривается как инструмент для достижения лучших показателей успеха предприятий в жесткой конкурентной среде [6], как предпосылка их устойчивости [7] и выработка соответствующей стратегии поведения на рынке [8]. Безусловно, развитие организационной культуры должно согласовываться с жизненным циклом корпорации: ее расцветом или упадком⁴. В России изучение этого феномена представляется не только накоплением различных практик диагностики организационной культуры, но и поиском и обоснованием новых характеристик социальной среды организаций, развивающихся в турбулентных условиях, прогноз их реакций на изменения внешней среды и систем управления [1; 9–11].

Анализ современной литературы показывает, что понятийный и инструментальный аппарат организационной культуры используется в современных концепциях повышения эффективности производства, таких как, например, концепция бережливой экономики [12], концепция управления ценностями [13], концепции устойчивого развития [14; 15]. Общее рассмотрение взаимосвязи организационной культуры, диагностированной по методике OCAI, и эффективность производства стали предметом самостоятельных исследований⁵ [16–23]. Особый интерес представляют исследования, проведенные в рамках метода конкурирующих ценностей, влияния характера производственной деятельности современных предприятий на состояние их организационной культуры. Рассмотрены логистические [6], телекоммуникационные предприятия [8; 24], предприятия горнодобывающей промышленности [25], строительной индустрии [26–28], гостиничного бизнеса [29], образовательной сферы [30], дизайнерских студий [31; 32], автомобильной промышленности [33].

Средства диагностики организационной культуры, основанные на социологических измерениях различных ценностей, достаточно многообразны. Основные типологии организационной культуры достаточно хорошо систематизируются в рамках метода конкурирующих ценностей [34; 35].

Проведенный обзор научной литературы по использованию в рамках метода конкурирующих ценностей диагностики организационной культуры предприятий с различной производственной деятельностью показывает, что данный подход является современным инструментом анализа условий повышения эффективности производства. Поэтому исследование диагностики состояния организационной культуры на основе новых характеристик, построенных в рамках методики OCAI, является актуальной задачей.

Материалы и методы. Настоящее исследование проведено в 2019 г. по адаптированной методике OCAI⁶. В методике OCAI используются два направления измерения конкурирующих ценностей: «гибкость – стабильность»

⁴ Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации.

⁵ Abdelghany S. Role of Organization Culture and Its Influence / Columbia Southern University. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/337831487_Role_of_Organization_Culture_and_Its_Influence (дата обращения: 28.05.2021).

⁶ Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменения организационной культуры.



и «внутренняя направленность – внешняя направленность». Пересечение измерений порождает поля (квадранты) базовых организационных культур: иерархическая культура – стабильность и фокус на внутренней направленности организации; клановая культура – гибкость и фокус на внутренней направленности организации; рыночная культура – стабильность и фокус на внешней направленности организации; адхократическая культура – гибкость и фокус на внешней направленности организации. Оценки вкладов базовых организационных культур устанавливаются усреднением экспертных оценок шести ключевых параметров:

- доминирующие характеристики (уровень командной работы, креативность, ориентация на конкуренцию и цели);
- организационное лидерство (стиль руководства организацией);
- управление сотрудниками (уровень участия, консенсус и т. д.);
- организационное единство (сплоченность работников);
- стратегические акценты (развитие сотрудников, стабильность, постановка целей);
- критерии успеха (доля рынка, стоимость продукции и т. д.).

Для каждого ключевого параметра предлагалось распределить 100 баллов между 4 формулировками, характерными для базовых организационных культур, исходя из собственного видения состояния диагностируемой организации. Существенные результаты в применении метода конкурирующих ценностей достигнуты при использовании методики OCAI, позволяющей построить в декартовой системе координат количественное описание профиля организационной культуры в виде четырехугольника, диагонали L_1 и L_2 которого связаны нормирующим соотношением $L_1 + L_2 = 100$. В этом случае профиль организационной культуры представляет собой интегральный отклик респондентов на управленческие, производственные, коммуникационные связи, существующие в организации при совместной деятельности работников.

В статье Н. П. Макаркина, О. Б. Томила, А. В. Бритова, исходя из геометрических свойств четырехугольника, установлена новая характеристика профиля организационной культуры в методике OCAI – общекультурный вектор \vec{P} , который представляет собой синергетический результат взаимодействия базовых (клановой, адхократической, рыночной и иерархической) организационных культур [36]. Найденные усредненные количественные вклады a, b, c, d базовых культур, выражающие их процентные вклады, можно представить векторами $\vec{a}, \vec{b}, \vec{c}, \vec{d}$. Интегральной характеристикой состояния организационной культуры в этом случае будет общекультурный вектор $\vec{P} = (\vec{a} + \vec{b} + \vec{c} + \vec{d})$. Направление и длина вектора \vec{P} характеризуют качественно (направление) и количественно (длина) доминанту базовой культуры в состоянии организационной культуры. Доминирующее влияние базовых организационных культур можно установить по положению вектора \vec{P} (рис. 1). «Длина вектора \vec{P} может служить мерой лабильности (неустойчивости) отклика деятельности работников организации на влияние внешней среды» [36],

причем неустойчивость как совокупный результат эмоциональной, интеллектуальной, психологической лабильности является прямой характеристикой адаптационного потенциала организационной культуры.

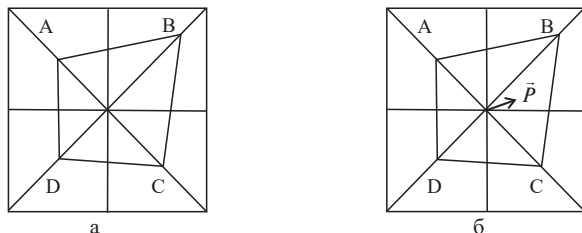


Рис. 1. Геометрическое представление профиля организационной культуры в методе конкурирующих ценностей: а – профиль организационной культуры⁷ (А – клановая культура, В – адхократическая культура, С – рыночная культура, D – иерархическая культура), б – общекультурный вектор [36]

Fig. 1. Geometric representation of the profile of organizational culture using the method of competing values: а – the profile of organizational culture according (A – clan culture, B – adhocratic culture, C – market culture, D – hierarchical culture), б – general cultural vector [36]

Длина вектора $|\vec{P}| = 0$ достигается, когда геометрическими образами профиля организационной культуры является квадрат или ромб. Такие состояния организационной культуры можно считать равновесными, так как, следуя определению общекультурного вектора, они обладают максимальным адаптационным потенциалом к внешним воздействиям, следовательно, обеспечивают устойчивое развитие. Как показано ранее в нашей статье, если сопоставлять адаптационный потенциал площади четырехугольника, то профилем истинного равновесного состояния организационной культуры является квадрат [37]. Возможные ромбы соответствуют квазиравновесным состояниям. В целом «жизненный цикл» организационной культуры можно представить следующей цепочкой квазиравновесных и равновесного состояний (рис. 2).

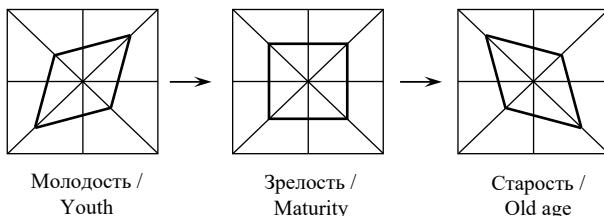


Рис. 2. Стадии «жизненного цикла» организационной культуры в равновесном состоянии [38]

Fig. 2. The stages of the “life cycle” of organizational culture in an equilibrium state

⁷ По: Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменения организационной культуры.



Таким образом, по нашему мнению, использование длины общекультурного вектора $|P|$ количественно характеризует степень отклонения организационной культуры предприятия от равновесного состояния, обеспечивающего устойчивое динамичное развитие, и может служить инструментом, оценивающим меру напряженности в деятельности предприятия.

В известном смысле организационную культуру, следуя теории динамической психологии К. Левина⁸, можно рассматривать как поле, в котором человек осуществляет свою производственную деятельность. Потенциал этого поля генерируется принятым в организации ценностным и нормативным паттерном. Эффект деятельности организации определяется совокупным результатом как волевого, так и полевого поведения каждого из членов коллектива. Естественно, что человек в своей производственной деятельности стремится к психологической разрядке, достигая состояния личностного комфорта. Классическая триада изменений К. Левина «размораживание – изменения – замораживание» неявно постулирует существование для человека некоторого особого равновесного состояния поля, в котором он живет и работает.

Классический экономический анализ П. Самуэльсона основывается на двух предположениях: существование экономического максимума (принцип максимизации) и существование условий экономического равновесия. При этом условия экономического равновесия представляют собой обобщение термодинамического принципа подвижного равновесия Ле-Шателье⁹. В свою очередь Н. П. Макашкин, О. Б. Томилин и А. В. Бритов полагают: «Существенным результатом обобщения явилось утверждение, что равновесное (квазистатическое) состояние является особым случаем динамических процессов» [36] и достигается при существующих функциональных связях и параметрах. Условия равновесия являются условиями стабильности, необходимыми для динамичного развития системы, в том числе динамичного экономического развития промышленного предприятия.

В ходе проведенного исследования опрошено 458 респондентов из 7 промышленных предприятий Республики Мордовия. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. Полученные результаты структурировались и обобщались в рамках двух групп кластеров промышленных предприятий, отличающихся друг от друга по типу продукции производственной деятельности и по количеству работников, занятых на предприятии [34].

Первая группа кластеров:

- машиностроительный кластер (кластер «Машина») – 2 предприятия (ООО «Рузхиммаш», АО «Медоборудование»);
- добывающий кластер (кластер «Руда») – 1 предприятие (АО «Мордовцемент»);

⁸ Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. Е. Сурпина. СПб. : Речь, 2000. 368 с.

⁹ Самуэльсон П. А. Принципы максимизации в экономическом анализе (Нобелевская лекция). THESIS, 1993. Вып. 1. С. 184–202.



- оптоволоконный кластер (кластер «Кабель») – 3 предприятия (ООО «ЭМ-Кабель», ООО «Саранскабель-Оптика», ООО «ЭМ-Пласт»;
- кластер электроники (кластер «Электроника») – 1 предприятие (АО «Орбита»).

Предприятия машиностроительного и добывающего кластеров, как правило, выпускают относительно массовую готовую продукцию широкого ассортимента для конечного потребителя преимущественно по традиционным технологиям, поэтому занимают относительно устойчивое положение на рынке. Высокий уровень механизации производственной деятельности требует обширной регламентации существующих производственных процессов для обеспечения качества продукции. Производственная деятельность предприятий оптоволоконного кластера и кластера электроники является высокотехнологичной по своему характеру. Это обстоятельство обуславливает более высокий уровень конкуренции производимой продукции.

Вторая группа кластеров:

- кластер региональных крупных предприятий (кластер А) – 2 предприятия;
- кластер региональных средних предприятий (кластер В) – 2 предприятия;
- кластер региональных малых предприятий (кластер С) – 3 предприятия.

Классификация кластеров предприятий осуществлялась с точки зрения регионального масштаба по численности работников: кластер региональных крупных предприятий – 1000–3000 чел., кластер региональных средних предприятий – 500–700 чел., кластер региональных малых предприятий – 150–350 чел.

Предприятия кластера А выпускают достаточно массовую готовую продукцию широкого ассортимента для конечного потребителя благодаря преимущественно традиционным технологиям, поэтому занимают устойчивое положение на рынке. Например, производство цемента и асбоцементных изделий. Предприятия кластера В производят относительно массовую высокотехнологичную узкоспециализированную продукцию для конечного потребителя, поэтому для них характерны либо проблемы вхождения на рынок с высоким уровнем конкуренции, либо проблемы сохранения своего положения на рынке (например, производство электрического кабеля различного предназначения). Предприятия кластера С чаще всего выпускают узкоспециализированную продукцию для конечного потребителя как по традиционным, так и по высокотехнологичным технологиям, поэтому для них характерны проблемы сохранения своего положения на рынке благодаря поддержанию требуемого качества результатов производственной деятельности (например, производство медицинского оборудования).

Все респонденты разбиты на следующие группы: АУП – административно-управленческий персонал, ПП – производственный персонал, СПО(квр) – группа работников со средним профессиональным образованием по программам подготовки квалифицированных рабочих, СПО(ссз) – группа работников со средним профессиональным образованием по программам подготовки



специалистов среднего звена, ВО – группа работников с высшим образованием, 18–34 года, 35–53 года, старше 54 лет – группы работников данного возрастного состава. Распределение респондентов по рассматриваемым кластерам представлено в таблице 1.

Результаты исследования. В таблице 2 представлены длины общекультурного вектора $|\bar{P}|$, найденные для профилей настоящего и желаемого состояний организационной культуры кластеров предприятий региона, классифицированных по характеру производственной деятельности, а также величины $|\bar{P}|$ для целевых групп: административно-управленческий персонал (АУП) и производственный персонал (ПП) каждого из рассмотренных кластеров.

Как видно из данных таблицы 2, на профиль настоящего состояния организационной культуры рассмотренных промышленных предприятий доминирующее влияние оказывает экономическое и административно-управленческое состояние региона (региональное влияние), определяющие условия развития. Длина общекультурного вектора $|\bar{P}|$ настоящего состояния для 3 из 4 кластеров промышленных предприятий независимо от характера их производственной деятельности примерно равна 10. Меньшее значение $|\bar{P}|$ для кластера «Кабель» обусловлено как уровнем менеджмента, так и положением предприятия на рынке производства оптоволоконного кабеля, который составляет примерно 50 % общероссийского рынка данной продукции.

Существенно также, что желаемое состояние организационной культуры, по мнению респондентов, представляется профилем, достаточно близким к равновесному состоянию (существенное уменьшение длины $|\bar{P}|$), что отражает стремление работников трудиться в стабильных условиях, обеспечивающих устойчивое развитие. Увеличение длины общекультурного вектора $|\bar{P}|$ профиля желаемого состояния организационной культуры для промышленных предприятий кластера «Электроника» однозначно свидетельствует о нерешенных проблемах построения эффективного менеджмента, но самое главное – о проблеме предприятия на рынке электронной продукции.

Оценка профилей настоящего и желаемого состояний организационной культуры кластеров целевыми группами АУП и ПП свидетельствует, что более высокие значения длины общекультурного вектора $|\bar{P}|$ для профиля настоящего состояния демонстрируют группы административно-управленческого персонала. Этот результат имеет только одну интерпретацию: более высокий уровень ответственности АУП за настоящую и перспективную деятельность предприятия в рыночной среде. Различия в величинах $|\bar{P}|$ для АУП и ПП в рассмотренных кластерах отражает специфику состояния предприятий на рынке производства различной продукции.

Величины общекультурного вектора $|\bar{P}|$ профиля желаемого состояния организационной культуры промышленных предприятий региона и для АУП, и для ПП демонстрируют стремление работников независимо от их административного статуса к состоянию, обеспечивающему устойчивое развитие.



Т а б л и ц а 1. Количественный состав респондентов целевых групп в группах кластеров
 T a b l e 1. Quantitative composition of target group respondents in cluster groups

Показатель / Indicator	Кластеры по виду деятельности / Cluster groups by type of activity				Кластеры по количеству работников / Cluster groups by amount of employees			
	«Машина» / “Machine”	«Кабель» / “Cable”	«Руда» / “Ore”	«Электроника» / “Electronics”	Кластер А / Cluster A	Кластер В / Cluster B	Кластер С / Cluster C	Всего / Total
Группы респондентов / Groups of respondents								
Всего, в том числе / In total, including:	150	156	93	59	193	101	164	458
<i>По типу персонала / Cluster groups by type of staff</i>								
АУП / Administrative staff (AS)	70	70	35	29	75	50	79	204
ПП / Production staff (PS)	80	86	58	30	118	51	85	254
<i>По уровню образования / Cluster groups by educational level</i>								
СПО(квр) / Secondary Vocational Education (qualified workers) (SVE (qw))	18	18	6	8	23	11	16	50
СПО(сез) / Secondary Vocational Education (mid-level professionals) (SVE (mlp))	39	42	23	19	51	28	44	123
ВО / Higher Education (HE)	93	96	64	32	119	62	104	285
<i>По возрастным группам / Cluster groups by age</i>								
23–34 года / 23–34 years old	41	69	24	14	54	36	58	148
35–53 года / 35–53 years old	84	70	61	34	123	49	77	249
Старше 54 лет / Older than 54 years old	25	17	8	11	16	16	29	61



Т а б л и ц а 2. Характеристика состояний организационной культуры кластеров предприятий региона по характеру производственной деятельности
Т а б л и ц а 2. Characteristics of the state of organizational culture of clusters of enterprises in the region by the nature of production activities

Кластер / Cluster group	Длина обтекательного вектора $ \vec{P} $ / General cultural vector length $ \vec{P} $		Целевая группа / Target group	Длина обтекательного вектора $ \vec{P} $ / General cultural vector length $ \vec{P} $	
	Настоящее состояние / Current state	Желаемое состояние / Desired state		Настоящее состояние / Current state	Желаемое состояние / Desired state
«Машина» / “Machine”	10,18	3,41	АУП / Administrative staff	12,70	6,01
«Руда» / “Ore”	10,56	3,86	ПП / Production staff	8,05	1,62
			АУП / Administrative staff	16,93	9,86
«Кабель» / “Cable”	7,92	0,80	ПП / Production staff	6,37	2,00
			АУП / Administrative staff	7,98	3,54
«Электроника» / “Electronics”	10,69	15,87	ПП / Production staff	8,47	4,24
			АУП / Administrative staff	18,40	17,11
			ПП / Production staff	5,42	15,27

Высокие значения величин $|\vec{P}|$ для профиля желаемого состояния в оценках АУП и ПП кластера «Электроника» однозначно определяются имеющимся существенным технологическим отставанием предприятий кластера на существующем региональном и российском рынке электронной продукции.

Анализируя аналогичные результаты, полученные для кластеров промышленных предприятий региона, классифицированных по численности работников (табл. 3), можно подчеркнуть уже отмеченное региональное влияние на профиль настоящего состояния организационной культуры предприятий. Длина общекультурного вектора $|\vec{P}|$ для кластеров А, В и С примерно одинакова.

Таблица 3. Характеристика состояний организационной культуры кластеров предприятий региона по численности работников

Table 3. Characteristics of the state of organizational culture of clusters of enterprises in the region by the number of employees

Кластер / Cluster group	Длина общекультурного вектора $ \vec{P} $ / General cultural vector length $ \vec{P} $	
	Настоящее состояние / Current state	Желаемое состояние / Desired state
Кластер А / Cluster A	9,50	3,67
Кластер В / Cluster B	9,69	10,09
Кластер С / Cluster C	9,79	1,42
Целевая группа / Target group	Длина общекультурного вектора $ \vec{P} $ / General cultural vector length $ \vec{P} $	
	Настоящее состояние / Current state	Желаемое состояние / Desired state
<i>Кластер А / Cluster A</i>		
АУП / AS	15,72	7,72
ПП / PS	5,63	1,14
<i>Кластер В / Cluster B</i>		
АУП / AS	13,82	11,64
ПП / PS	6,37	8,67
<i>Кластер С / Cluster C</i>		
АУП / AS	8,06	2,53
ПП / PS	11,74	4,38

Естественно, что наблюдается осознанное стремление к равновесному состоянию работников предприятий кластеров А и С, представления о котором формируются используемыми традиционными технологиями и квалификациями. Для предприятий кластера В, выпускающих относительно массовую высокотехнологичную узкоспециализированную продукцию для конечного потребителя, видение равновесного состояния (большая величина



общекультурного вектора $|\bar{P}|$ для профиля желаемого состояния) испытывает проблемы вхождения на рынок с высоким уровнем конкуренции.

Целевые группы АУП кластеров А и В испытывают большую напряженность в своей деятельности по отношению к целевым группам ПП, что обусловливается более высоким уровнем ответственности за результаты настоящей и перспективной деятельности предприятия. Большая величина $|\bar{P}|$ профиля настоящего состояния целевой группы ПП кластера С отражает неадекватный уровень технического и квалификационного обеспечения производства требуемой на рынке продукции. Эту интерпретацию можно отнести и к относительно высоким значениям общекультурного вектора для профиля желаемого состояния организационной культуры предприятий кластера В в оценках АУП и ПП.

Для исследования результатов диагностики организационной культуры промышленных предприятий региона рассмотрим следующее гипотетическое утверждение: вид последовательности градаций целевых групп по какому-либо параметру в рамках одной совокупности респондентов обусловливается близостью значений классификационного параметра между группами. Так, например, для классификационного параметра «уровень профессионального образования работников» такой последовательностью будет являться: группа работников со средним профессиональным образованием по программам подготовки квалифицированных рабочих (СПО(квр)) – группа работников со средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена (СПО(ссз)) – группа с высшим образованием (ВО).

Естественно предположить, что на устойчивость таких последовательностей целевых групп будут оказывать влияние состояние адаптационного потенциала существующей организационной культуры предприятия. Изменение порядка целевых групп в последовательности открывает задачу исследования причин как совокупности тех или иных факторов, оценки их значимости в контексте текущего социально-экономического развития.

В настоящей статье исследованы также две последовательности целевых групп, классифицированных по следующим параметрам:

- уровень профессионального образования (СПО(квр) – СПО(ссз) – ВО или ВО – СПО(ссз) – СПО(квр));
- возрастной уровень группы (младшая возрастная группа, 18–34 года (МЛ) – средняя возрастная группа, 35–53 года (СР) – старшая возрастная группа, свыше 54 лет (СТ) или СТ – СР – МЛ).

Состояние выбранных последовательностей устанавливалось по длине общекультурного вектора диагностированной организационной культуры для рассмотренных целевых групп. Длину общекультурного вектора профиля организационной культуры можно рассматривать как отклик на «неудобство» организации рабочего места, исходя из личностной реакции работника.

В таблице 4 представлены длины общекультурного вектора $|\bar{P}|$, найденные для рассматриваемых последовательностей целевых групп в кластерах, классифицированных по виду производственной деятельности предприятий. Из данных таблицы 4 видно, что в рассматриваемой группе кластеров происходит преимущественное изменение исходного порядка целевых групп, а именно: вместо последовательности ВО – СПО(ссз) – СПО(квр) установлена последовательность ВО – СПО(квр) – СПО(ссз), причем новая последовательность возникает по длине общекультурного вектора профиля организационной культуры в кластерах «Машина» и «Кабель».

Таблица 4. Последовательности целевых групп в кластерах промышленных предприятий региона по виду производственной деятельности

Table 4. Sequences of target groups in clusters of industrial enterprises of the region by type of production activity

Кластер / Cluster group	Длина общекультурного вектора / General cultural vector length	
	Уровень образования / Level of education	Возрастной уровень / Level of age
«Машина» / “Machine”	ВО – СПО(квр) – СПО(ссз) / HE – SVE (qw) – SVE (mlp) 12,68 – 6,77 – 6,63	МЛ – CP – CT / Youth – Maturity – Old 12,61 – 10,23 – 8,28
«Руда» / “Ore”	ВО – СПО(ссз) – СПО(квр) / HE – SVE (qw) – SVE (mlp) 12,99 – 8,52 – 4,40	CP – CT – МЛ / Youth – Maturity – Old 14,24 – 5,15 – 4,79
«Кабель» / “Cable”	ВО – СПО(квр) – СПО(ссз) / HE – SVE (qw) – SVE (mlp) 9,59 – 6,95 – 5,45	CT – CP – МЛ / Youth – Maturity – Old 10,68 – 10,33 – 4,81
«Электроника» / “Electronics”	ВО – СПО(ссз) – СПО(квр) / HE – SVE (qw) – SVE (mlp) 13,55 – 8,55 – 7,14	МЛ – CP – CT / Youth – Maturity – Old 12,95 – 11,94 – 9,97

Можно утверждать, что появление такой последовательности порядка целевых групп с различным образовательным статусом имеет следующие причины. Если в оптоволоконном кластере высокотехнологичный характер производства является постоянно действующим фактором, то для предприятий машиностроительного кластера тенденция к техническому перевооружению традиционных технологий также становится неизбежной и постоянной для поддержания эффективности производства. Эти тенденции находят максимальный отклик в высококвалифицированных и низкоквалифицированных группах работников, существование которых обусловлено, как правило, уровнем образования.

Сохранение исходного порядка целевых образовательных групп работников (ВО – СПО(ссз) – СПО(квр)) на предприятиях кластеров «Руда»



и «Электроника» по величине длины общекультурного вектора $|\vec{P}|$ свидетельствует о разных причинах такого состояния. Если для предприятий добывающего кластера такой порядок обусловлен содержанием функционала производства на различных должностных позициях традиционных технологий, то для предприятий кластера электроники такой порядок обеспечивается сохранением соотношения образовательных уровней и должностных позиций на высокотехнологичных предприятиях, которые заняты завоевыванием своего места на рынке востребованной продукции.

Обсуждая влияние характера производственной деятельности на последовательность порядка возрастных групп работников, можно заметить, что последовательность СТ – СР – МЛ сохраняется только в кластере «Кабель» (табл. 4). Этот результат представляет собой естественный рост напряженности в возрастных группах в соответствии с карьерным ростом работников на высокотехнологичных предприятиях.

Для остальных рассмотренных кластеров группы наблюдается инверсия последовательности по величине длины общекультурного вектора, а именно: вместо последовательности СТ – СР – МЛ генерируется последовательность МЛ – СР – СТ. Генерация такой последовательности в кластерах «Машина» и «Электроника» обусловлена несоответствием содержания функционала деятельности и имеющимся содержанием профессиональной подготовки работников младшего и среднего возраста. Это несоответствие (СР – СТ – МЛ) снимается для предприятий добывающего кластера из-за относительно невысокого уровня автоматизации производства, а также благодаря самоуверенности молодого поколения на данном сегменте рынка труда.

В таблице 5 представлены длины общекультурного вектора $|\vec{P}|$, найденные для рассматриваемых последовательностей целевых групп в кластерах, классифицированных по численности работников. Анализируя вид последовательностей целевых групп по классификационному параметру «уровень образования», можно видеть, что происходит преимущественное изменение исходного порядка целевых групп, а именно: вместо последовательности ВО – СПО(ссз) – СПО(квр) установлена последовательность ВО – СПО(квр) – СПО(ссз). Появление последней наблюдается в кластерах В и С на основе длины общекультурного вектора профиля организационной культуры.

Проявление наибольшей напряженности в деятельности целевой группы работников с высшим образованием неудивительно, так как именно на них, как правило, лежит основная ответственность в принятии управленческих, производственных и иных решений, обеспечивающих деятельность предприятий. Первенство этой целевой группы может также поддерживаться несоответствием уровня имеющейся управленческой и профессиональной подготовки работника современному содержанию возлагаемого на него функционала деятельности.

Таблица 5. Последовательности целевых групп в кластерах промышленных предприятий региона по численности работников

Table 5. Sequences of target groups in clusters of industrial enterprises in the region by number of employees

Кластер / Cluster group	Длина общекультурного вектора / General cultural vector length	
	Уровень образования / Level of education	Возрастной уровень / Level of age
Кластер А / Cluster A	ВО – СПО(сзз) – СПО(квр) / HE – SVE (qw) – SVE (mlp) 11,25 – 7,02 – 6,33	CP – МЛ – CT / Youth – Maturity – Old 10,92 – 8,93 – 4,80
Кластер В / Cluster B	ВО – СПО(квр) – СПО(сзз) / HE – SVE(qw) – SVE (mlp) 12,20 – 6,18 – 5,87	CP – МЛ – CT / Youth – Maturity – Old 11,64 – 8,95 – 6,88
Кластер С / Cluster C	ВО – СПО(квр) – СПО(сзз) / HE – SVE(qw) – SVE(mlp) 11,87 – 6,99 – 6,24	CT – CP – МЛ / Youth – Maturity – Old 13,13 – 10,97 – 7,26

Изменение положения целевой группы СПО(квр) в последовательности может свидетельствовать о неадекватности имеющегося содержания профессиональной подготовки данной категории работников содержанию функционала деятельности, определяемого современным техническим уровнем производства.

Сохранение порядка целевых групп в последовательности для кластера А на основе длины общекультурного вектора профиля организационной культуры связано с тем, что в настоящее время величина воздействия внешней рыночной среды на работников региональных крупных предприятий пропорциональна их образовательному статусу, соотносенному с принятым должностным положением. Кроме того, уровень напряженности в целевых группах последовательности является отражением собственных перспективных трудностей работника (содержания имеющегося профессионального образования), связанных с участием в неизбежной модернизации действующих традиционных технологий производства.

Анализируя вид последовательности целевых групп по параметру «возрастной уровень работника», можно видеть, что вместо последовательности CT – CP – МЛ в кластерах А и В обнаруживается последовательность CP – МЛ – CT (табл. 5). Проявление наибольшей напряженности в деятельности в средней возрастной группе работников однозначно связано с тем, что именно эта категория респондентов на региональных крупных и средних предприятиях независимо от образовательного уровня и должностного положения несет основную ответственность за эффективность деятельности предприятия. В задачи, которые решает экономика Российской Федерации, также входят новые тренды на техническое перевооружение производства



региональных крупных и средних предприятий и политика на омоложение кадров на ключевых позициях производства и управления.

Наименьшая напряженность в деятельности в старшей возрастной группе работников предприятий кластеров А и В однозначно связана, одной стороны, с тем, что происходит замещение ответственности этого возрастного слоя, а с другой – уверенностью в имеющемся управленческом и производственном опыте. Сохранение последовательности СТ – СР – МЛ в кластере С неудивительно, так как работники с наибольшим практическим и управленческим опытом на предприятиях малочисленного состава несут наибольшую ответственность за настоящую и перспективную деятельность компании.

Обсуждение и заключение. Как видно из полученных результатов, длина общекультурного вектора профилей организационной культуры рассмотренных кластеров примерно одинакова независимо от характера производственной деятельности (10,18–10,69, величина 7,92 для кластера «Кабель» обусловлена особым положением предприятий на рынке оптоволоконной продукции) и количества работников (9,50–9,79). Так как организационная культура представляет собой адаптационный отклик на внешнее воздействие, то полученный результат свидетельствует о некотором целевом влиянии, которое можно назвать региональным. Основными характеристиками регионального влияния можно считать социально-экономическое состояние региона, уровень административного управления в регионе, уровень технологического развития предприятий региона.

Проведенное исследование показало, что отмеченное региональное влияние вкупе с существующей нормативно-правовой базой Российской Федерации сдерживает стремление предприятий к равновесному состоянию организационной культуры как к условию устойчивого динамичного развития. В основном длина общекультурного вектора профиля организационной культуры настоящего состояния больше соответствующей величины для желаемого состояния.

Кроме того, можно отметить, что региональное влияние на организационную культуру промышленных предприятий в значительной степени определяется состоянием регионального рынка труда, в частности, трудовой миграцией высококвалифицированных кадров в другие регионы страны, что подтверждается данными Росстата.

Результаты диагностики равновесного состояния организационной культуры промышленных предприятий свидетельствуют о существовании явного несоответствия между содержанием современных функциональных задач выполняемой работником деятельности и содержанием имеющейся его профессиональной подготовки. Однако это заключение не имеет отношения к факторам регионального характера, так как определяется уровнем организации образования в Российской Федерации.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что промышленные предприятия региона пока еще находятся в состоянии, отличающемся от

равновесного, что не обеспечивает устойчивое развитие, в том числе их стабильное функционирование на рынке конкурентоспособной востребованной продукции. Необходима обоснованная системная работа руководства региона по всемерной поддержке становления и развития предприятий как полноценных и эффективных субъектов рыночной экономики на основе поиска новых сегментов рынка продукции, освоения новых эффективных промышленных технологий, формирования необходимого кадрового состава на всех уровнях производства.

В заключение отметим, что впервые проведено системное исследование состояния промышленных предприятий Мордовии на основе новых характеристик организационной культуры и показана эффективность используемого инструментария для анализа условий достижения равновесного состояния организационной культуры как условия динамического развития производства. Полученные результаты полезны руководителям промышленных предприятий в качестве объективного обоснования направленных организационных изменений на предприятии с целью повышения эффективности производственной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шаталова Н. И. Типология и характеристики трудового поведения работника // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6, № 4. С. 5–9. doi: https://doi.org/10.12737/article_59a5180c67a286.78242906
2. Гуськова Н. Д., Малахова М. М. Система формирования организационной культуры промышленного предприятия на основе этики управления // Лидерство и менеджмент. 2014. № 1. С. 27–36. doi: <https://doi.org/10.18334/lm.1.1.16>
3. Макаров С. Л. Управление организационной культурой крупных промышленных предприятий на этапе внедрения инноваций // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1. С. 161–165. URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/122/yekonomicheskije-nauki/upravlenie-organizacionnoi-kulturoi-krup.html> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Горшков М. К., Комиссаров С. Н. Ревальвация культуры и задачи социологии // Россия реформирующаяся / отв. ред М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2019. Вып. 17. С. 17–47. doi: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.1>
5. Teräsväinän V., Junnonen Ju.-M., Ali-Löytty S. Organizational Culture: Case of the Finnish Construction Industry // Construction Economics and Building. 2018. Vol. 18, no. 1. Pp. 48–69. doi: <https://doi.org/10.5130/AJCEB.v18i1.5770>
6. Ližbetinová L., Lorincová S., Čaha Z. The Application of the Organizational Culture. Assessment Instrument (OCAI) to Logistics Enterprises // Naše More: International Journal of Maritime Science & Technology. 2016. Vol. 63, issue 3. Pp. 170–176. doi: <https://doi.org/10.17818/NM/2016/SI17>
7. Dyck B., Walke K., Caza A. Antecedents of Sustainable Organizing: A Look at the Relationship between Organizational Culture and the Triple Bottom Line // Academy of



Management Annual Meeting Proceedings. 2017. No. 1. doi: <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2017.14702abstract>

8. Simamora B. H., Jerry M., Hartono H. Strategy Alignment with Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) Results of Cellular Industry in Indonesia // International Journal of Economics and Management. 2016. Vol. 10, issue S1. Pp. 81–93. URL: <https://www.researchgate.net/publication/313717404> (дата обращения: 10.06.2021).

9. Шаталова Н. И., Окунева Т. В. Методика конструирования культуры организации // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2016. № 3 (31). С. 108–120. URL: http://www.usurt.ru/vestnik/str9_r.htm (дата обращения: 10.06.2021).

10. Шаталова Н. И. Психофизиологические особенности трудового поведения работника // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 178–189. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/460> (дата обращения: 10.06.2021).

11. Шаталова Н. И. Деформации трудового поведения работников // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 26–33. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/07-2000/003.SHATALOVA.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

12. Paro P. E. P., Gerolamo M. C. Organizational Culture for Lean Programs // Journal of Organizational Change Management. 2017. Vol. 30, issue 4. Pp. 584–598. doi: <https://doi.org/10.1108/JOCM-02-2016-0039>

13. Dolan S. L., Garcia S. Managing by Values. Cultural Redesign for Strategic Organizational Change at the Dawn of the Twenty-First Century // Journal of Management Development. 2001. Vol. 21, issue 2. Pp. 101–117. doi: <https://doi.org/10.1108/02621710210417411>

14. Lodakis G. Political Economy, Capitalism and Sustainable Development // Sustainability. 2010. Vol. 2, issue 8. Pp. 2601–2616. doi: <https://doi.org/10.3390/su2082601>

15. Gasnesu M. C. Corporate Social Responsibility, a Strategy to Great and Consolidate Sustainable Business // Theoretical and Applied Economics. 2012. Vol. 19, issue 11. Pp. 91–106. URL: <https://store.ectap.ro/articole/799.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

16. Iivari J., Huisman M. The Relationship between Organizational Culture and the Deployment of Systems Development Methodologies // MIS Quarterly. 2007. Vol. 31, no. 1. Pp. 35–58. doi: <https://doi.org/10.2307/25148780>

17. Aier S. The Role of Organizational Culture for Grounding, Management, Guidance and Effectiveness on Enterprise Architecture Principles // Information Systems and e-Business Management. 2014. Vol. 12. Pp. 43–70. doi: <https://doi.org/10.1007/s10257-012-0206-8>

18. Dyck B., Walker K., Caza A. Antecedents of Sustainable Organizing: A Look at the Relationship between Organizational Culture and the Triple Bottom Line // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 231. Pp. 1235–1247. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.287>

19. Linnenluecke M. K., Griffiths A. Comparative Sustainability and Organizational Culture // Journal of World Business. 2010. Vol. 45, issue 4. Pp. 357–366. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2009.08.006>

20. Rindova V., Dalpiaz E., Ravasi D. A Cultural Quest: A Study of Organizational use of New Cultural Resource in Strategy Formation // Organization Science. 2011. Vol. 22, issue 2. Pp. 413–431. doi: <https://doi.org/10.1287/orsc.1100.0537>

21. Weber K., Dacin M. T. The Cultural Construction of Organizational Life: Introduction to the Special Issue // Organization Science. 2011. Vol. 22, issue 2. Pp. 287–298. doi: <https://doi.org/10.1287/orsc.1100.0632>

22. Wethes D., Mauer R., Brettel M. C. Cultural and Creative Entrepreneurs: Understanding the Role of Entrepreneurial Identity // *International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research*. 2018. Vol. 24, issue 1. Pp. 290–314. doi: <https://doi.org/10.1108/IJEBR-07-2016-0215>

23. Lee S., Chung G. H. Cultural Entrepreneurship: Between-Organization Cultural Isomorphism and Within-Organization Culture Shaping // *SAGE Open*. 2020. Pp. 1–12. doi: <https://doi.org/10.1177/215824402093954>

24. Currie L., Shepstone C. Mining the Cultural Evidence: Situating Planning and Leadership within the Academic Library Culture // *Evidence Based Library and Information Practice*. 2012. Vol. 7, issue 3. Pp. 51–70. doi: <https://doi.org/10.18438/B8P02Q>

25. The Association between Values and Performance in a Maining Corporation. Empirical Study and insights for Managing by Values (MBV) Model / A. Zbieg [et al.] // *Gospodarka Surowcami Mineralnymi – Mineral Resources Management*. 2017. Vol. 33, issue 2. Pp. 145–164. doi: <https://doi.org/10.1515/gospo-2017-0019>

26. Simon S. M., Varghese K. Assessment of Organizational Culture in Construction – A Case Study Approach // 26th Annual Conference of the International Group to Lean Construction (IGLC) / V. A. Gonzalez (ed.). Chennai, India. 2018. Pp. 348–357. doi: <https://doi.org/10.24928/2018/0396>

27. Teravainen V., Junnonen J.-M., Ali-Loytty S. Organizational Culture: Case of the Finnish Construction Industry // *Construction Economics and Building*. 2018. Vol. 18, issue 1. Pp. 48–69. doi: <https://doi.org/10.5130/AJCEB.v18i1.5770>

28. Willar D., Trigunarsyah B., Coffey V. Organizational Culture and Quality Management System Implementation in Indonesia Construction Companies // *Engineering, Construction and Architectural Management*. 2016. Vol. 23, issue 2. Pp. 114–133. doi: <https://doi.org/10.1108/ECAM-02-2015-0026>

29. Organizational Culture Assessment of Sustainable Hotel Companies in Mazatlan / J. P. Ibarra-Michel [et al.] // *Revista Investigaciones Turisticas*. 2019. No. 17. Pp. 71–102. doi: <https://doi.org/10.14198/INTURI2019.17.04>

30. Simamora B. H., Jerry M. Current and Preferred Organizational Culture: A Case Study at Private University in Indonesia // *International Business Management*. 2013. Vol. 7, issue 4. Pp. 353–358. doi: <https://doi.org/10.36478/ibm.2013.353.358>

31. Wyrwicka M. K., Chuda A. The Diagnosis of Organizational Culture as a Change's Factor in the Context Application of Design Thinking // *Log Forum*. 2019. Vol. 15, issue 2. Pp. 279–290. doi: <https://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.319>

32. Elbach D. K., Stigliani I. Design Thinking and Organizational Culture: A Review and Framework for Future Research // *Journal of Management*. 2018. Vol. 44, issue 6. Pp. 2274–2306. doi: <https://doi.org/10.1177/0149206317744252>

33. Shim W.S., Steers R.M. Symmetric and Asymmetric Leadership Cultures: A Corporative Study of Leadership and Organizational Culture at Hyundai and Toyota // *Journal of World Business*. 2012. Vol. 47, issue 4. Pp. 581–591. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2012.01.011>

34. Jackson K. Entrepreneurship, Innovation and Business Clusters // *International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research*. 2015. Vol. 21, issue 1. Pp. 146–148. doi: <https://doi.org/10.1108/IJEBr-08-2014-0142>

35. Томилин О. Б., Барнашова М. И., Томилин О. О. Организационная культура как новый управленческий ресурс стратегического менеджмента // *Университетское*



управление: практика и анализ. 2014. № 3. С. 19–38. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/390/391> (дата обращения: 10.06.2021).

36. Макаркин Н. П., Томилин О. Б., Бритов А. В. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высших учебных заведений // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 5–6. С. 152–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnoy-kultury-v-effektivnom-menedzhmente-vysshego-uchebnogo-zavedeniya> (дата обращения: 10.06.2021).

37. Некоторые математические соотношения в социологических исследованиях организационной культуры / О. Б. Томилин [и др.] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2019. Т. 19, № 4. С. 375–384. doi: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-375-384>

38. Томилин О. Б., Фадеева И. М., Томилин О. О. Динамика изменений организационной культуры российских университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2. С. 92–105. doi: <https://doi.org/10.15826/umpra.2017.02.024>

Поступила 15.06.2021; одобрена после рецензирования 11.08.2021; принята к публикации 20.08.2021.

Об авторах:

Томилин Олег Борисович, заведующий кафедрой физической химии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат химических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1570-230X>, tomilino@mail.ru

Фадеева Ирина Михайловна, заведующий центром развития интеллектуального капитала Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20А), профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-5770>, fadeeva5@yandex.ru

Томилин Олег Олегович, заведующий кафедрой государственного и административного права Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0626-4037>, oo-tomilin@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

О. Б. Томилин – постановка проблемы; формулирование методологии исследования; критический анализ и доработка текста; формулирование выводов.

И. М. Фадеева – сбор эмпирического материала; подготовка обзора литературы; критический анализ и доработка текста.

О. О. Томилин – сбор эмпирического материала и его обработка; подготовка графических результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Shatalova N.I. Typology and Characteristics of Worker's Employment Behavior. *Upravlenie personalom i intellektualnymi resursami v Rossii* = Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia. 2017; 6(4):5-9. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.12737/article_59a5180c67a286.78242906
2. Gusykova N.D., Malasova M.M. The System of Formation of the Organizational Culture of an Industrial Enterprise Based on the Management Ethics. *Liderstvo i menedzhment* = Leadership and Management. 2014; (1):27-36. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.18334/lim.1.1.16>
3. Makarov S.L. Management of Organizational Culture of Large Industrial Enterprises at the Stage of Innovations Introduction. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* = Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2013; (1):161-165. Available at: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/122/yekonomicheskies-nauki/upravlenie-organizacionnoi-kulturoi-krup.html> (accessed 10.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Gorshkov M.K., Komissarov S.N. Revaluation of Culture and Challenges to Sociological Sciences. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Reforming Russia*. Moscow: Novyj khronograf; 2019. (17). p. 17-47. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.1>
5. Teräväinen V., Junnonen Ju.-M., Ali-Löytty S. Organizational Culture: Case of the Finnish Construction Industry. *Construction Economics and Building*. 2018; 18(1):48-69. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5130/AJCEB.v18i1.5770>
6. Ližbetinová L., Lorincová S., Čaha Z. The Application of the Organizational Culture. Assessment Instrument (OCAI) to Logistics Enterprises. *Naše More: International Journal of Maritime Science & Technology*. 2016; 63(3):170-176. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.17818/NM/2016/SI17>
7. Dyck B., Walke K., Caza A. Antecedents of Sustainable Organizing: A Look at the Relationship between Organizational Culture and the Triple Bottom Line. *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*. 2017; (1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2017.14702abstract>
8. Simamora B.H., Jerry M., Hartono H. Strategy Alignment with Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI) Results of Cellular Industry in Indonesia. *International Journal of Economics and Management*. 2016; 10(S1):81-93. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/313717404> (accessed 10.06.2021). (In Eng.)
9. Shatalova N.I., Okuneva T.V. Methods of Corporate Culture Creation. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya* = Herald of the Ural State University of Railway Transport. 2016; (3):108-120. Available at: http://www.usurt.ru/vestnik/str9_r.htm (accessed: 10.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
10. Shatalova N.I. Psychophysiological Features of Labour Behaviour of Employee. *Vestnik NGUEU* = Vestnik NSUEM. 2015; (1):178-189. Available at: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/460> (accessed: 10.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Shatalova N.I. Labor behavior deformation of workers. *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2000; (7):26-33. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/07-2000/003.SHATALOVA.pdf> (accessed 10.06.2021). (In Russ.)
12. Paro P.E.P., Gerolamo M.C. Organizational Culture for Lean Programs. *Journal of Organizational Change Management*. 2017; 30(4):584-598. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/JOCM-02-2016-0039>



13. Dolan S.L., Garcia S. Managing by Values. Cultural Redesign for Strategic Organizational Change at the Dawn of the Twenty-First Century. *Journal of Management Development*. 2001; 21(2):101-117. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/02621710210417411>
14. Lodakis G. Political Economy, Capitalism and Sustainable Development. *Sustainability*. 2010; 2(8):2601-2616. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/su2082601>
15. Gasnesu M.C. Corporative Social Responsibility, a Strategy to Great and Consolidate Sustainable Business. *Theoretical and Applied Economics*. 2012; 19(11):91-106. Available at: <https://store.ectap.ro/articole/799.pdf> (accessed 10.06.2021). (In Eng.)
16. Iivari J., Huisman M. The Relationship between Organizational Culture and the Deployment of Systems Development Methodologies. *MIS Quarterly*. 2007; 31(1):35-58. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2307/25148780>
17. Aier S. The Role of Organizational Culture for Grounding, Management, Guidance and Effectiveness on Enterprise Architecture Principles. *Information Systems and e-Business Management*. 2014; 12:43-70. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s10257-012-0206-8>
18. Dyck B., Walker K., Caza A. Antecedents of Sustainable Organizing: A Look at the Relationship between Organizational Culture and the Triple Bottom Line. *Journal of Cleaner Production*. 2019; 231:1235-1247. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.05.287>
19. Linnenluecke M.K., Griffiths A. Comparative Sustainability and Organizational Culture. *Journal of World Business*. 2010; 45(4):357-366. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2009.08.006>
20. Rindova V., Dalpiaz E., Ravasi D. A Cultural Quest: A Study of Organizational use of New Cultural Resource in Strategy Formation. *Organization Science*. 2011; 22(2):413-431. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1287/orsc.1100.0537>
21. Weber K., Dacin M.T. The Cultural Construction of Organizational Life: Introduction to the Special Issue. *Organization Science*. 2011; 22(2):287-298. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1287/orsc.1100.0632>
22. Wethes D., Mauer R., Brettel M.C. Cultural and Creative Entrepreneurs: Understanding the Role of Entrepreneurial Identity. *International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research*. 2018; 24(1):290-314. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/IJEBR-07-2016-0215>
23. Lee S., Chung G.H. Cultural Entrepreneurship: Between-Organization Cultural Isomorphism and Within-Organization Culture Shaping. *SAGE Open*. 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/215824402093954>
24. Currie L., Shepstone C. Mining the Cultural Evidence: Situating Planning and Leadership within the Academic Library Culture. *Evidence Based Library and Information Practice*. 2012; 7(3):51-70. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.18438/B8P02Q>
25. Zbieg A., Kudelko J., Juzyk A., Zaremba L. The Association between Values and Performance in a Mining Corporation. Empirical Study and Insights for Managing by Values (MBV) Model. *Gospodarka Surowcami Mineralnymi – Mineral Resources Management*. 2017; 33(2):145-164. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1515/gospo-2017-0019>
26. Simon S.M., Varghese K. Assessment of Organizational Culture in Construction – A Case Study Approach. In: Gonzalez V.A. (ed.) 26th Annual Conference of the International Group to Lean Construction (IGLC). Chennai, India; 2018. p. 348-357. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.24928/2018/0396>

27. Teravainen V., Junnonen J.-M., Ali-Loytty S. Organizational Culture: Case of the Finnish Construction Industry. *Construction Economics and Building*. 2018; 18(1):48-69. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5130/AJCEB.v18i1.5770>
28. Willar D., Trigunarsyah B., Coffey V. Organizational Culture and Quality Management System Implementation in Indonesia Construction Companies. *Engineering, Construction and Architectural Management*. 2016; 23(2):114-133. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/ECAM-02-2015-0026>
29. Ibarra-Michel J.P., Velarde-Valdez M., Olmos-Martinez E., Santillan-Nunez M.A. Organizational Culture Assessment of Sustainable Hotel Companies in Mazatlan. *Revista Investigaciones Turisticas*. 2019; (17):71-102. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.14198/INTURI2019.17.04>
30. Simamora B.H., Jerry M. Current and Preferred Organizational Culture: A Case Study at Private University in Indonesia. *International Business Management*. 2013; 7(4):353-358. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.36478/ibm.2013.353.358>
31. Wyrwicka M.K., Chuda A. The Diagnosis of Organizational Culture as a Change's Factor in the Context Application of Design Thinking. *Log Forum*. 2019; 15(2):279-290. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.319>
32. Elbach D.K., Stigliani I. Design Thinking and Organizational Culture: A Review and Framework for Future Research. *Journal of Management*. 2018; 44(6):2274-2306. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0149206317744252>
33. Shim W.S., Steers R.M. Symmetric and Asymmetric Leadership Cultures: A Corporative Study of Leadership and Organizational Culture at Hyundai and Toyota. *Journal of World Business*. 2012; 47(4):581-591. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2012.01.011>
34. Jackson K. Entrepreneurship, Innovation and Business Clusters. *International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research*. 2015; 21(1):146-148. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/IJEBR-08-2014-0142>
35. Tomilin O.B., Barnashova M.I., Tomilin O.O. Organizational Culture as a New Administrative Resource of Strategic Management. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* = University Management: Practice and Analysis. 2014; (3):19-38. Available at: <https://www.umj.ru/jour/article/view/390/391> (accessed: 10.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
36. Makarkin N.P., Tomilin O.B., Britov A.V. The Role of Organizational Culture in University Effective Management. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* = University Management: Practice and Analysis. 2004; (5-6):152-162. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnoy-kultury-v-effektivnom-menedzhmente-vysshego-uchebnogo-zavedeniya> (accessed: 10.06.2021). (In Russ.)
37. Tomilin O.B., Britov A.V., Fadeeva I.M., Tomilin O.O. Some Mathematical Correlations in Sociological Investigations of Organizational Culture. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2019; 19(4):375-384. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-375-384>
38. Tomilin O.B., Fadeeva I.M., Tomilin O.O. Dynamics of Organizational Culture Changes in Russian Universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* = University Management: Practice and Analysis. 2017; 21(2):92-105. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.024>

Submitted 15.06.2021; approved after reviewing 11.08.2021; accepted for publication 20.08.2021.

*About the authors:*

Oleg B. Tomilin, Head of the Department of Physical Chemistry, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Chemistry), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1570-230X>, tomilinob@mail.ru

Irina M. Fadeeva, Head of the Center for the Development of Intellectual Capital, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20a Dobrolubova St., Moscow 127254, Russian Federation), Professor of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Doc. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1709-9970>, fadeeva5@yandex.ru

Oleg O. Tomilin, Head of the Department of State and Administrative Law, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0626-4037>, oo-tomilin@yandex.ru

Contribution of the authors:

O. B. Tomilin – problem statement; formation of research methodology; text writing, conclusion formulation.

I. M. Fadeeva – empirical data collection; literature review and text editing.

O. O. Tomilin – empirical data collection and processing; presentation of research results in the form of graphs.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Город и «городское»: тождество и различие



В. И. Филоненко*



Л. А. Штомпель



О. М. Штомпель

*Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация),
* vfilonenko@sfsedu.ru*

Аннотация

Введение. Современная мировая тенденция изменения городской формы, выражающаяся в развитии пригородов и в переносе центров осуществления деловой активности в мегаполисах из центральных деловых районов в периферийные, актуализирует проблему выявления того, что сохраняется в этих новых городских образованиях от собственно «городского». Цель статьи – на основе теоретического осмысления сущности «городского» и результатов проведенного эмпирического исследования выявить возможность сохранения «городского» при преобразованиях городской формы.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные социологического опроса жителей южно-российских городов. Методом анкетирования были опрошены 1 532 чел. из всех типов городов Южного федерального округа. Концептуальной основой анализа являются пространственный и культур-антропологический подходы, сочетание которых позволило интерпретировать оценки горожанами аудиовизуальной среды их городов как репрезентации степени наличия городского начала в их жизни.

Результаты исследования. Анализ собранного эмпирического материала показывает, что «городское» в современных южно-российских городах размывается. Это выражается в общей неудовлетворенности культурным уровнем окружающих, в ощущении недостаточной безопасности, в неполноте ощущения счастья от жизни в городе, в выделенных недостатках открытых общественных пространств, в пассивности горожан.

Обсуждение и заключение. Будущее городов определяется не только пространственными преобразованиями и технологическими нововведениями, но и способностью сохранить собственно «городское» начало, т. е. обеспечить безопасность, разнообразие, общение и свободу горожан. «Городское» есть действенная связь с городом каждого горожанина как активного участника в его жизни, а не только как потребителя готовых

© Филоненко В. И., Штомпель Л. А., Штомпель О. М., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



городских форм. Анализ собранного материала ориентирован на региональные органы власти, реализующие городскую и культурную политику. Результаты исследования будут полезны также институтам гражданского общества для организации взаимодействия между администрацией и горожанами.

Ключевые слова: город, городское, городская форма, экзополис, постметрополис, разнообразие, общественное пространство, культура, горожанин

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Филоненко В. И., Штомпель Л. А., Штомпель О. М. Город и «городское»: тождество и различие // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 204–225. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.204-225>

Original article

City and “Urban”: Identity and Difference

V. I. Filonenko*, L. A. Shtompel, O. M. Shtompel

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation),

* vfilonenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The current global trend of changing the urban form, which is expressed in the development of suburbs and in the transfer of business centers in megalopolises from central business districts to peripheral ones, actualizes the problem of identifying what is preserving in these new urban formations from “urban” properly. Purpose of the article is on the basis of theoretical understanding of the essence of “urbanicity” and the results of the conducted empirical research to identify the possibility of preserving “urban” during the transformation of the urban form.

Materials and Methods. The materials of the study were the data of a sociological survey of residents of southern Russian cities. 1532 people from all types of cities in the Southern Federal District were interviewed by the questionnaire method. The conceptual framework of the analysis was a combination of spatial and cultural-anthropological approaches. This made it possible to interpret the citizens’ assessments of their life in cities as a representation of the degree of presence of the urban element in their lives.

Results. The performed analysis of the collected empirical material has revealed that “urban” in modern southern Russian cities is being eroded. This is expressed in the general dissatisfaction with the cultural level of those around them, in the feeling of insufficient security, in the incompleteness of the feeling of happiness from life in the city, in the highlighted shortcomings of open public spaces, in the passivity of the townspeople.

Discussion and Conclusion. The future of cities is determined not only by spatial transformations and technological innovations, but by the ability to preserve the “urban” basis per se: that is, the ability to ensure the safety, diversity, communication and freedom of townspeople. “Urban” is an effective connection with the city of every city dweller as an active participant in its life, and not only as a consumer of ready-made urban forms. The analysis of the collected material has been targeted at the regional authorities implementing urban and cultural policy. The research results may prove useful to civil society institutions promoting interaction between the administration and urban residents.

Keywords: city, urban, urban form, exopolis, postmetropolis, diversity, public space, culture, city dweller

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Filonenko V.I., Shtompel L.A., Shtompel O.M. City and “Urban”: Identity and Difference. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):204-225. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.204-225>

Введение. Радикальная реструктуризация городов, начавшаяся во второй половине XX в. и продолжающаяся в XXI в., заставляет городских исследователей уточнять свое понимание сущности города и перспектив развития урбанизации в будущем. Об этом свидетельствуют, в частности, множасьшиеся определения городов будущего: postmetropolis (Э. Соджа [1]), edge cities («окраинные города», Ж. Гарро¹), edgeless cities («бескрайние города», Р. Е. Лэнг [2]) и др. Эти названия отражают процессы переноса центров осуществления деловой активности в мегаполисах из центральных деловых районов в периферийные. Речь идет не просто о разрастании городской территории, но об изменении специфического способа организации городской жизнедеятельности людей, т. е. городской формы, благодаря развитию пригородов.

Если с середины XX в. рост пригородов в Западной Европе и Северной Америке был связан с переселением туда людей для проживания (рядом с городом образовывалась новая населенная зона, сливающаяся в конце концов с ним), то логика развития «окраинных городов» состоит в перемещении деловой, административной и досуговой активности на бывшие окраины. Так, «окраинный город» Дж. Гарро располагается за пределами традиционного центра города и является местом концентрации бизнеса, покупок и развлечений. Р. Лэнг прослеживает строительство новых офисных площадей за пределами даунтауна. Можно сказать, что деловая часть города как бы клонируется на окраине. При этом сами массивы офисных зданий не предполагают смешанного использования. Так формируется «город за пределами традиционного города», для которого Э. Соджа находит удачное название – «экзополис». Экзополис – это воплощение мечты о совершенном мире, об идеальном городе: здесь нет границы между центром и периферией, поскольку нет традиционного центра (выполняющего деловые и общественные функции) и периферийных спальных районов; здесь задается высокий стандарт потребления, возникает иллюзия всемогущества и безграничности возможностей. Экзополисы создаются сегодня во многих странах, в том числе и в России (например, Сколково). Если прибавить к этому обстоятельству еще и факт стремительного повышения плотности застройки исторических центров городов, то становится очевидной острота и актуальность проблемы сохранения собственно «городского» в этих новых городских образованиях, новых «городских формах», ведь форма есть способ организации содержания, и изменение формы всегда предполагает оформление какого-то определенного

¹ Garreau J. *Edge City: Life on the New Frontier*. New York : Doubleday, 1991. 576 p.



нового содержания. Для ответа на поставленный вопрос следует уточнить понятие «городское». Оно часто кажется интуитивно ясным, хотя при ближайшем рассмотрении эта ясность оказывается обманчивой.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования изучить возможность сохранения «городского» в условиях изменения городской формы на примере современных южных российских городов.

Обзор литературы. Начало изучению будущего городов было заложено еще в утопических проектах эпохи Возрождения. Примечательно, что, создавая проекты своих идеальных городов (Город Солнца Т. Кампанеллы, город Сфорцинда Антонио Филарете), теоретики не ограничивались лишь пространственными преобразованиями, а замысливали их в единстве с преобразованиями социальными. Эта традиция – видеть единство трансформации формы города и социального совершенствования – была продолжена в проектах города-сада Э. Говарда, Акрогорода Ф. Л. Райта², во множестве градостроительных проектов XX–XXI вв., а также в требованиях, которым должно отвечать качественное городское планирование³. Однако дифференциация научного знания и усложнение пространственных решений современных городов привели к относительной изоляции этих двух сторон осмысления урбанизационного процесса: пространственного и культуросоциального.

В литературе существует ряд исследований по проблематике пространства как «теоретического концепта новейшего времени»⁴, позволяющего по-новому осмысливать сопряженность социокультурных процессов, происходящих в современном обществе, с изменениями городской формы⁵ [3–8]. Понимание того, что город – это не декорация, на фоне которой разворачивается человеческая жизнь, а целостная экосистема, состоящая «из физико-экономико-этических процессов, происходящих в данный промежуток времени в городе и его ближних окрестностях»⁶, является отправной точкой в исследованиях регионального и городского пространств [9].

Качественные изменения во взаимоотношениях человека и пространства, вызванные изменением городской формы и обстоятельств жизни в них [10–12], предупреждают об опасности подрыва социокультурной устойчивости общества.

В последние годы зарубежные исследователи активно анализируют различные подходы к участию граждан в решении конкретных городских

² Райт Ф. Л. Исчезающий город. М. : Strelka Press, 2018. 180 с.

³ Гейл Я. Города для людей. М. : Альпина Паблшер, 2012. 276 с.

⁴ Бахмани-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 338.

⁵ Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.; Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Edition de Seuil, 1992. 160 p.; Трущенко О. Е. Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве. М. : Sociologos, 1995. 112 с.; Филиппов А. Социология пространства. СПб. : Владимир Даль, 2008. 285 с.

⁶ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М. : Новое изд-во, 2011. 460 с.



проблем [13–16]. Однако кратковременность действия выстраиваемых моделей взаимодействия между управленческими структурами и рядовыми гражданами (и их объединениями) вновь возвращает нас к проблеме возрождения городского начала в городах.

Можно заключить, что мышление представителей разных областей социогуманитарного знания приобрело пространственно ориентированный характер, однако за этим пространственным поворотом не должен пропасть важнейший момент в существовании города – сущность самого городского. С утратой городского постгород перестанет быть собственно городом. Есть и другая точка зрения на данную проблему: И. И. Митин считает, что возникающие негородские, негородские и постгородские формы расселения изменяют содержание городского, хотя сам термин «город» остается⁷. Для уточнения взаимосвязи города и городского необходимо выявить признаки последнего.

Проблему сущности городского в пространственной проекции рассматривают Э. Амин и Н. Трифт⁸. При этом они констатируют сложность и многообразие городов, присутствие их следов в любой, в том числе сельской, местности, проницаемость границы между маленькими городами и деревнями. Опираясь на работы предшественников (С. Пайла [17] и Д. Мэсси [18]), они начинают свое исследование с фиксации города как пространственного образования, характеризующегося плотностью (т. е. концентрацией людей, вещей, институтов и архитектурных форм), гетерогенностью жизни и «размещением различных сетей коммуникации и потока по всему городу и за его пределами»⁹. Второй важнейший момент – те порождающие эффекты, которые возникают в городе благодаря его «плотности и совмещению различий», плотным сетям взаимодействия¹⁰. Третий момент, который они выделяют, – «разнообразные виды мобильностей: от потоков людей до потоков товаров и информации»¹¹. Городская жизнь, понятая как продукт смешения и коммуникации, все чаще осуществляемой на расстоянии, порождает «транснациональный урбанизм», исключаящий оппозицию глобального и локального. Однако «городская жизнь» и «городское» – это не одно и то же, хотя они и представляются совпадающими с точки зрения пространственного подхода. Если же посмотреть на эти два понятия с культур-антропологических позиций, то становится очевидным, что городская жизнь может приобретать новые черты, а городское – это сущность, которая проглядывает сквозь видимые

⁷ Митин И. И. Урбанистическая революция, третье пространство и критическая география: взгляд из Сколково // Пространство и урбанизм: образы, структуры и символы: тез. докл. на Междисциплинар. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2018.

⁸ Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / пер. с англ. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 12.



проявления жизни, но не сводится к ним. Сущность есть нечто устойчивое в предмете или явлении, она не изменяется при изменении форм его бытия, этим она и отличается от явлений. Э. Амин и Н. Трифт тоже понимают уязвимость только пространственного подхода для выявления «городского»: «можно спорить о том, насколько главной особенностью расплывающегося и глобально соединенного города остается пространственное соседство»¹². Поэтому нам представляется плодотворным обращение к истории городов, которая способна подсказать те собственно городские сущностные элементы, которые возникали в этом специфическом типе человеческого поселения – городе.

Если проследить генезис и историю городов, то прежде всего следует зафиксировать, что город создается не только как средоточие ремесла, торговли и административно-управленческих функций, но в первую очередь для защиты – защиты от врагов, внешних угроз и опасностей, идущих извне. Стоит также вспомнить, что в Средние века город воспринимался как «ковчег спасения» – место сосредоточения духовного начала, строящегося по образу небесного Иерусалима. То, что город сам превратится в источник опасностей, было поначалу неочевидно, однако требование безопасности – это важнейшее требование, которое горожане по-прежнему предъявляют к городу, интуитивно осознавая, что безопасность – одна из черт собственно «городского». Второй момент, характеризующий «городское», – гибкость, понимаемая как способность адаптации к возникающим обстоятельствам и угрозам, как способность отвечать на вызовы новых проблем. И, наконец, сущность «городского» включает обеспечение и реализацию разнообразия, свободы (пусть всегда и относительной) и общения. Таким образом, «городское» – это не столько характеристика городской жизни, сколько ценностный ориентир, воплощенный в требованиях, которые горожане предъявляют к организации жизни в городе, и реализация, воплощение этих требований в виде условий городской жизни.

Разнообразие как существенный признак города отмечал еще Л. Вирт: «...город можно определить как относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов»¹³. Эта разнородность индивидов, разнообразие их занятий и стремлений является основой для все возрастающей потребности в общении друг с другом.

Гибкость, адаптивность, выступающая важнейшим признаком «городского» не была бы возможна вне деятельного участия горожан в жизни своих городов. В. Л. Глазычев отмечал, что город формирует особую форму культуры как того, что обеспечивает «порождение, распространение и обмен ценностей между относительно свободными гражданами, каковых греки

¹² Там же. С. 11.

¹³ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сб. переводов. М.: ИНИОН, 2005. С. 99.

именовали «политеи», или причастные к политике»¹⁴. Деятельное участие к преобразованиям города и городской среды и создает город, отличая его от слободы, и вызывает к жизни разнообразные объединения горожан. Однако в каждом конкретном городе это деятельное участие представлено по-разному, что и актуализирует проблему нашего исследования.

Материалы и методы. В основу изучения состояния «городского» (сохранения или, напротив, размывания городского начала) при преобразованиях городской формы и изменениях городской среды было положено сочетание пространственного и культур-антропологического подходов. Пространственный подход направлен на выявление сопряжения между пространственными и социальными преобразованиями. Культур-антропологический подход предполагает выявление смыслов, значений и ценностей, на которые ориентируются действующие индивиды. Таким образом, данный подход позволил проследить, каким образом за видимыми проявлениями жизни проглядывает развитие либо угасание собственно городского начала.

Предполагалось, что отдельные составляющие «городского» в реальной жизни южно-российских городов будут подтверждены в ответах респондентов. Опрос жителей методом анкетирования проводился в 2018 г. во всех типах южно-российских городов (исследование проводилось при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00841, общий объем выборочной совокупности составил 1 532 чел.). Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании. Выборка исследования – многоступенчатая: выделено 8 субъектов Южного федерального округа (Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Республика Крым и город федерального значения Севастополь). Выбраны 5 типов городов: крупнейший, крупный, большой, средний, малый. Распределялись они согласно количеству жителей: малые города – до 50 тыс. чел.; средние – от 50 до 100 тыс. чел., большие – от 100 до 250 тыс. чел., крупные – от 250 тыс. до 1 млн чел., крупнейшие – свыше 1 млн чел. Внутри каждого типа сами города определялись случайным образом (путем жеребьевки)¹⁵. В ходе полевых экспедиций нами также было сделано более 1 000 фотографий, отражающих объективное состояние городской среды всех типов городов Южного федерального округа, занятия горожан в общественных пространствах, их реакции на происходящее «здесь и сейчас».

Сбор эмпирического материала проходил в открытых (на улицах, набережных, площадях) и закрытых (в парикмахерских, кафе, фойе кинотеатров) общественных пространствах: людям раздавались анкеты (состоящие из

¹⁴ Глазыхев В. Л. Слободизация страны Гардарики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁵ Штомпель Л. А. Введение // Ценность города и ценности горожан / под общ. ред. Л. А. Штомпель. Ростов-на-Дону – Таганрог : Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2019. С. 8.



82 вопросов), которые они заполняли. Используемые методы помогли достичь результатов, которые резюмируются в статье.

Результаты исследования. Согласно полученным данным, горожанам не хватает такого элемента «городского», как «безопасность на улицах»: так ответили в целом 16,1 % опрошенных, причем в Ростовской области и Адыгее мы получили наибольшие значения – 19,5 и 18,3 % ответов респондентов соответственно, а в Калмыкии – наименьшее (4,0 %) ¹⁶.

Обеспечение общественной безопасности и борьба с преступностью развивались по мере формирования самого города. Сегодня эту важнейшую функцию выполняют органы правопорядка, однако безопасность по-прежнему является проблемой. Это особенно видно на материале оценки ночного города. Современная ночная жизнь города идет активно: работают больницы, аварийные службы, таксисты, открыты двери ночных клубов (в доковидный период). Однако безопасность не может быть обеспечена только силами полиции: «Никакие полицейские силы не способны установить цивилизацию там, где сломаны нормальные механизмы повседневного, непринужденного ее поддержания» ¹⁷. Как показала Дж. Джекобс, рассматривающая улицы и тротуары как «главные публичные места большого города» ¹⁸, для повышения уровня безопасности «...необходимы глаза, устремленные на улицу...», а «на тротуаре более или менее постоянно должны быть использующие его люди» ¹⁹. Если не выполняются эти условия, люди испытывают беспокойство и меньше пользуются данным общественным пространством. Так и возникает порочный круг: меньше людей и глаз – выше опасность, и чем выше опасность, тем меньше людей. Особенно мало людей на улицах в ночное время, хотя город функционирует круглосуточно, причем наименее привлекательны в ночное время плохо освещенные участки города.

Данные опроса показывают существенную разницу во мнениях опрошенных граждан по поводу ночного освещения города и ночной подсветки зданий, памятников и других объектов. 78,9 % респондентов крупнейших, 60,3 – крупных, 62,8 – больших и 51,3 % опрошенных средних городов нравится ночное освещение их населенного пункта. В малых же городах их менее половины – 47,5 %. Именно поэтому в темное время суток город выглядит привлекательным не для всех: если для 46,9 % жителей крупнейших городов улицы и парки хорошо освещены, а здания и различные архитектурные сооружения имеют ночную подсветку, то этот факт подтверждают только 29,5 % респондентов из крупных городов и 28,2 % – из малых городов. «Смотреть не на что» для 6,1 и 7,7 % опрошенных из крупных

¹⁶ Здесь и далее приводятся результаты ответов респондентов и формулировки вопросов анкеты, опубликованные в Приложениях 1 и 2 монографии: Ценность города и ценности горожан / под общ. ред. Л. А. Штомпель. Ростов-на-Дону – Таганрог : Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2019. 304 с.

¹⁷ Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 48, 49.



и больших городов соответственно, «ничего не видно» для 7,8 % опрошенных из крупнейших городов. Вероятно, эти люди проживают в спальных районах, так как центральные улицы или их наиболее привлекательные фрагменты (в крупнейших городах) освещаются, как мы увидели в экспедициях. 6,9 % опрошенных из малых городов в «темное время суток из дома не выходят», в крупнейших городах таких людей только 3,8 %, тогда как в крупных – 7,3, в больших – 7,0, в средних – 5,8 %²⁰.

Важнейшими составляющими сущности «городского» являются свобода и общение. Свобода в создании различных ассоциаций реализовывалась уже в античных городах. Так, Г. С. Кнабе отмечает, что вся история Древнего Рима сопровождалась организацией профессиональных коллегий, дружеских («совещаться с кружком “друзей” при принятии ответственных решений было морально обязательно уже при царях»²¹), дружески-застольных, религиозных, похоронных («складчины бедняков, совместно приобретающих места на кладбище или в колумбарии»²²), политических микрогрупп. Причем эти микросообщества организовывались на всех социальных уровнях: от столичной и муниципальной знати до отпущенников и рабов.

История городов демонстрирует огромное количество разнообразных объединений и ассоциаций горожан. В нашей стране городские сообщества складывались, но затем разрушались. Современные исследователи до сих пор спорят, нужны ли они в принципе. Так, В. Куренной убежден, что в современных городах никаких сообществ нет, что «город – это уникальная культурная лаборатория, которая позволяет человеку быть одному. На протяжении почти всей истории человечества человек не мог быть один – он с необходимостью и неизбежностью был частью сообщества: большой семьи, клана, религиозной общины, сословия. И только в современном городе он получает возможность освободиться от этой неизбежной во всех прочих условиях необходимости быть частью сообщества...»²³. Ю. Григорян, напротив, считает, что наши горожане «очень слабо структурированы как сообщество»²⁴. Это расхождение в оценках объясняется разным пониманием цели создания и «природы» сообщества: в первом случае оно трактуется как искусственно созданная «общинная форма» разрозненных и чуждых друг другу индивидов, во втором – как объединение горожан для защиты общих и достаточно конкретных интересов» [19, с. 36]. Интересы, общие проблемы выступают сущностной основой возникновения городских сообществ. Однако интересы

²⁰ Штомпель Л.А. Ночной город // Ценность города и ценности горожан. С. 97–98.

²¹ Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М. : Индрик, 1994. С. 203.

²² Там же.

²³ Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М. : Strelka Press, 2017. С. 19–20.

²⁴ Григорян Ю. От демиурга к партнеру. Как архитекторы увидели горожан // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? С. 75.



бывают разные: от решения коммунальных проблем до организации общегородских праздников и фестивалей. В любом случае, их наличие (равно как и отсутствие) является признаком присутствия (или утраты) «городского».

Жизнь в городе предполагает постоянное взаимодействие, общение между людьми. Оно может происходить в самых разных местах городского пространства, но наиболее интересно – в открытых общественных пространствах. Начиная с древнегреческой агоры и римских форумов, где культивировалось гражданское достоинство и социальное взаимодействие, и вплоть до современных площадей, улиц, парков и скверов, частично утративших свои бывшие политические функции, но укрепляющих повседневное социальное взаимодействие, общественные пространства по-прежнему призваны обеспечивать различные виды активности горожан, а следовательно, и связность городской жизни. Под связностью мы понимаем осознаваемую горожанами потребность друг в друге, которая базируется на их взаимозависимости. Неочевидность взаимных зависимостей людей друг от друга порождает социальную отчужденность, которую невозможно преодолеть, создавая искусственные объединения.

Мы согласны с Ч. Монтгомери, что «город всегда был проектом по созданию счастья»²⁵. Согласно полученным нами данным, лишь 41,9 % опрошенных жителей всех типов городов счастливы потому, что живут в данном населенном пункте (табл. 1). Меньше всего счастливых в средних городах – 33,3 % опрошенных. 12,6 % респондентов из крупнейших городов, 10,4 – из крупных, 13,5 – из больших, 15,0 – из средних и 15,3 % – из малых считают, что «в этом городе трудно быть счастливым». Причин этого много: «от наличия работы до состояния дворов и улиц» [19, с. 36], от уровня культуры окружающих людей до решения местных городских проблем.

Т а б л и ц а 1. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя немного счастливее от того, что живете в Вашем городе?», %

Table 1. Distribution of answers to the question “Do you feel a little happier that you live in your city?”, %

Вариант ответа / Answer options	Процент ответивших положительно / Percentage of positive respondents
Да, этот город и жизнь в нем делают меня счастливым / Yes, this city and life in it makes me happy	41,9
Жизнь в этом городе не связана с ощущением счастья или полноты жизни / Life in this city is not connecting with feeling of happiness or fullness of life	45,0
Нет, в этом городе трудно быть счастливым / No, it's hard to be happy in this city	13,1

²⁵ Монтгомери Ч. Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 23.



Больше всего счастливы жить в своих городах жители больших и крупных городов, тогда как крупнейшие и средние города не делают людей более счастливыми (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя немного счастливее от того, что живете в Вашем городе?», по типам городов, %

Table 2. Distribution of answers to the question “Do you feel a little happier that you live in your city?”, by type of city, %

Варианты ответа / Answer options	Крупнейшие города / The largest cities	Крупные города / Large cities	Большие города / Big cities	Средние города / Medium cities	Малые города / Small towns
Да, этот город и жизнь в нем делают меня счастливым / Yes, this city and life in it makes me happy	38,7	45,8	46,2	33,3	43,5
Жизнь в этом горо- де не связана с ощу- щением счастья или полноты жизни / Life in this city is not con- nected with feeling of happiness or fullness of life	48,7	43,8	40,4	51,7	41,2
Нет, в этом городе трудно быть счастли- вым / No, it's hard to be happy in this city	12,6	10,4	13,5	15,0	15,3

Возможно, если определить, чего не хватает людям в городах, это сделает их более счастливыми. Оказалось, что больше всего горожанам не хватает «людей, умеющих вести себя культурно» (29,9 % опрошенных), «интересных публичных мероприятий»²⁶ (28,6), «парков и скверов» (19,3), «красивой современной архитектуры» (17,4) и «безопасности на улицах» (16,1 %).

Высказанное респондентами мнение о том, что в городах не хватает «людей, умеющих вести себя культурно», различается в разных типах городов (табл. 3). Оно «конкурирует» лишь с недостатком «интересных публичных мероприятий» (для респондентов из крупных, больших и средних городов), «тишины и спокойствия» (для респондентов из крупнейших городов) и «парков и скверов» (для малых городов). Занимая ведущее место в вариантах ответов, оценка о недостаточности количества людей, умеющих вести себя

²⁶ Приложение 1. Общие простые распределения опроса горожан по типам городов ЮФО // Ценность города и ценности горожан. С. 271.



культурно, является очень тревожным симптомом. Эта оценка может быть истолкована и транскрибирована в самые разные дискурсы: конфессиональный, этнический, сегрегационный и т. д.

Т а б л и ц а 3. Распределение ответов на вопрос «Чего не хватает Вам в Вашем городе?» (не более трех вариантов ответа), по типам городов, %

T a b l e 3. Distribution of answers to the question “What do you lack in your city?” (no more than three answer options), by type of city, %

Варианты ответа / Answer options	Крупнейшие города / The largest cities	Крупные города / Large cities	Большие города / Big cities	Средние города / Medium cities	Малые города / Small towns
1	2	3	4	5	6
Парков и скверов / Parks and squares	14,9	20,3	22,1	14,9	25,4
Тишины и спокойствия/ Silence and calmness	24,8	16,9	7,7	9,1	7,7
Безопасности на ули- цах / Safety in the streets	21,7	17,2	14,7	8,4	11,9
Наличия людей, уме- ющих вести себя куль- турно / The presence of people who know how to behave correctly	31,6	33,3	24,3	36,4	24,2
Интересных публичных мероприятий / Interesting public events	22,9	29,1	33,5	26,0	33,8
Театров, концертных залов / Theaters, concert halls	7,3	12,3	12,5	24,0	22,7
Кафе, баров, ресторанов высокого уровня / Cafes, bars, restaurants of high quality	7,5	10,7	8,8	6,5	16,2
Предприятий бытового обслуживания / Consum- er service enterprises	3,8	5,4	6,6	3,9	3,1
Интересных музеев и вы- ставок / Interesting mu- seums and exhibitions	11,1	11,5	7,7	13,6	15,4
Красивой современной архитектуры / Beautiful modern architecture	18,9	16,1	20,2	13,6	15,4



Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
Зданий в хорошем состоянии, олицетворяющих историю города / Buildings in good condition that represent the history of the city	19,8	14,2	12,1	8,4	13,8
Детских игровых и спортивных площадок во дворах / Children's playgrounds and sports grounds in the courtyards	11,6	12,6	13,2	13,6	12,7
Детских игровых и спортивных площадок в парках / Children's playgrounds and sports grounds in parks	5,4	7,3	5,9	8,4	9,6
Озеленения дворов / Gardening of courtyards	12,7	8,4	9,2	8,4	6,9
Столов со скамейками во дворах / Tables with benches in the courtyards	6,4	8,4	9,9	5,8	8,8
Урн для мусора на улицах / Litter-baskets on the streets.	10,8	11,5	10,7	13,6	4,2
Мемориальных досок с изображениями известных горожан / Memorial plaques with images of famous townspeople	1,2	0,4	2,6	3,9	1,2
Чистоты / Cleanliness	11,6	16,1	9,2	13,6	5,4
Спортклубов, фитнес-клубов и спортплощадок / Sports clubs, fitness clubs and sports grounds	3,1	5,4	4,8	5,8	7,3
Дискотек и ночных клубов / Discos and nightclubs	0,9	2,7	2,9	1,3	4,6
Мест, где можно посидеть и пообщаться с друзьями / Places to sit and chat with friends	7,5	6,9	9,2	4,5	7,7
Красивой набережной вдоль реки (озера) / Beautiful promenade along the river (lake)	6,1	5,0	5,5	15,6	6,9
Фонтанов / Fountains	3,8	5,0	8,5	9,7	4,2
Другое / Other	3,5	2,7	5,5	7,1	1,5



Недостаток в парках и скверах, как видно из таблицы 3, испытывают не только жители малых городов. В парках нуждаются все города: без своих «легких» город задыхается. Кроме того, парки и скверы – это важнейшие рекреационные зоны, необходимые для восстановления психического равновесия горожан. Д. Мэсси обращал внимание на «плотность сетей взаимодействия» в городе [18]. Эта плотность и разнородность выступают причиной «быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [20, с. 23], лежащих в основе «повышенной нервности жизни», которую – в качестве главного свойства жизни в большом городе – выделил Г. Зиммель еще в 1903 г. [20, с. 23]. «Нервность городской жизни» может быть смягчена неторопливыми беседами с друзьями, общением с членами своей семьи во время обычных прогулок в парках. Кризис современной семьи частично компенсируется случайными контактами с незнакомцами. На это обратил внимание Р. Сеннет²⁷. Однако и в том, и в другом случае город должен предоставить эти места для общения.

В открытых публичных пространствах люди реализуют свою потребность в разнообразных занятиях. Прогулки, катание на аттракционах, спорт, фотографирование, созерцание, даже просто сидение на скамейках – вот наиболее распространенные занятия посетителей парков и скверов (табл. 4). К сожалению, городские парки все чаще размещают на своей территории кафе и рестораны, о чем свидетельствуют 44,3 % респондентов, отметивших в качестве занятия в парке свое присутствие в кафе. В качестве отрицательных моментов выделим употребление спиртных напитков (этот вид занятий обозначили 18,1 % опрошенных), использование парка лишь в виде транзитной зоны (16,8) и превращение его в ночлежку для бомжей (5,8 %). Если прибавить к этому, что 49,3 % респондентов считают, что для открытых публичных пространств их городов характерен «недостаток воспитательной, культурной, ценностной составляющей в убранстве улиц», а для 32,7 % – «переполненность, избыток рекламной информации», то становится очевидным определенная утрата важнейших элементов «городского» в наших городах.

Пандемия COVID-19 и период частичного снятия ограничений для непосредственных контактов людей показали еще одну сторону будущего городов: люди желают общаться друг с другом не только виртуально, но и лично: в кафе, на улицах, в парках, на стадионах. Вот эту ностальгию по открытым общественным пространствам, обеспечивающим разнообразные виды непосредственных контактов, можно зафиксировать в парках и скверах наших городов, когда люди буквально хлынули на них весной и летом 2021 г.

Однако горожанин – это не только потребитель готовых городских форм и ландшафтов. Горожанин формировался как гражданин, активное начало городской жизни. Мы же наблюдаем «вымывание» этого начала у горожан.

²⁷ Сеннет Р. Падение публичного человека. М. : Логос, 2002. 424 с.



Т а б л и ц а 4. Распределение ответов на вопрос «Что обычно делают люди в парках и скверах Вашего города?» (не более 5 вариантов ответа), %

Table 4. Distribution of answers to the question “What do people usually do in parks and squares of your city?” (no more than 5 answer options), %

Вариант ответа / Answer options	Процент ответивших / Percentage of respondents
Гуляют с детьми / They walk with children	83,4
Катаются на аттракционах сами или с детьми / They go on any rides themselves or with children	38,9
Сидят в кафе / They sit in a cafe	44,3
Занимаются спортом / They do sports	27,0
Любуются пейзажем / They admire the scenery	23,9
Фотографируются или рисуют / They take pictures or paint	39,2
Слушают уличных музыкантов / They listen to street musicians	10,4
Играют в шахматы, в лото и т. д. / They play chess, lotto, etc.	9,8
Обсуждают спортивные новости на специальной площадке / They discuss sports news at a special place	3,8
Просто сидят на лавочках / They just sit on benches	60,5
Проходят через них, не задерживаясь / They pass through them without stopping	16,8
Употребляют спиртные напитки / They drink alcohol	18,1
Парк – это место ночлега бомжей / The park is a place of stay overnight for homeless people	5,8
Другое / Other	3,0

Следует отметить, что проблемами благоустройства жилого пространства современных российских городов озабочены прежде всего органы местного самоуправления. Активность горожан в этом плане носит минимальный характер и проявляется в основном в спорадических выступлениях против тех или иных непопулярных решений девелоперов или местной администрации. Главная причина отсутствия созидательного отношения жителей города к среде своего обитания заключается в их культурно-ценностных установках, предопределяющих пассивные или активно-деятельностные стратегии поведения. Можно найти множество истоков такого рода поведения: автомобили оккупировали придомовые территории, заборы очертили площади элитных, а следовательно, закрытых поселков, связь между соседями все больше переносится в пространство интернета, понятие «наш Дом» сузилось до масштаба «моя квартира» и т. д. Уже в 2005 г., согласно социологическому опросу,



проведенному Фондом общественного мнения, 17 % респондентов считали, что уборка улиц должна проводиться исключительно коммунальными службами, а 70 % соглашались, что в этом процессе могут участвовать и местные жители²⁸. Согласно результатам нашего исследования, мотивация этих ответов выглядела следующим образом: «Граждане платят за уборку, работники ЖКХ получают за это деньги», «Каждый должен делать свою работу, обязанность ЖКХ – убирать мусор», «У людей нет времени, сил и возможностей, чтобы самим заниматься уборкой территории», а также предлагали другие варианты ответа: «Коммунальные службы должны лучше работать»; «те времена прошли, как раньше, должны убирать ответственные за уборку люди»; «транспорта не дают для вывоза мусора»; «это вопрос совести и собственного достоинства»; «это не моя собственность, и убираться не буду»²⁹. Таким образом, культурные ориентации горожан относительно деятельного участия в улучшении среды своего обитания весьма противоречивы.

Действительное отношение людей к своему городу репрезентируется в разнообразных инициативных движениях, поддерживаемых или саботируемых горожанами – экологические патрули, волонтерские движения, связанные с восстановлением и сохранением историко-культурной среды, внедрение элементов нового стиля жизни, требующего от жителей города внутренней самодисциплины (например, раздельный сбор мусора) и т. д. Наш социологический опрос показал, что в южно-русском регионе далеко не все инициативы такого рода получают распространение. Среди всех открытых вопросов анкеты наибольшие трудности у респондентов вызвал вопрос о личном участии в жизни города. Лидерами ответов были участие в субботниках и даже «Я не мусорю». Многие респонденты посчитали достаточным, что они работают в этом городе и исправно платят налоги. Лишь единицы участвовали в общественной жизни и в волонтерских акциях. Такого рода пассивность является одним из главных симптомов «размывания» городского начала в городах. Утвержденный в марте 2019 г. Федеральный стандарт «Умный город» предполагает реализацию ряда базовых мероприятий: «Активный гражданин» – цифровая платформа по вовлечению граждан в решение вопросов местного значения; «Цифровой двойник города»; внедрение систем мониторинга за состоянием зданий и сооружений и т. д. Возможно, эти мероприятия повысят активность горожан.

Восполнят ли создающиеся экзополисы то городское начало, которое превращает населенный пункт в город? Нам представляется, что «городское» надо сохранять в каждом городе, а не гнаться лишь за новшествами городской формы. В целом не доказано, что американская модель территориально-го развития городов должна подходить ко всем другим странам, в том числе

²⁸ Чистота дворов и улиц: убирать или не сорить? [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/mos/dd052836 (дата обращения: 30.06.2021).

²⁹ Штомпель О. М. Визуальный образ города // Ценность города и ценности горожан. С. 63.

и России. В российских городах преобладает смешанный тип застройки. Поэтому исторические части города являются одновременно и административными, и деловыми, и досуговыми, и торговыми центрами. Точечная застройка центральных районов ведется не менее активно, чем строительство новых деловых, торговых и жилых комплексов на периферии городов. При этом возводимые на окраинах новые микрорайоны усугубляют уже имеющиеся городские проблемы: растягиваются коммуникации, увеличивается трафик, возрастает время, которое люди тратят на передвижения. Скученность людей в общественном транспорте, аварийные ситуации на дорогах и стычки между автолюбителями лишь увеличивают отчужденность горожан друг от друга.

Обсуждение и заключение. Анализ результатов эмпирического исследования позволил зафиксировать существенную связь между типом города и оценками горожанами городской среды и городских проблем, а следовательно, косвенно, и «городского». Установлена противоречивость между ожиданиями и требованиями, предъявляемыми к городу, и личным вкладом горожан в его жизнь.

«Городское» в современных городах действительно размывается. Даже лабораторная точность, с которой создаются экзополисы, не гарантирует сохранения собственно «городского» в той его части, которая связана со спонтанностью действий человека, не предопределенных заданностью градостроительной формы, масштабом архитектурных сооружений, технологичностью инженерных решений, предрешенностью его реакций на происходящее вокруг него, предопределенностью жизненных траекторий.

Новый этап урбанистического развития, на котором сейчас находится человечество, может быть успешно пройден, если мы не будем делать ставку лишь на пространственные преобразования или только на технологические нововведения, хотя они тоже необходимы. Не следует забывать, что город – это прежде всего люди, действующие в рамках собственной культуры, психологии, личных предпочтений. Поэтому и «городское» – это та ценность, та ткань, та проекция городской жизни и условий жизни в городе, которая предполагает живое общение людей, их вовлеченность, а не отстраненность от решения городских проблем, их право на реализацию собственных интересов, а не только интересов девелоперов или администрации. Отсюда вытекает необходимость при всех градостроительных преобразованиях определять приоритеты: экономическая выгода, безопасность, удобства горожан, культурные ценности и т. д. должны быть выстроены в виде вертикали предпочтений при принятии окончательных решений.

Будущее городов по-прежнему базируется на специфически «городском»: на обеспечении разнообразия (в занятиях, способах передвижения, вкусах и предпочтениях и т. д.), общения, свободы, субъективации городского пространства, сориентированного как на вариативность ценностных установок и предпочтений жителей, так и на формирование солидарностей горожан



самого разного типа. «Городское» есть действенная связь с городом, без которой «урбанистический ковер Земли» будет выглядеть красивым лишь из космоса.

Исследование показало, что среди основных задач городской и культурной политики формирование мотивации горожан к активному участию в жизни своих городов выступает в качестве приоритетной и включает в себя, в первую очередь, ориентацию на учет мнений о конкретных преобразованиях городской формы. Именно такой подход является условием развития городского начала в условиях современного этапа российской урбанизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Soja E. W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford; Malden, MA : Blackwell, 2000. 440 p. URL: <https://www.wiley.com/en-us/Postmetropolis%3A+Critical+Studies+of+Cities+and+Regions-p-9781577180012> (дата обращения: 24.06.2021).
2. Lang R. E. *Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis*. Washington : Brookings Institutions Press, 2003. 154 p. URL: <https://www.amazon.com/Edgeless-Cities-Exploring-Elusive-Metropolis/dp/0815706111> (дата обращения: 24.06.2021).
3. Замятин Д. Н. Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопостранственности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 1. С. 9–34. URL: <https://sociologica.hse.ru/2019-18-1/256971607.html> (дата обращения: 24.06.2021).
4. Замятин Д. Н. Постгород (III): политики сопостранственности и новые медиальности // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 232–266. doi: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-232-266>
5. Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147–165. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>
6. Напалкова И. Г., Солдатова А. С., Курочкина К. В. Специфика развития этнонационального пространства современной России как фактор нациестроительства: стратегический ситуационный анализ // Регионология. 2019. Т. 27, № 4. С. 734–755. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.734-755>
7. Филиппов А. Ф. Социология пространства // Логос. Философско-литературный журнал. 2000. Т. 10, № 2. С. 113–151. URL: <https://logosjournal.ru/archive/2000/476698/> (дата обращения: 24.06.2021).
8. Яницкий О. Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/snsp/article/view/2997> (дата обращения: 24.06.2021).
9. Лебедева Н. А., Митин И. И. От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 197–220. doi: <https://doi.org/10.31249/chel/2019.01.00>
10. Silái I., Vitková L. *Public Spaces and the Reflection of Society and its Culture* // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2017. Vol. 245, issue 4. doi: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/245/4/042009>



11. Urban Form and Accessibility / ed. by C. Mulley, J. D. Nelson. Elsevier, 2020. 448 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/urban-form-and-accessibility/mulley/978-0-12-819822-3> (дата обращения: 24.06.2021).
12. Smart, Resilient and Transition Cities Emerging Approaches and Tools for a Climate-Sensitive Urban Development / ed. by A. Galderisi, A. Colucci. Elsevier, 2018. 283 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/smart-resilient-and-transition-cities/galderisi/978-0-12-811477-3> (дата обращения: 24.06.2021).
13. The Role of Public Participation in Energy Transitions / ed. by O. Renn, F. Ulmer, A. Deckert. Cambridge, Mass. : Academic Press, 2020. 248 p. doi: <https://doi.org/10.1016/C2018-0-02096-4>
14. Hemphill T. A. The Innovation Governance Dilemma: Alternatives to the Precautionary Principle // Technology in Society. 2020. Vol. 63. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tech-soc.2020.101381>
15. Bermúdez C., Carlos J., König R. The Role of Technologies and Citizen Organizations in Decentralized Forms of Participation. A Case Study about Residential Streets in Vienna // Technology in Society. 2021. Vol. 66. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tech-soc.2021.101604>
16. Ross A., Godwyll J., Searle M. Walking Mediates Associations between the Neighborhood Environment and Flourishing // Wellbeing, Space and Society. 2021. Vol. 2. doi: <https://doi.org/10.1016/j.wss.2020.100014>
17. Pile S. What is a City? // City Worlds / ed. by D. Massey, J. Allen, S. Pile. London : Routledge, 1999. 196 p. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9780203980323-8/city-john-allen-doreen-massey-steve-pile> (дата обращения: 24.06.2021).
18. Massey D. Cities in the World // City Worlds / ed. by D. Massey, J. Allen, S. Pile. London : Routledge, 1999. 196 p. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9780203980323-10/cities-world-john-allen-doreen-massey-steve-pile?context=ubx&refId=ad657876-4193-433d-bf7a-3d88ea0e8fd0> (дата обращения: 24.06.2021).
19. Штомпель Л. А. Города, создающие нас: трансформация «культуры участия» // Градостроительное право. 2020. № 3. С. 35–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43817996> (дата обращения: 24.06.2021).
20. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Философско-литературный журнал. 2002. № 3 (34). С. 23–34. URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 24.06.2021).

Поступила 30.06.2021; одобрена после рецензирования 31.08.2021; принята к публикации 16.09.2021.

Об авторах:

Филоненко Виктор Иванович, профессор Института философии и социально-политических наук, директор Центра социально-политических исследований Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6967-7683>, vfilonenko@sfedu.ru



Штомпель Людмила Александровна, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42), доктор философских наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-1940>, Scopus ID: 57204318981, lashtompel@sfedu.ru

Штомпель Олег Михайлович, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42), доктор философских наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6881-0806>, Scopus ID: 57204313743, omshtompel@sfedu.ru

Заявленный вклад авторов:

В. И. Филоненко – научное руководство; сбор и обработка данных; критический анализ и доработка текста.

Л. А. Штомпель – научное руководство; формирование концепции; сбор и обработка данных; качественный анализ результатов; подготовка первоначального варианта текста и его последующая доработка; формулирование выводов.

О. М. Штомпель – анализ литературы по проблеме исследования; разработка методологии исследования; доработка текста статьи; формулирование выводов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Soja E.W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford; Malden, MA: Blackwell; 2000. Available at: <https://www.wiley.com/en-us/Postmetropolis%3A+Critical+Studies+of+Cities+and+Regions-p-9781577180012> (accessed 24.06.2021). (In Eng.)
2. Lang R.E. Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis. Washington: Brookings Institutions Press; 2003. Available at: <https://www.amazon.com/Edgeless-Cities-Exploring-Elusive-Metropolis/dp/0815706111> (accessed 24.06.2021). (In Eng.)
3. Zamyatin D.N. Post-City (II): Cartographies of Imagination and Co-spatiality Politics. *Sociologicheskoe obozrenie* = Sociological Review. 2019; 18(1):9-34. Available at: <https://sociologica.hse.ru/2019-18-1/256971607.html> (accessed 24.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Zamyatin D.N. Post-City (III): Co-spatiality Politics and New Mediality. *Sociologicheskoe obozrenie* = Sociological Review. 2020;19(3):232-266. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-232-266>
5. Zamyatin D.N. Post-City: Space and Ontological Models of Imagination. *Politicheskoe issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2018; (3):147-165. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.10>
6. Napalkova I.G., Soldatova A.S., Kurochkina K.V. Specifics of the Development of the Ethno-National Space of Modern Russia as a Factor in Nation Building: A Strategic Situational Analysis. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(4):734-755. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.734-755>

7. Filippov A.F. Sociology of Space. *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal* = Logos. Philosophical and Literary Journal. 2000; 10(2):113-151. Available at: <https://logosjournal.ru/archive/2000/476698/> (accessed 24.06.2021). (In Russ.)
8. Yanicki O.N. Metabolic Concept of Modern City. *Sociologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* = Sociological Science and Social Practice. 2013; (3):16-32. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/snsp/article/view/2997> (accessed 24.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Lebedeva N.A., Mitin I.I. From City towards Exopolis? Urban Cultural Landscape in Critical Geography & Geohumanities. *Chelovek: Obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* = Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects. 2019; (36):197-220. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31249/chel/2019.01.00>
10. Silái I., Vitková L. Public Spaces and the Reflection of Society and its Culture. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2017; 245(4). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/245/4/042009>
11. Mulley C., Nelson J.D., eds. Urban Form and Accessibility. Elsevier; 2020. Available at: <https://www.elsevier.com/books/urban-form-and-accessibility/mulley/978-0-12-819822-3> (accessed 24.06.2021). (In Eng.)
12. Galderisi A., Colucci A., eds. Smart, Resilient and Transition Cities Emerging Approaches and Tools for A Climate-Sensitive Urban Development. Elsevier; 2018. Available at: <https://www.elsevier.com/books/smart-resilient-and-transition-cities/galderisi/978-0-12-811477-3> (accessed 24.06.2021). (In Eng.)
13. Renn O., Ulmer F., Deckert A. The Role of Public Participation in Energy Transitions. Cambridge, Mass.: Academic Press; 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/C2018-0-02096-4>
14. Hemphill T.A. The Innovation Governance Dilemma: Alternatives to the Precautionary Principle. *Technology in Society*. 2020; 63. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101381>
15. Bermúdez C., Carlos J., König R. The Role of Technologies and Citizen Organizations in Decentralized Forms of Participation. A Case Study about Residential Streets in Vienna. *Technology in Society*. 2021; 66. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101604>
16. Ross A., Godwyll J., Searle M. Walking Mediates Associations between the Neighborhood Environment and Flourishing. *Wellbeing, Space and Society*. 2021; 2. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1016/j.wss.2020.100014>
17. Pile S. What is a city? In: Massey D., Allen J., Pile S., eds. City Worlds. London: Routledge; 1999. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9780203980323-8/city-john-allen-doreen-massey-steve-pile> (accessed 24.06.2021). (In Eng.)
18. Massey D. Cities in the World. In: Massey D., Allen J., Pile S., eds. City Worlds. London: Routledge; 1999. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9780203980323-10/cities-world-john-allen-doreen-massey-steve-pile?context=ubx&refId=ad657876-4193-433d-bf7a-3d88ea0e8fd0> (accessed 24.06.2021). (In Eng.)
19. Shtompel L.A. Cities Creating Us: Transformation of the Participation Culture. *Gradostroitelnoe pravo* = Town-Planning Law. 2020; (3):35-38. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43817996> (accessed 24.06.2021). (In Russ., abstract in Eng.)



20. Simmel G. The Metropolis and Mental Life. *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal* = Logos. Philosophical and Literary Journal. 2002; (3):23-34. Available at: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed: 24.06.2021). (In Russ.)

Submitted 30.06.2021; approved after reviewing 31.08.2021; accepted for publication 16.09.2021.

About the authors:

Victor I. Filonenko, Professor, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Director of the Center for Socio-Political Research, Southern Federal University (105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), Doc. Sci. (Sciology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6967-7683>, vfilonenko@sfedu.ru

Liudmila A. Shtompel, Professor, Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics of the Institute of Philosophy and Political Sciences, Southern Federal University (105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), Doc. Sci. (Philosophy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-1940>, Scopus ID: 57204318981, lashtompel@sfedu.ru

Oleg M. Shtompel, Professor, Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University (105/42 B. Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), Doc. Sci. (Philosophy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6881-0806>, Scopus ID: 57204313743, omshtompel@sfedu.ru

Contribution of the authors:

V. I. Filonenko – academic supervision; collection and processing of data; critical analysis and revision of the text.

L. A. Shtompel – academic supervision; concept formation; collection and processing of data; qualitative analysis of the results; preparation of the initial version of the text and its subsequent revision; formulation of conclusions.

O. M. Shtompel – analysis of the literature on the research problem; development of research methodology; revision of the text of the article; formulation of conclusions.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Медийность мероприятий в области культуры и общественный резонанс (на материале Республики Мордовия)



Г. А. Куршева*



И. В. Лаптева



А. В. Чернов



Е. Н. Бикейкин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Российская Федерация)
kursheva_galina@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования заключается в изучении медийности культурных событий, связанных с национальным проектом «Культура». Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования проанализировать активность средств массовой информации Республики Мордовия в освещении мероприятий, связанных с реализацией региональных проектов в сфере культуры, и исследовать общественный резонанс вокруг этих событий с целью усовершенствования.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили публикации в региональных средствах массовой информации, в том числе на родных языках и размещенных в социальных сетях. С помощью разработанной методики мониторинга, включающей сводную таблицу по источникам информации, количественным и качественным характеристикам событий и откликов на них проведен сравнительный и количественный анализ активности потребителей (участников, читателей, интернет-пользователей и пр.) и изучена поквартальная динамика общественного интереса к материалам средств массовой информации.

Результаты исследования. Обнаружены предпосылки успешной медийности культурных событий в эпидемиологических условиях, что напрямую связано с оперативностью выхода новостей, удобством навигации электронных версий средств массовой информации, отсутствием жесткой модерации в социальных сетях в отношении комментариев пользователей. Выявлена зависимость активности населения к новостям культуры от внешних обстоятельств, связанных с ситуацией полного локдауна

© Куршева Г. А., Лаптева И. В., Чернов А. В., Бикейкин Е. Н., 2022



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



и иными ограничениями. С целью привлечения широкой публики к событиям культуры предложены рекомендации по совершенствованию освещенности мероприятий национального проекта.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование способствует созданию благоприятных условий для действенной коммуникации между культурными учреждениями и общественностью, усиливая цифровизацию и повышая социально-культурный потенциал территории. Практическая значимость исследования заключается в рекомендациях по улучшению коммуникативного процесса между организаторами мероприятий в рамках национального проекта «Культура» и потребительской аудиторией в использовании потенциала региональных проектов для совершенствования качества жизни в регионе.

Ключевые слова: медийность, общественный резонанс, мониторинг, региональные средства массовой информации, национальный проект «Культура», региональные проекты, Республика Мордовия

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность начальнику отдела проектов и программ в сфере культуры Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия Ю. А. Елисееву за оперативное предоставление данных по запланированным в регионе на 2020 г. мероприятиям национального проекта «Культура», а также научным сотрудникам О. А. Пивцайкиной, Л. В. Сульдиной, Н. О. Шкердиной, Д. С. Шукину за помощь в осуществлении мониторинга средств массовой информации и составлении аналитики в рамках исследования.

Для цитирования: Медийность мероприятий в области культуры и общественный резонанс (на материале Республики Мордовия) / Г. А. Куршева [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 226–243. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.226-243>

Original article

Media Coverage of the Activities in the Field of Culture and Public Resonance (on the Material of the Republic of Mordovia)

G. A. Kursheva*, I. V. Lapteva, A. V. Chernov, E. N. Bikeykin

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation)

* kursheva_galina@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research lies in the study of the media coverage of cultural events of the national project “Culture”. The purpose of the research is to analyze the work of the mass media of the Republic of Mordovia to cover events related to the implementation of regional projects in the field of culture, and to study the public response to these events in order to improve them.

Materials and Methods. Based on materials in regional mass media, including those in native languages and posted on social networks: a monitoring methodology was developed, including a summary table on information sources, quantitative and qualitative characteristics of events and responses to them; comparative and quantitative analysis of the activity of

consumers (participants, readers, Internet users, etc.) was made and the quarterly dynamics of public interest in media materials was shown.

Results. The prerequisites for successful media coverage of cultural events in epidemiological conditions, which are related to the speed of news release, easy navigation of electronic media versions, lack of strict moderation in social networks regarding users' comments, were found. The dependence of the population activity to cultural events on external circumstances related to the situation of complete lockdown and other restrictions was revealed. Recommendations to improve the coverage of the national project activities were proposed in order to attract a wider public audience to cultural events.

Discussion and the Conclusion. The conducted research contributes to the formation of favorable conditions for effective communication between cultural institutions and society in order to enhance digitalization and intensify social and cultural potential. The theoretical significance of the work consists in the methodology of monitoring the materials of the regional media in order to: increase attendance of cultural events; motivate participation in volunteer work; expand opportunities for self-realization and development of talents; educate a socially responsible person on the basis of values, historical, national and cultural traditions of the peoples of the Russian Federation. The practical significance of the study consists in recommendations how to improve the communication process between organizers of activities of the national project "Culture" and the consumer audience, as well as to use the regional projects potential (including digital) to improve the quality of life in the region.

Keywords: media coverage, public response, monitoring, regional media, national project "Culture", regional projects, the Republic of Mordovia

The authors declare that there is no conflict of interest.

Acknowledgements. The authors appreciate the Head of the Department of Projects and Programs in the Field of Culture of the Ministry of Culture, National Policy and Archival Affairs of the Republic of Mordovia Yu. A. Eliseeva for the prompt provision of data on the activities of the national project "Culture" planned for 2020; the researchers O. A. Pivtsaykina, L. V. Suldina, N. O. Shkerdina, D. S. Shchukin for assistance to monitor the mass media and compile analytics in the course of research.

For citation: Kursheva G.A., Lapteva I.V., Chernov A.V., Bikeykin E.N. Media Coverage of the Activities in the Field of Culture and Public Resonance (on the Material of the Republic of Mordovia). *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):226-243. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.226-243>

Введение. В настоящее время информационная культура как важнейший фактор развития личности является одним из главных объектов социокультурного исследования. Актуальность представленной статьи подтверждается тем, что медийный дискурс как один из инструментов информационной культуры «имеет ярко выраженную контекстуальную онтологию, актуализируемую через познание и воплощение модуса повседневности, и серийно воссоздает новостную сторону ежедневного бытия» [1, с. 78]. В отличие от уже имеющихся научных трудов акцент ставится не только на степени освещенности в региональных СМИ мероприятий в сфере культуры, но и на обратную связь потребителей новостной информации – на общественный резонанс вокруг культурных событий национального проекта «Культура».



Национальный проект «Культура» разработан в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректирован в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Его реализация началась 1 января 2019 г.¹.

Начиная с 2020 г. в целях разработки и осуществления эффективной государственной культурной политики Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия было начато планомерное комплексное исследование медийности национального проекта «Культура»², проведен анализ общественного резонанса относительно современного состояния и перспектив развития культуры в рамках региональных программ «Культурная среда», «Цифровая культура», «Творческие люди».

Постепенно мониторинг данной сферы приобрел большую практическую значимость в силу необходимости понимания механизмов привлечения и приобщения человека к достижениям российской и мировой культуры, к продвижению культурных ценностей и традиций в современном пространстве. Кроме того, активно внедряемые практики независимой оценки учреждений и организаций социокультурной сферы позволили комплексно выделить проблемы и перспективы не только с позиций государства, но и с позиции рядового потребителя. Для оценки общественного мнения Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук как «центром энциклопедических исследований региона»³ была разработана методика, которая базируется на мониторинге новостной информации СМИ и общественного отклика на культурные мероприятия в социальных сетях. Так, в данной работе рассматривается воздействие через СМИ на общественное мнение, реакция различных слоев населения на события культуры в регионе.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить основные тенденции общественного мнения по реализации мероприятий в рамках национального проекта «Культура». Поставленная цель обусловила решение следующих задач: осуществить мониторинг публикаций/репортажей по реализации национального проекта «Культура» в СМИ, интернете и в социальных сетях; проанализировать общественную оценку региональных проектов «Цифровая культура», «Творческие люди», «Культурная среда», что позволит скорректировать политику, проводимую в сфере культуры; определить

¹ Сроки реализации национального проекта «Культура»: 01.01.2019 – 31.12.2024. Источник: Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. М., 2019. С. 28–31.

² Чернов А. В. Научная деятельность НИИГН в 2020 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 2 (58). С. 207–218.

³ Куршева Г. А., Чернов А. В. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия – центр энциклопедических исследований региона // Вопросы энциклопедистики : ежегод. сб. ст. / под общ. ред. У. Г. Саитова. Уфа, 2015. Вып. 5. С. 58–62.

возможности и перспективы социокультурного проектирования для создания и продвижения положительного культурного имиджа региона.

Обзор литературы. С 2019 г. в публицистической и научной литературе стали появляться труды, посвященные сущности, реализации и целевым показателям национального проекта «Культура»⁴, к которым относятся: «увеличение на 15 % числа посещений организаций культуры и увеличение в 5 раз количества обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры»⁵. Повысить посещаемость планируется за счет строительства и реноваций центров культурного развития в 2022–2024 гг., направленных на улучшение качества культурной среды. Движение к цифровизации произойдет за счет увеличения онлайн-трансляций на портале «Культура.РФ», возможностей для онлайн-обучения [2] кадров в сфере культуры, чтения оцифрованных книг в библиотеках, создания виртуальных концертных залов и мультимедиагидов по выставочным проектам.

Отталкиваясь от целевых показателей, отечественные ученые в научных исследованиях ставят акцент: на социально-культурную деятельность современного общества, которая «генерирует, социализирует и транслирует культурные ценности в массы» [3, с. 33], на уровень качества услуг [4], принимая во внимание «нормативно-правовые и организационные аспекты» [5] «для интеграции технологии дополненной реальности»⁶ в сферу культуры.

Мы поддерживаем точку зрения А. П. Благиной [6], что обозначение основных тенденций культурной политики, в частности современной молодежной политики, играет важную роль в успешной реализации национального проекта «Культура» на федеральном и региональном уровнях, хотя «подведение итогов 2019 г. выявило проблемы по осуществлению проекта в регионах, а пандемия потребовала корректировки заданных показателей и мероприятий»⁷.

Особое звучание в национальном проекте приобретают вопросы обеспечения высококвалифицированных и идущих в ногу со временем кадров для учреждений культуры [7–9], которые включают управленческие перспективы [10], молодежные инициативы [11] и приобщение общества к творчеству [12; 13].

⁴ Национальный проект «Культура» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации : сайт. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 15.09.2021).

⁵ Национальный проект «Культура»: целевые показатели и основные результаты // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 156–159. doi: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2019-16-2-156-159>

⁶ Фролова К. В. Обзор формирования информационно-правового пространства для интеграции технологии дополненной реальности в сфере культуры // Культурология, филология, искусство: актуальные проблемы современной науки : сб. ст. по материалам XX–XXI междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2019. С. 18–23.

⁷ Постникова Е. А. Специфика реализации национального проекта «Культура» в рамках федеральной и региональной молодежной культурной политики // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н. В. Емельянова. Саратов, 2020. С. 285.



В статьях С. Барановой⁸, Е. Н. Волхонской [14], Е. Н. Гусевой [15] исследуются векторы проектного развития библиотек и книг в эпоху цифровых технологий, в частности создание модельных библиотек и процесс оцифровки книжных фондов.

Проблемы реализации программы «Культурная среда» в научных трудах встречаются в меньшем количестве, хотя О. С. Медведева считает эту программу одним из важнейших инструментов развития регионов [16]. Национальный проект «Культура» в региональном измерении исследуют М. В. Амгаланова – в Республике Бурятия [17], М. А. Груздева – в Вологодской области [18], О. А. Парис – в Тюменской области [19] и др.

Несмотря на то, что статьи отечественных исследователей о национальном проекте «Культура», переведенные на английский язык [20], заполняют пространство международных баз цитирования (включая портал Researchgate), в зарубежных исследованиях интерес к российскому проекту не проявляется. Тем не менее коллеги из зарубежья полемизируют о важности национальных проектов в целом, описывая их специфику в своих странах: в Венгрии⁹, Польше и Чехии [21], Германии [22], Китае [23], Египте [24], Индонезии [25], Нидерландах [26], Турции [27]. Исследователи изучают организаторские способности и компетентностные качества работников культурных учреждений [28] и вопросы культурной политики, связанные с реализацией национальных проектов¹⁰, затрагивая такие узкие направления, как библиотечное дело [26], медийность культурных событий и ее роль [29] и др.

В завершении обзора научной литературы следует констатировать, что отечественные исследователи указывают на своевременность, целесообразность и перспективность национального проекта «Культура» как на федеральном, так и на региональном уровнях. Зарубежные ученые считают чрезвычайно важными компонентами информационной культуры развитие soft skills и общественное мнение. Новизна представленной работы состоит в изучении ранее неисследованной научной проблемы в условиях эпидемиологической ситуации и в предложенных рекомендациях по созданию положительного общественного резонанса вокруг мероприятий в сфере культуры с целью повышения культурного уровня современного населения.

Материалы и методы. Мониторинг культурных событий национального проекта «Культура» на основе материалов региональных средств массовой информации представляет собой систему регулярного наблюдения за

⁸ Баранова С. Модельная библиотека Муравленко – пространство для людей и идей! // INFOLIB: информационно-библиотечный вестник. 2019. № 4. С. 19–21.

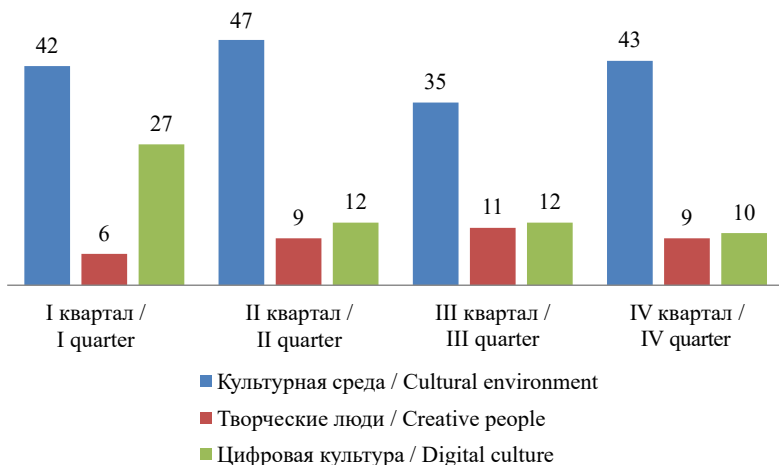
⁹ Csepregi A. National Culture or Sectoral Culture? Analysis of Project Organizations in Hungary and Italy // PMUNI. Vienna, 20–21st November 2017. 2017; Szabó L., Csepregi A. Strategic Management Tools and Techniques: the Cultural Influence // International Forum on Knowledge Asset Dynamics 2016: Conference Paper (15–17 June 2016, Dresden). 2016.

¹⁰ Exploring the Role of Social Media in Knowledge Sharing [Электронный ресурс] / Z. Gaál [et al.]. November 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/289991763_Exploring_the_Role_of_Social_Media_in_Knowledge_Sharing (дата обращения: 15.09.2021).

фактическим положением дел в сфере культуры Республики Мордовия с целью системного анализа и оперативного выявления изменений, оценки тоналности новостных сообщений, прогнозирования их развития, предупреждения нежелательных последствий.

Материалом исследования послужили республиканские средства массовой информации: популярные издания, лидирующие в республиканском перечне каталога Почты России «Подписные издания», пресса на родных языках, материалы основных вещательных телеканалов Республики Мордовия, охватывающие широкую аудиторию читателей и формирующие общественное мнение в регионе. Для выяснения объективной картины было решено отслеживать реакцию пользователей социальных сетей на новости культуры.

Соотношение общего количества публикаций в местных СМИ по кварталам 2020 г. можно наблюдать на рисунке 1.



Р и с. 1. Количество материалов в рамках региональных проектов национального проекта «Культура», освещенных в местных средствах массовой информации в I–IV кварталах 2020 г.

F i g. 1. The quarterly number of materials related to the implementation of Mordovia projects of the national project “Culture”, which received coverage in regional media in 2020

Системный подход позволил исследовать сферу культуры Республики Мордовия и ее связи с другими социально-значимыми звеньями. Культурологическая направленность исследования способствовала выявлению многообразных связей информационных сообщений с культурным пространством



современности, с бытующими реалиями и общественным откликом как культурным кодом смыслопорождения в массовых коммуникациях. Методологическую основу мониторинга составляют сравнительный и количественный анализ, посредством чего аналитические данные структурировались в виде сводной таблицы с выделенными тематическими закладками «Культурная среда» (62 %), «Цифровая культура» (23), «Творческие люди» (15 %). Используемые методы подтвердили целесообразность содержательной конкретизации и прагматической направленности новостных заметок СМИ, посвященных мероприятиям национального проекта.

Результаты исследования. Количественный анализ реакций населения на новости национального проекта «Культура» в СМИ показал, что пик интереса общественности к проекту пришелся на события региональной программы «Цифровая культура». Информационная активность вокруг национальных проектов напрямую связана с количеством и качеством их освещенности в СМИ. Соотношение количественных данных представлено в таблице 1.

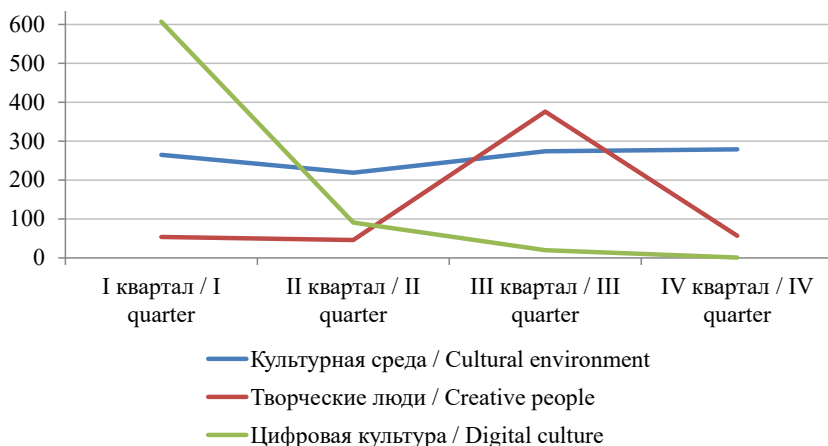
Т а б л и ц а 1. Количество откликов и комментариев на материалы местных средств массовой информации, посвященные реализации в Республике Мордовия региональных проектов национального проекта «Культура» за 2020 г.

Table 1. The number of responses and comments on regional media materials, devoted to the implementation of regional projects of the national project “Culture” in the Republic of Mordovia in 2020

Региональный проект / Regional project	Количество событий/ мероприятий, освещенных в СМИ / Number of events covered in the media	Количество откликов и комментариев / Number of responses and comments			
		всего / in total	в том числе по содержанию оценки / including on the content of the assessment		
			положительный / positive	нейтральный / neutral	критический (негативный) / critical (negative)
Культурная среда / Cultural environment	70	1 057	1 050	7	0
Цифровая культура / Digital culture	26	717	714	3	0
Творческие люди / Creative people	17	533	533	0	0
Итого / Total	113	2 307	2 297	10	0

В течение года доминировала позитивная тональность откликов, представленная большей частью в виде лайков на страницах социальных сетей СМИ, поскольку возможность проставления дизлайков на некоторых социальных страницах часто не предусмотрена. Причинами низкой общественной активности в 2020 г. выступили: слабая заинтересованность в новостях проекта; жесткая модерация у ряда информационных электронных ресурсов («Столица С», «Вечерний Саранск»), отсутствие возможности оставлять комментарии («Эрзянь правда», «Мокшень правда»).

Квартальная динамика обсуждения национального проекта в СМИ показала, что общественная оценка в отношении проектов «Цифровая культура» и «Творческие люди» была неоднозначной. Если в начале года их реализация вызывала пристальный интерес, то затем на протяжении всего года отличалась общественным вниманием «Культурная среда». Пик интереса к программе «Творческие люди» пришелся на III квартал, но IV квартал ознаменовался резким спадом (рис. 2). Заинтересованность населения к новостям республиканских СМИ о ходе реализации национального проекта «Культура» во многом зависела от внешних обстоятельств, в том числе связанных с эпидемиологической ситуацией.



Р и с. 2. Поквартальная динамика общественного интереса к материалам местных средств массовой информации по региональным проектам национального проекта «Культура» (по данным за 2020 г.)

Fig. 2. Quarterly dynamics of public interest in regional media materials, devoted to the implementation of regional projects of the national project "Culture" in the Republic of Mordovia (according to data of 2020)



В отличие от малоинформативных лайков развернутые комментарии дают возможность проследить реакцию и выделить мнение рядового пользователя. Подавляющее большинство комментариев содержало скептические или острые критические замечания. Встречались высказывания, имеющие отрицательную оценку: «Теперь этот штаб кормить надо». В основном подобные комментарии содержали в себе обвинения в адрес властей в неправильной расстановке приоритетов при благоустройстве населенных пунктов: пользователи соцсетей отметили первоочередную важность развития объектов социальной и коммунальной инфраструктур.

Обсуждение и заключение. Всеобщая самоизоляция из-за пандемии COVID-19 изменила сферу культуры, организации стали рассматривать возможность использования альтернативных цифровых площадок, применять технологии виртуальной реальности, что позволило сохранить для населения доступ к объектам культуры и искусства, а руководству республики – продолжать реализацию запланированных мероприятий. Следствием этого стали рост интереса к цифровым продуктам в сфере культуры, неизбежная отмена многих культурных событий в стандартном «живом» формате, замедление темпов выполнения проектных мероприятий «Культура».

В регионе создана и развивается информационная система поддержки всех национальных проектов, обеспечивающая возможность получения актуальных сведений о целях и ходе их реализации. Наибольший интерес в среде пользователей к мероприятиям регионального проекта «Культурная среда» объясняется востребованностью услуг, предоставляемых республиканскими культурно-просветительскими и досуговыми учреждениями, актуальными и для районов республики. Из-за эффекта новизны и онлайн-доступности конечного продукта (виртуальные экскурсии, выставки, концерты, театральные постановки и кинопоказы) мероприятия в рамках программы «Цифровая культура» в 2020 г. вызвали устойчивый интерес. За счет проявленного интереса читателей прессы, аудитории телеканалов и пользователей социальных сетей к творческому самовыражению талантливых земляков востребованным остается и проект «Творческие люди».

Исследование медийности культурных событий выявило востребованность таких принципов отражения материала, как оперативность реагирования СМИ, информационная глубина публикаций, навигационная доступность, ориентированность на решение конкретных задач. Данные принципы во многом повлияли на тональность общественного резонанса (нейтральная, позитивная, критическая).

С целью совершенствования освещенности культурных событий в СМИ рекомендуется шире использовать вовлекающий контент социальных сетей (опросы, голосование, репосты, квесты, розыгрыши и пр.); увеличить долю аналитических статей и информационно-аналитических репортажей при освещении событий культуры; для стимулирования обмена мнениями

либерализовать модерацию в социальных сетях и на интернет-страницах СМИ; создать специальные рубрики, чтобы облегчить мониторинг информации. Указанные рекомендации помогут обеспечить действенную коммуникацию между общественностью и учреждениями культуры, которые способствуют созданию во всем мире благоприятных условий для самореализации и раскрытия талантов у населения, внедрению цифровых технологий и подъему технологического и социально-экономического развития.

Результаты исследования общественного резонанса и медийных предпочтений в культурном пространстве чрезвычайно важны для дальнейшего стратегически верного и эффективного освещения событий. Социальный эффект заключается в личностно ориентированных перспективах, благодаря которым потребительская (пользовательская) аудитория сможет добиться высоких показателей в самосовершенствовании, самоуверенности и, как следствие, самореализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хорольский В. В. Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 4. С. 75–89. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2013/4/mediynost-v-tekstakh-smi-i-ponyatie-mediynogo-modulya/> (дата обращения: 15.09.2021).
2. Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Преимущества и недостатки цифровизации гуманитарного образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 89–94. doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-89-94>
3. Волостнова Ю. Е. Организация социально-культурной деятельности в контексте задач национального проекта «Культура» // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. № 1 (11). С. 132–136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44911242> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Карпова О. В., Невердовская М. А., Синяева О. Ю. Целевые показатели национального проекта «Культура» в контексте международной практики: эффективность управленческого инструментария и потенциал влияния на развитие сферы культуры // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 62–88. doi: <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.4>
5. Еремина Е. А. Национальный проект «Культура» как инструмент финансово-правовой политики в сфере деятельности государственных учреждений культуры // Вопросы экономики и права. 2019. № 132. С. 21–25. doi: <https://doi.org/10.14451/2.132.21>
6. Благинина А. П. Государственная культурная политика в Российской Федерации и инструменты ее реализации // Миссия конфессий. 2019. Т. 8, № 1 (36). С. 60–71. URL: <http://confessions-word.ru/index.php/zhumaly/tom-8-chast-1-36> (дата обращения: 15.09.2021).
7. Важова Л. В., Богдан Н. Н. Проблемы региональной кадровой политики при реализации национального проекта «Культура» // Развитие территорий. 2021. № 3 (25). С. 53–58. doi: <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-3-53-58>



8. Воронцова М. Г., Васильева А. Д. Развитие новых форм и современных технологий подготовки кадров индустрии туризма в творческом вузе // Профессорский журнал. Сер.: Рекреация и туризм. 2020. № 3 (7). С. 37–43. doi: <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2020-3-7-37-43>

9. Дворовенко О. В., Тараненко Л. Г. Технологический подход к проектированию системы дополнительного профессионального образования для библиотечных специалистов: первые итоги реализации федерального проекта «Творческие люди» в Кемеровском государственном институте культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 52. С. 182–191. doi: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52>

10. Ивлиева И. А., Полагутин Л. В. Педагогическая культурология М. А. Ариарского в контексте реализации национального проекта «Культура» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 106–114. URL: [http://vestnik.mgik.org/arkhiv-zhurnala/maketVM/2018-6\(86\)VESTNIK_MGUKI+.pdf](http://vestnik.mgik.org/arkhiv-zhurnala/maketVM/2018-6(86)VESTNIK_MGUKI+.pdf) (дата обращения: 15.09.2021).

11. Шунков А. В., Григоренко Н. Н. Организационно-педагогические и дидактические условия востребованности образовательных программ центра непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры КЕМГИК // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 286–294. doi: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-53-286-294>

12. Голышева И. В. Творческая элита сферы культуры: вклад в реализацию национального проекта // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5 (85). С. 157–162. doi: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.24>

13. Денисов Н. Г. Федеральный проект «Творческие люди» – новый субъект профессионального роста работников культуры // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 3 (74). С. 7–9. URL: <https://kjur.kgik1966.ru/content/cms/files/42062.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

14. Волхонская Е. Н. Библиотека и книга в эпоху цифровых технологий: векторы проектного развития // Библиотекосведение. 2019. Т. 68, № 3. С. 330–335. doi: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2019-68-3-330-335>

15. Гусева Е. Н., Иванова Е. А. Национальный проект «Культура» как новый этап развития библиотек (по материалам ежегодного совещания руководителей федеральных и центральных региональных библиотек России) // Библиотекосведение. 2019. Т. 68, № 6. С. 659–666. doi: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2019-68-6-659-666>

16. Медведева О. С., Левкина В. Н. Национальный проект как инструмент развития регионов: проект «Культурная среда», реализованный в Калужской области // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11-1. С. 86–91. doi: <https://doi.org/10.17513/vaael.1398>

17. Амгаланова М. В., Манзырева Е. С. Проблемы культурологического образования в региональном вузе (на примере ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», Республика Бурятия) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 52. С. 209–217. doi: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52-209-217>



18. Груздева М. А., Ипатова С. С. Развитие региональной сферы культуры в контексте целей национального проекта «Культура» // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.11>
19. Парис О. А. Реализация национального проекта «Культура» на примере АУ «Культура» Нижнетавдинского района Тюменской области // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2020. № 2 (16). С. 271–274. URL: http://tumgik.ru/images/files/Nauka/Vestnik_02-16-2020.pdf (дата обращения: 15.09.2021).
20. Faltsman V. On National Projects for the Future of Russia // Problems of Economic Transition. 2019. Vol. 61, issue 6. Pp. 510–519. doi: <https://doi.org/10.1080/10611991.2019.1823722>
21. National Projects and Civilizational Hierarchies / B. Trencsenyi [et al.] // A History of Modern Political Thought in East Central Europe. 2016. Pp. 67–515. doi: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198737148.003.0003>
22. Hennig M. Überwachung in der Kultur – Kultur der Überwachung // Orwels Enkell. Überwachungsnarrative / hgg. W. Jung, L. Schüller. Bielefeld : Aisthesis Verlag, 2019. Pp. 101–126. URL: https://www.researchgate.net/publication/349608739_Uberwachung_in_der_Kultur_-_Kultur_der_Uberwachung#fullTextFileContent (дата обращения: 15.09.2021).
23. Leung G. Innovation Technology as a National Project // Innovative and Creative Industries in Hong Kong / ed. by G. L. K. Leung. 1st Edition. London : Routledge, 2018. Pp. 27–34. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315157917-4>
24. Zaazou Z. A. Citizens' Participation in Financing National Projects (An Applied Study on the Enlargement of the Suez Canal of Egypt) // Review of Economics and Political Science. 2020. doi: <https://doi.org/10.1108/REPS-10-2019-0131>
25. Gabr A., Khalaf K., Helewa G. National Projects as Development Poles and their Impact on Urban Development // IOP Conference. 13th International Conference on Civil and Architecture Engineering (ICCAE-13), 7–9 April 2020. 2020. Vol. 974. doi: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/974/1/012030>
26. Braun P., Hörnig L., Visser F. A New Approach towards a National Inter-Library Loan System in the Netherlands: Introducing VDX // Interlending & Document Supply. 2006. Vol. 34, no. 4. Pp. 152–159. doi: <https://doi.org/10.1108/02641610610714713>
27. Houston Ch. Global Cities, National Projects, Local Identities // Islam, Kurds and the Turkish Nation State. 2001. London: Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9781003085744-3>
28. Organizational Characteristics and Social Competences / Z. Gaál [et al.] // The International Journal of Management Science and Information Technology. 2013. Issue 10. Pp. 176–193. URL: https://www.researchgate.net/publication/259753337_Organizational_Characteristics_and_Social_Competences (дата обращения: 15.09.2021).
29. Morgan H., Hedgepeth O. Multi-National Project Culture and Communications: A Case Study // The International Journal of Knowledge, Culture, and Change Management: Annual Review. 2006. Vol. 6, issue 5. Pp. 31–40. doi: <https://doi.org/10.18848/1447-9524/CGP/v06i05/49553>

Поступила 03.11.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 17.12.2021.



Об авторах:

Куршева Галина Александровна, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, kursheva_galina@mail.ru

Лаптева Ирина Валерьевна, главный научный сотрудник – заведующий отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), профессор кафедры немецкой филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор философских наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, Scopus ID: 57203011236, Researcher ID: O-3676-2015, laptevaiv@yandex.ru

Чернов Алексей Викторович, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, chernovaleks@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич, заместитель директора – ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeikin1977@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. А. Куршева – постановка проблемы исследования; выбор методов исследования; проведение критического анализа материалов; внесение предложений по совершенствованию медийности национального проекта «Культура».

И. В. Лаптева – изучение научных публикаций по теме исследования; сбор аналитики; проведение критического анализа материалов.

А. В. Чернов – постановка проблемы исследования; графическое изображение основных результатов исследования; научное редактирование аналитических отчетов; разработка практических рекомендаций.

Е. И. Бикейкин – постановка задач исследования; разработка концепции мониторинга региональных СМИ; анализ аналитических материалов мониторинга.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Khorolsky V.V. Mediality in Mass Media Texts and the Idea of Media Modulus. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* = Bulletin of the Moscow University. 2013; (4):75-89. Available at: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2013/4/mediynost-v-tekstakh-smi-i-ponyatie-mediynogo-modulya/> (accessed 15.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Lapteva I.V., Pakhmutova E.D. Advantages and Disadvantages of Digitalization of Liberal Education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology. 2020; 26(1):89-94. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-89-94>
3. Volostnova Yu.E. Organization of Social-Cultural Activity in the Context of the Tasks of the National Project “Culture”. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* = Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture. 2019; (1):132-136. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44911242> (accessed 15.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Karpova O.V., Neverdovskaya M.A., Sinyaeva O.Yu. Indicators of the National Project “Culture” in the Context of International Practice: Effectiveness of Managerial Tools and the Potential of the Impact on the Development of the Cultural Sphere. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. = Horizons of Humanities Knowledge. 2019; (5):62-88. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.4>
5. Eremina E.A. National Project “Culture” as an Instrument of Financial and Legal Policy in the Field of Activity of State Cultural Institutions. *Voprosy ekonomiki i prava* = Economic and Law Issues. 2019; (132):21-25. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.14451/2.132.21>
6. Blaginina A.P. Government Cultural Policy in Russian Federation and Instruments of its Implementation. *Missiya konfessij* = Mission Confessions. 2019; 8(1):60-71. Available at: <http://confessions-word.ru/index.php/zhurnaly/tom-8-chast-1-36> (accessed 15.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Vazhova L.V., Bogdan N.N. Problems of Regional Personnel Policy in the Implementation of the National Project “Culture”. *Razvitie territorij* = Territory Development. 2021; (3):53-58. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2021-3-53-58>
8. Vorontsova M.G., Vasilyeva A.D. Development of New Forms and Modern Technologies for Training Tourism Industry Personnel in a Creative University. *Professorskij zhurnal. Seriya: Rekreatsiya i turizm* = The Professors Magazine. Recreation and Tourism Series. 2020; (3):37-43. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18572/2686-858X-2020-3-7-37-43>
9. Dvorovenko O.V., Taranenko L.G. Technological Approach to Projecting the System of Additional Professional Education for Library Specialists: First Results of the Federal Project “Creative People” in Kemerovo State Institute of Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts Journal of Theoretical and Applied Research. 2020; (52):182-191. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52-182-191>
10. Ivlieva I.A., Polagutina L.V. Pedagogical Culture Studies of M. A. Ariarsky in the Context of Implementation of the National Project “Culture”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. 2018; (6):106-114. Available at: [http://vestnik.mgik.org/arkhiv-zhurnala/maket-VM/2018-6\(86\)VESTNIK_MGUKI+.pdf](http://vestnik.mgik.org/arkhiv-zhurnala/maket-VM/2018-6(86)VESTNIK_MGUKI+.pdf) (accessed 15.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Shunkov A.V., Grigorenko N.N. Organizational, Pedagogical and Didactic Conditions for the Demand for Educational Programs of the Center for Continuous Education and Advanced Training of Creative and Managerial Personnel in the Field of Culture of the KemGIK. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts Journal of Theoretical and Applied Re-



search. 2020; (53):286-294. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-53-286-294>

12. Golysheva I.V. The Creative Elite of The Cultural Sector: Contribution to the Implementation of the National Project. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* = Society: Philosophy, History, Culture. 2021; (5):157-162. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.24>

13. Denisov N.G. Federal Project “Creative People” – A New Subject of Professional Growth of Cultural Workers. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii* = Cultural Studies of Russian South. 2019; (3):7-9. Available at: <https://kjur.kgik1966.ru/content/cms/files/42062.pdf> (accessed 15.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Volkhonskaya E.N. Library and Book in the Digital Age: Project Development Vectors. *Bibliotekovedenie* = Russian Journal of Library Science. 2019; 68(3):330-335. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2019-68-3-330-335>

15. Guseva E.N., Ivanova E.A. The National Project “Culture” as the New Stage of Development of Libraries (based on the Materials of the Annual Meeting of the Heads of Federal and Central Regional Libraries of Russia). *Bibliotekovedenie* = Russian Journal of Library Science. 2019; 68(6):659-666. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2019-68-6-659-666>

16. Medvedeva O.S., Levkina V.N. The National Project as a Tool for the Development of Regions: The Project “Cultural Environment” Implemented in the Kaluga Region. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020; (11-1):86-91. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.17513/vaael.1398>

17. Amgalanova M.V., Manzyreva E.S. Problems of Cultural Education in a Regional Higher Education Institution (in Case of FSBEI “Eastern Siberian State Institute of Culture,” the Republic of Buryatia). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts Journal of Theoretical and Applied Research. 2020; (52):209-217. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52-209-217>

18. Gruzdeva M.A., Ipatova S.S. Development of the Region’s Cultural Sector in the Context of the Objectives of the National Project. *Socialnoe prostranstvo* = Social Area. 2019; (5). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.11>

19. Paris O.A. Implementation of the National Project “Culture” on the Example of the Autonomous Institution “Culture” of the Nizhnetavdinsky District of the Tyumen Region. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kultury* = Herald of Tyumen State Institute of Culture. 2020; (2):271-274. Available at: http://tumgik.ru/images/files/Nauka/Vestnik_02-16-2020.pdf (accessed 15.09.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Faltsman V. On National Projects for the Future of Russia. *Problems of Economic Transition*. 2019; 61(6):510-519. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/10611991.2019.1823722>

21. Trencsenyi B., Janowski M., Baar M., Kopeček M. National Projects and Civilizational Hierarchies. In: Trencsenyi B., Janowski M., Baar M., Kopeček M. A History of Modern Political Thought in East Central Europe. 2016. p. 67-515. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198737148.003.0003>

22. Hennig M. Überwachung in der Kultur – Kultur der Überwachung. In: Jung W., Schüller L. Orwels Enkell. Überwachungsnarrative. Bielefeld: Aisthesis Verlag; 2019.

p. 101-126. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349608739_Uberwachung_in_der_Kultur_-_Kultur_der_Uberwachung#fullTextFileContent (accessed 15.09.2021). (In Germ.)

23. Leung G. Innovation Technology as a National Project. In: Leung G. Innovative and Creative Industries in Hong Kong. London: Routledge; 2018. p. 27-34. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9781315157917-4>

24. Zaazou Z.A. Citizens' Participation in Financing National Projects (an Applied Study on the Enlargement of the Suez Canal of Egypt). *Review of Economics and Political Science*. 2020. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/REPS-10-2019-0131>

25. Gabr A., Khalaf K., Helewa G. National Projects as Development Poles and their Impact on Urban Development. In: IOP Conference. 13th International Conference on Civil and Architecture Engineering (ICCAE-13); 7–9 April 2020. 2020. 974. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1088/1757-899X/974/1/012030>

26. Braun P., Hörnig L., Visser F. A New Approach towards a National Inter-Library Loan System in the Netherlands: Introducing VDX. *Interlending & Document Supply*. 2006; 34(4):152-159. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/02641610610714713>

27. Houston Ch. Global Cities, National Projects, Local Identities. In: Houston Ch. Islam, Kurds and the Turkish Nation State. London: Routledge; 2001. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9781003085744-3>

28. Gaál Z., Szabó L., Szabó A., Csepregi A. Organizational Characteristics and Social Competences. *The International Journal of Management Science and Information Technology*. 2013; (10):176-193. Available at: https://www.researchgate.net/publication/259753337_Organizational_Characteristics_and_Social_Competences (accessed 15.09.2021). (In Eng.)

29. Morgan H., Hedgepeth O. Multi-National Project Culture and Communications: A Case Study. *The International Journal of Knowledge, Culture, and Change Management*. 2006; 6(5):31-40. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.18848/1447-9524/CGP/v06i05/49553>

Submitted 03.11.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 17.12.2021.

About the authors:

Galina A. Kursheva, Director, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Doc. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, kursheva_galina@mail.ru

Irina V. Lapteva, Principal Researcher, Head of the Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation); Professor of the Department of German Philology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Doc. Sci. (Philosophy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0444-4237>, Scopus ID: 57203011236, Researcher ID: 0-3676-2015, laptevaiv@yandex.ru

Aleksey V. Chernov, Deputy Director on Scientific Work, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk



430005, Russian Federation), Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, chernovaleks@mail.ru

Evgeny N. Bikeykin, Deputy Director, Academic Secretary, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Doc. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Contribution of the authors:

G. A. Kursheva – statement of the research problem; selection of research methods; conducting a critical analysis of materials; making recommendations to improve media coverage of the national project “Culture”.

I. V. Lapteva – study of scientific publications on the topic of research; collection of analytics; conducting a critical analysis of materials.

A. V. Chernov – statement of the research problem; graphic representation of the main research results; scientific edition of analytical reports; development of practical recommendations.

E. N. Bikeykin – statement of research objectives; development of the concept to monitor regional media; analysis of monitoring data.

The authors have read and approved the final version of manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему



для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также выкладываются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10х15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format



with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY



Редактор *Е. С. Суркова.*

Компьютерная верстка *Е. П. Гординой.*

Перевод *А. А. Сомкина.*

Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 15.03.2022. Дата выхода в свет 31.03.2022. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 250 экз. Заказ № 274. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

Е-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies



Editor *E. S. Surkova.*

Desktop publishing by *E. P. Gordina.*

Translation by *A. A. Somkin.*

Sub-editor *E. P. Gordina.*

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov.*

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 15.03.2022. Date of publishing 31.03.2022. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 14.41. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 274. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Е-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.